

Мария Станкевич. Рассказы

Второй том

Призрак, призрак, появись

От издателя

Во второй том вошли разные тексты Марии Станкевич. Во-первых, все рассказы, написанные с 2019 по 2022 год и не вошедшие в первый том, поскольку тот был составлен раньше. Во-вторых, несколько самых ранних её рассказов, публиковавшихся когда-то в моих сборниках „Русские инородные сказки“ и „78“; возможно, кто-то из читателей ещё помнит эти сборники и наш с издательством Амфора общий литературный проект „ФРАМ“. В-третьих, рассказы „Монтаж оборудования“, „Пилотная серия“ и „Призрак, призрак, появись“, которые, по замыслу автора, со временем должны были перерасти во что-то большее (повести, циклы рассказов, романы – этого мы с вами уже не узнаем). И наконец, главы незаконченного романа „Заброшка“, настолько сильные, что выглядят самостоятельными произведениями, хотя всем нам, первым читателям „Заброшки“, бесконечно жаль, что мы никогда не прочитаем её финал.

Макс Фрай

Оглавление

Вводная лекция

Петрова, не отвлекайся

Трясёт

Dog's day

Ты куда?

Наташ, честно

Письмо главного редактора

Письмо главного редактора (апр, 2200)

Монтаж оборудования

До работы

Пилотная серия

Призрак, призрак, появись

Как дойти до рынка

1 июня

Вопрос веры

Щенки одного помета

Неинтересно

Кассир Васильев

Ленка

Служба радости

Секунда на размышление

Ходят

Заброшка

Вводная лекция

Концов света хватит на всех. Даже и не беспокойтесь. Но и не надейтесь, что вы сможете придумать что-то новое. Впрочем, за любую попытку – бонус.

Как вы возможно уже заметили, все здесь, кроме вас, покрыты шрамами, швами, синяками, а также татуировками – некоторые делают их, чтобы забыть, но большинство – чтобы помнить всегда.

Помнить лучше. Когда конец проходит и свет включается снова – лучше помнить. Чтобы в следующий раз испытать что-то новое.

Очень скучно, когда на твои тучные пастбища, оливковые рощи и цветущие поля в третий раз падает метеорит. Вновь и вновь выходящее из моря чудовище в конце концов заставляет тебя зевать, хотя увидев его впервые, ты думал, что нет ничего прекраснее и ужаснее одновременно. Восставшие мертвецы надоедают практически сразу. И даже трубящих ангелов невозможно слушать бесконечно и хочется сменить мелодию. Или хотя бы музыкальный инструмент.

Но ангелы не любят струнные и ударные. Бог уж их знает почему.

Супервулканы, глобальное похолодание, пандемии, ядерная война – все это хорошо раз, другой, максимум третий. Дальше – становится ужасно скучно. И обидно: вы не помните, но вы ощущаете и имя этому ощущению – тоска.

Конечно, вам сейчас кажется, что все будет не так. Вы ждете и предвкушаете. Уверяю: вы успеете все. Насладитесь таянием ледников, почувствуете на себе ярость Фенрира, все тех же ангелов наслушаетесь до одури, увидите, как угасает мир после исчезновения пчел, потреплете по загривкам четырех коней, столкнетесь с нефтяным кризисом, поразитесь тому, как прекрасен огонь Самвартака, окунетесь в воды многочисленных потоков, поучаствуете в последней битве с искусственным разумом и узнаете, каким именно способом пришельцы уничтожат вашу уютную планету.

Ограничений, разумеется, нет. Чем больше простых задач вы

пройдете, тем легче вам будет дальше. Пробуйте, варьируйте, комбинируйте, как угодно.

И абсолютно неважно, каким образом, но все же попытайтесь запомнить и испытать как можно больше. Ваше тело – самая удобная тетрадь, но вовсе необязательная. Можете делать записи хоть иглой на рисовом зернышке, только не дайте какой-нибудь курице его склевать.

Но, в целом, записи – просто традиция. Никто не упрекнет вас в том, что вы ей не следуете. Традиции существуют для радости. И хотя некоторые коллеги со мной не согласны, но главное – помнить и не возвращаться к испытанному больше двух-трех раз. Концов света великое множество, чтобы застревать в одном и том же.

Когда вы пройдете обязательную программу, перейдем к более трудным историям. Здесь выбор тоже велик (но и также быстро наскучивает). Войны, тирания, локальные эпидемии, ошалевшие колдуны, техногенные аварии, цунами, землетрясения – всего много, всего хватит.

Забегая немного вперед все же скажу: для тех, кому захочется большего, будут задачи со звездочкой. Утрата любимого человека, болезни, потеря работы, случайные или намеренные перестрелки, измены, предательства, банкротства, бытовые конфликты, зависимости и сомнительные увлечения... Впрочем, пока вам об этом еще рано, но с теми, кто перейдет на высокие уровни, мы обязательно все детально обсудим.

И вот когда на вашем теле и ваших рисовых зернышках не будет свободного места, когда вы поймете, что день, в который галактика Андромеды врезалась в Млечный Путь, был столь же прекрасен и обыкновенен, как и день, когда вы отчаянно пересолили суп... Когда вы порежете палец о лист белой бумаги и разрыдаетесь, поняв, что вот он – последний миг человечества, тогда...

Тогда нам будет о чем поговорить по-настоящему. И вы узнаете главное. То, во что поверить прямо сейчас вы не сможете. Даже не пытайтесь. Но через сотни сотен концов света вы вспомните нашу первую встречу и наконец осознаете:

свет – бесконечен.

А вот лекция наоборот окончена. Следующая – через тысячу лет. И постарайтесь не опаздывать.

2020 г.

Петрова, не отвлекайся

— Петрова, тебе совсем неинтересно?

Историчка плавилась и даже слегка искрила. Да, божесуши!

Петрова вздохнула и перевела глаза от доски к куполу. За ним, среди полной черноты, крутился разноцветный шарик Планеты. И смотреть на него надо было очень внимательно, впереди зачет.

Но, конечно, Петровой неинтересно. За три лекции по техисту она на Планету уже насмотрелась. Пока та красной была, без кислорода, еще ничего, но эта мешанина зеленого, синего и белого приводила ее в уныние.

Она и раньше Планету видела, кстати. Даже не на слайдах. Большое дело, подумаешь, жучок на лекцию запустить. У Петровой этих жучков по всему школьному отсеку посеяно, просто она не всё смотрит.

— Сегодня, — историчка перестала плавиться и зажурчала, — мы поговорим о самом страшном и важном дне в нашей истории — дне, когда Наша Прекрасная Планета погибла, а мы спаслись. Кто скажет официальное название?

Петрова не меняя позы, скосила глаза в сторону доски. Да все помнят, божесуши, каждый год одно и то же: День Отлета, он же День Спасения, великий праздник, такой великий праздник, наши герои, наши корабли, почему у тебя, Петрова, пятно на форме, ты позоришь весь класс, нет, всю станцию и лично Капитана! Как будто Капитан о ней вообще знает.

Так-то Петрова и весь третий класс даже не родились тогда еще. Даже, может, историчка не родилась сама, а туда же. Сидела вместе со всеми в пробирках в холодильнике, яйцеклетка безмозглая.

— Петрова, ч-что ты сказала?!

Петрова испуганно втянула воздух: ой, божесуши, я чего, вслух? Про пробирки им еще знать не положено, это только старшкам рассказывают. Не, все, конечно, всё знают, но огрести можно ой-ой. Петрова выпрямила спину и выпучила глаза на купол.

— Еще одно замечание, Петрова, и вылетишь из класса.

Сзади кто-то хихикнул. Жаль, нельзя посмотреть, кто — историчка снова плавится, надо бы пересидеть пару минут. Ладно, потом жучок покажет, разберемся.

— И самое важное, — голос исторички снова смягчился и слегка задрожал, — вместе с вами сегодня нашу тех-историческую экскурсию на нашу незабвенную Родину смотрят наши прославленные герои и наш

замечательный Капитан нашей Станции, которые в День нашего Отлета рискуя своими...

Петрова отключилась и снова скосила глаза. Там, у доски, стоял аппарат, который был ей в сто, нет, божесуши, в стодесять раз интереснее всей этой болтовни. ТИП — технико-исторический проектор, благодаря которому все классы могут практически в реальном времени (пусть и с небольшими задержками и помехами) наблюдать за тем, как на Планете сначала возникла жизнь, а потом и закончилась.

Конечно, мозги у ТИПа были припрятаны в другом месте, здесь только устройство вывода. Но и оно интересненькое, а для мозгов ТИПа, Петрова была готова это признать, ее собственных мозгов еще не хватало.

Вообще-то, к ТИПу даже старшаков не пускали, это отдельно учиться надо. Но Петрова сходила с ума от любопытства уже не первый год. Однажды даже стащила кой-где схемку, простую, даже без особых подробностей, но и за эту добычу три дня в изоляторе посидеть пришлось. Изолятор вспоминать не хотелось, но схема заучилась сразу и намертво.

И вот она-то ее с самой первой лекции по техисту и беспокоила. Что-то не сходилось в том, как ТИП выглядел, и тем, как она его помнила. А, значит, есть подвох. А, значит, нет ничего важнее, чем добраться до ТИПа и все прояснить.

Петрова сидела прямо, правый скошенный глаз уже заныл, а левый — не видел ничего кроме кончика носа. Она лихорадочно продумывала план действий. Лекция последняя, а после лекции класс закроют на стодесять замков и не доберешься уже. Будет обидно.

Включилось корабельное радио, зазвучал мужской голос, суровый и решительный, как и полагается голосу Капитана. Он был там, на своем посту, но он был и здесь — вместе с третьим классом.

— Дорогие мои люди, дорогие дети, — сказал Капитан, — сейчас вы увидите самый страшный, трагичный и возвышающий день в нашей истории — День Отлета.

Историчка приглушила свет и выкрутила динамик ТИПа. Трескучий звук наполнил класс. На разноцветном шарике за куполом начали появляться сначала искры, потом вспышки, а потом весь шарик запылал огнем.

— Сейчас, дети, мы приблизимся максимально. Вы увидите то, что видели с Кораблей Спасения покидающие Планету.

Сзади кто-то захныкал, но даже с жучка смотреть неинтересно

будет. С Планеты поднялись Корабли Спасения. Грохотало и гудело так, что закладывало уши. Петрова брякнулась на колени и быстро-быстро поползла между стульев к ТИПу.

— Вот так, наши доблестные герои спасли человечество! — голос Капитана гремел, перекрывая даже грохот из динамиков. — Смотрите и помните! Помните!

Петрова лихорадочно гладила ТИП, прекрасный, нежный аппарат из бархатистого пластика (она и не думала, что он такой приятный на ощупь). Петрова искала несоответствие. Немножко мешали шум и темнота, но она старалась изо всех сил.

— А теперь, дети...

Ага, что-то не так.

—...вы увидите, во что превратилась...

Так-так!

—...наша прекрасная Родина...

Так вот же оно!

—...которую мы будем помнить...

Историчка крутанула динамики и в классе резко стало ужасно тихо. За куполом, на максимальном приближении, среди полной черноты, крутился шар, покрытый черной коркой и красно-коричневыми трещинами — все, что осталось от Планеты.

— Помните... — изнемогая, прошелестела историчка.

— Помните! — отчеканил Капитан.

Сзади кто-то заревел.

Петрова наконец справилась с маленьким, едва заметным и очень тугим рычажком — чк-к.

Изображение на куполе пошло рябью. Петрова хмыкнула: этого быть не могло, это же не запись, это же... окно, иллюминатор. Петрова сделала еще несколько щелчков — чк-к, чк!

Когда рябь пропала, за куполом, на максимальном приближении крутился шар — голубой, белый и отчего-то немного лиловый. И не было на нем ни черной корки, ни трещин. Только золотистые огни, разбросанные тут и там.

Из динамиков раздались ругательства. В коридоре что-то гроыхнуло. Класс загудел. Историчка зажала рот руками, а потом убрала их.

— Дети, она живая! Мы... можем... мы... вернемся...

Динамик рычал, выл и ругался. Петрова уважительно подняла голову: таких слов она даже от старшаков не слышала, божесуши.

Включилась сирена тревоги и стало совсем шумно. Дверь в класс распахнулась, на пороге появилась станционная охрана: все на выход!

За куполом крутился шар. Голубой, белый, немного лиловый.

Петрова заключила, что ТИП фигня — кто делает аппараты без защиты от дурака? А потом немного подумала и заклинила рычажок намертво.

2022 г.

Трясёт

— Я тебе говорю — трясет!

— Да нечему там трясти! Два каких-то толчка — ерунда!

— Сама посмотри, ну! Ну!

Инга вздохнула. Быть на смене, когда здесь толкутся эти двое, настоящая пытка. На станции пятнадцать прекрасных спокойных человек, но ей вот вечно везет. И вроде Нелли и Ян тоже вполне прекрасные, помогут, если что, шутить умеют, Ян, когда на кухне дежурит, так вообще счастье и добавки побольше. Но в качестве соседей по рубке — просто мука. Никогда ни в чем не согласны друг с другом, еще и шумные. Сколько раз все просили, чтобы дежурного отселить, но нет. Аааа!

— Ингеша, привет!

— Привет! Вот же, трясет, убедилась? Аппарат не врет.

Главный камень преткновения у этих двоих — буквально камень! — группа из шести скал примерно в ста километрах от станции. Нел считает их рукотворными (недоказуемо, какие руки на маленькой планете, где ничего кроме камней и мертвого океана), Ян, конечно, стоит на естественном происхождении (но тоже не в состоянии никого убедить). Инга не геолог, но уже готова согласиться с любыми аргументами, только бы не орали так.

— Хорошо, трясет. Механизмы? Ооо, это будет сенсация! Я говорила, говорила!

Проблема в том — ну насколько Инга поняла происходящее — что скалы, мало того, что формы какой-то подозрительно правильной, так с них еще и пробы взять нельзя. Нечем, слишком твердый материал. Совершенно незнакомый. Третью неделю Нел и Ян бьются, а никак даже песочка наскрести не могут. Сейчас ждут с Большой Земли какие-то сверх-супер-прочные буры и еще какие-то сверх-супер-секретные реактивы, но то пока дождешься. Грузы месяцами согласовывают. И все это время они будут орать, аааааа!

— Ингеш, представляешь, там трясет!

Инга уже упала в кресло дежурного и даже попыталась надеть наушники, чтобы принять смену, а это, между прочим, требует концентрации, но нет. Нел вопила прямо в ухо.

— Ингешечка, мы возьмем Стрижа, сгоняем? А? Мы посмотреть, туда и обратно.

Ну, конечно, Стрижа им. Вы еще спасательный Беркут попросите. Так и разбежалась вам самые быстрые буера на станции выдавать. К тому же до разрешенного времени выезда еще сорок минут. Если она выпустит их наружу раньше, проблем огребет на весь срок службы. А то и на дольше.

— Ну, Ингешечка, ну мы быстро! Ну очень надо! Понимаешь? Даже если не я права, а этот остолоп с планетотрясением, все равно почти сенсация!

С другой стороны, пока они оденутся, пока соберут аппараты, пока выведут буер из гаража (небыстрая процедура так-то), сорок минут и пройдут. Что такого? Зато делом будут заняты и, главное, не здесь. Стриж она им, понятно, не даст, но Чеглок пусть берет. Исследователи фиговы.

Но все же не удержалась от маленькой мести и заставила заткнуться, пока смену не примет. Притихли, как миленькие.

— Чеглок-2, это Черепаха, как слышно, прием, — через минуту Инга откроет шлюз и выпустит заполошных Нел и Яна в путь. Разбирайтесь со своими яйцами, да подольше, пусть станция от вас передохнет.

— Черепаха, Чеглок-2 на связи! У нас все готово! Прием! — даже в наушники орут, хотя аппарат тончайше настроен, дыхание можно разобрать, если нужно.

— Не теряйтесь и возвращайтесь, — традиционное напутствие уезжающим со станции.

— Оставайтесь на месте! — традиционный ответ. — Прием!

Когда буер отчалил, Инга наконец расслабилась. Если ничего экстраординарного не случится, сегодня больше выездов не планировали. Значит, смена ожидается спокойная, за одним экипажем следить — ерунда. К тому же, будем честны, Нел и Ян умницы и профи, косячить на выездах не умеют органически. А внутренние переговоры буера слушать не обязательно. А, значит, будет ти-ши-на. Уф.

— Черепаха, я Чеглок-2, прием.

По времени буер еще не должен был добратся до скал. Что-то случилось?

— Чеглок-2, Черепаха тут, прием.

— Ингеша, здесь трясет очень сильно. Пришлось затормозиться. Но

мы подбираемся ближе, жутко интересно.

— Стоять! — Инга не знала, что у них там трясет, поверила, что «каких-то два толчка» и расслабилась. Чертыхнувшись, выпустила на мониторы все камеры буера — и внешние, и внутренние.

На внутренних все было относительно спокойно: Нел и Ян, хоть и качались сильнее обычного, сидели с сияющими лицами первопроходчиков и явно были в восторге от происходящего. Но вот изображение с внешних камер Инге не очень понравилось. Скалы — шесть вытянутых и действительно довольно подозрительно гладеньких овоида — тряслись, как старые заводные игрушки. И вокруг них тоже все тряслось и даже немного трескалось, насколько Инга успела рассмотреть.

— Чеглок-2, назад на базу! Немедленно!

— Ингешик, тут сенсация! — в два голоса — Какая база!

— Это приказ!

Куда там. Как ни кричала Инга — да кто вообще осмелился бы ослушаться приказа дежурного?! — камеры буера все ближе наезжали на скалы. Не прекращая взывать к разуму геологов, Инга связалась с начальницей станции (бедная Дон примчалась в рубку прямо из душа, босиком и в халате), назначила спасательную команду и уже на всякий случай приготовилась объявлять эвакуацию.

А лица у геологов были воодушевленные.

— Трясет! — это Нел. — Сейчас мы все и узнаем!

— Еще как! — это Ян. — Первое зафиксированное планетотрясение!

— Трясет! — хором. — Мы войдем в историю. Сенсация! Открытие!

— Ненавижу! — завопила Инга. Дон шикнула на нее и отобрала микрофон, как будто это что-то могло изменить. Спасательная команда мялась у шлюза. Вся остальная станция, включая еще недавно спящих, нервно дышала у дверей рубки, через головы пытаясь рассмотреть, что там на мониторах.

— Смотрите! Смотрите! — закричал Ян, как будто кто-то еще не смотрел.

Скалы тряслась. Камеры тряслись. Буер ходил ходуном. Звук, который он транслировал, навевал мысли о небольшом конце света.

О нас никто не вспомнит, внезапно подумала Инга. Маленькая мертвая планета, маленькая героическая станция, максимум — три строчки в конце новостей. Между рекордным урожаем кукурузы на Большой Земле и временны́м прогнозом для Системы.

Овоиды пошли трещинами. Потом начали осыпаться осколками. Затем — пролились мутной жижой пополам с крошками. А затем Инга свалилась в обморок от перенапряжения. О рождении шести гигантских черепашек (ну, все уверяли, что больше всего они похожи именно на черепашек) она узнала от Нел и Яна уже после того, как они вернулись на станцию.

— Это чудо! Sensация! Хорошо, что океан в другой стороне! Как жаль, что ты все пропустила! — кричали они и требовали заказать на станцию хотя бы одного биолога. Ага, ждите. Тут грузы месяцами согласовываешь, а они живого спеца хотят!

2022 г.

Dog's day

- Сколько раз мне еще надо сказать, а? – говорит Агата. – И не смотри на меня так, слышишь.

Глаза у Феликса – собачьи. И сам он весь как собака – большая, лохматая, черная собака. Идиотская, глупая, влюбленная собака.

- Ты что, плохо понимаешь? Я тебя больше не люблю. Уходи.

Говорит Агата тихо, но строго. И металла в голосе презрительно. А как еще с собаками разговаривать? Не орать же. Феликс от ора съезживается, зажимается и вообще перестает понимать, чего от него хотят. Собака и есть.

- Уходи, Феликс. Слышишь?

Феликс тяжело дышит, а в карих глазах чуть не слезы стоят. Но только чуть – Агата знает – собаки не плачут.

- Агата, - говорит Феликс. – Агата...

И смотрит. Ой, блин.

- Послушай, - Агата начинает говорить очень мягко, - послушай меня внимательно, пожалуйста. Еще раз. Последний раз. Я. Тебя. Больше. Не. Люблю. Понимаешь? У меня нет к тебе никаких претензий, просто так получилось. Я устала. Я больше не хочу. Не могу... Ты хороший, ты замечательный, ты ни в чем не виноват, но... ну, я правда... ну, Феликс! Ну, ради бога!

Она сбивается, забывает, что хотела сказать. Потому что – невыносимо. Когда он так смотрит, Агата начинает чувствовать себя распоследней дрянью. Жестокой, бездушной тварью. Живодеркой. Убийцей щенков.

Но и терпеть это все больше действительно нет никаких сил. Дурдом же, а не отношения. Таскается за ней хвостом, ждет везде, лезет, куда не просят. Еще и ревнует, как бешеный. И ладно бы сцены закатывал – послала бы без раздумий. Так нет же вот: сядет, вздохнет всепонимающе, всепрощающе, да смотрит... Вроде: ты сделала мне больно, но я не сержусь, нет-нет, как можно, я же люблю тебя. Господи бог ты мой. Не-вы-но-си-мо.

- Все. Уходи, - Агата собирает остатки решимости и протягивает Феликсу сумку. На лицо ему не смотрит. – Забирай свои вещи и уходи.

Так и не дождавшись реакции, она бросает сумку на пол,

разворачивается и чеканным шагом покидает комнату. Идет в спальню. Там темно, но Агата не включает свет. Она сразу падает в кресло и на шаривает на тумбочке сигареты. Выкуривает две подряд и немножко успокаивается.

*

Этот несчастный даже не умеет толком стучать в дверь, скребется тихонько. Долго скребется, осторожно. Агата его даже не сразу услышала: за окном проходит шоссе и машины заглушают большинство звуков в квартире.

- Агата? – силуэт на пороге полон скорби и покорности. – Агата, понимаешь... Поздно уже... уже автобусы ко мне не ходят. Можно я у тебя переночую? Последний раз. Пожалуйста...

О, господи. Агата скрипит зубами, почти перекусывая фильтр третьей сигареты.

- Агата?

- Можно, - наконец отвечает Агата. – Только не здесь, как ты понимаешь.

- Да я хоть на коврике... - Феликс смущенно смеется. - Как собака, знаешь...

- Вот-вот, - не сдерживается Агата. - Самое тебе там место.

**

Утром Агата долго не хочет признаваться себе, что проснулась. Делает вид, что еще очень-очень крепко спит, бесконечно прокручивает последнюю сцену сна, наполняя ее новыми деталями и смыслами. Там, во сне, не было напряжения последних недель, не было Феликса с его кошмарной собачьей любовью, не было бесконечных вымороченных разговоров и чувства вины. Хорошо там было.

Но солнце щекочет Агатино лицо, не давая сосредоточиться и снова заснуть по-настоящему. Вставать надо. Надо вставать. Агата вздыхает и потягивается. Интересно, он ушел? Или в надежде, что она передумала, застрял где-нибудь в квартире? С него станется.

Агата прислушивается. Вроде тихо, может, и правда ушел, а? Эх... Она откидывает одеяло и спускает ноги на пол. Вместо привычного линолеума пальцы натываются на густую, лохматую собачью шкуру.

Шумный счастливый вздох снизу и испуганный Агатин вопль сливаются в один сложносочиненный звук, который тут же перекрывает своим ревом проезжающий по шоссе грузовик.

- Ты серьезно? – от удивления Агата немного повышает голос. – Ты что, серьезно полагаешь, что я – ради тебя или ради кого-то другого – могу отказаться от своей собаки? Обалдел?

- А что в этом такого? - Петр, кажется, искренне не понимает. – Человек выше собаки просто по определению. А уж если ты меня любишь...

Он пытается приобнять Агату, словно хочет этим жестом подтвердить – уж он-то точно лучше любой собаки. Любой вообще, не то что этой бестолковой кучи меха, которая только и знает, что мешаться под ногами.

- Идиот, - презрительно говорит Агата, сбрасывает со своего плеча руку мужчины, только что ставшего чужим, и встает с лавочки. – Феликс, пойдем.

Бестолковая куча меха, столь не любимая Петром, вылезает из-за кустов шиповника, где пряталась от жаркого солнца, и лениво идет вслед за хозяйкой.

- Агата! – вскрикивает Петр, резко вставая и делая несколько шагов вперед. И возглас, и движения выходят у него непонимающими, обиженными и агрессивными одновременно. Впрочем, агрессии, кажется, все-таки больше, чем всего остального. Потому что Феликс останавливается, оглядывается и скалит зубы. Совсем чуть-чуть, просто приподнимает верхнюю губу. Этого вполне достаточно, чтобы Петру расхотелось дергаться и совершать глупости. Он оседает обратно на лавочку, даже от страха немного поджимает ноги, и нервно восклицает, не отрывая взгляда от белых клыков:

- Ну, Агата же!...

Агата уходит, не оборачиваясь.

2007 г.

Ты куда?

— Ты куда?

— На квиз, мам. Я же говорила!

— Хорошо. Шапку надень, там холодно. И Обормота возьми с собой.

— Ну, мам! Ну куда?..

— Он сегодня плохо какал! Возьми.

— Ну куда я его там дену? Ну игра же, ну, мам!

— Раньше тебе игра не мешала.

И не поспоришь. Брала уже. Тогда, правда, они на улице играли и Обормот все семь раундов валялся в траве и ловил жуков. Но сейчас-то зима. И игры давно переехали в подвальное кафе. Понравится ли это владельцам кафе? Понравится ли это самому Обормоту? Ну только если всех подкупить... Лишний кофе, побольше чаевых и булочку плохо какавшему, чтобы сидел тихо. Мама булочку, конечно, не одобрит, но уж тут уж, извините, сама навязала.

— Ладно! Но одеваешь его ты! Я уже опаздываю.

Под мамино бормотанье и кряхтенье Обормота, которого запихивали в вязанный комбинезон, все проверила: времени в обрез, но еще хватает, паспорт и деньги в сумке, сигареты из тайника достала, пока никто не видит, косу еще раз перевязала зеленой лентой, чтобы ни волоска не выбилось. Куртка, ботинки, шарф... ладно, шапка так и быть, а то знаем мы, сейчас начнется.

— Пожалуйста, осторожнее.

Мама выдала одетого Обормота и прислонилась к косяку.

— Мамочка, я всегда осторожна!

— Паспорт взяла? Сегодня женщины в магазине говорили, что опять комендантский час вводить будут.

— Вот еще новости? Зачем бы это?

— Не знаю, может, опять сигналы какие. Слухи всякие ходят.

— Мам, прекращай слушать кого попало. Никаких сигналов, все уже давно хорошо.

— Четыре года назад тоже думали, что все хорошо. А потом началось.

— А теперь не начнется! Все закончилось уже! Сто лет как закончилось!

— А вот орать на мать не надо.

Так, спокойно. Никто, конечно, не орал, мама пошутила, но

волнуется-то она всерьез.

— Прости, мамуль, я не ору. Обещаю-обещаю быть самой осторожной девочкой в мире. А если прям внезапно объявят комендантский час, останусь ночевать у Павлика.

— После игры сразу же домо... Чтооо?! Что еще за Павлик?

— Хороший Павлик, мам! Прямо чудесный Павлик! Скоро познакомлю.

— Вот только Павлика нам и не хватало!

— Он тебе понравится!

— Мне кажется, мне не следовало тебя никуда отпускать!

— Мне кажется, ты уже не имеешь такой возможности! Я уже выросла!

Тут важный момент: подскочить, слегка нависнуть над невысокой мамой и чмокнуть ее в макушку.

— Видишь, как прям выросла, мамуль!

— Ай! Тьфу ты. Да уж. Вырастила на свою голову.

Мама засмеялась. Отбой воздушной тревоги.

— Все, беги уже, а то опоздаешь.

— Бегу, мамуль. Люблю тебя!

Шапку натянула, пусть мама порадуетя, Обормота в сумку устроила, окно распахнула и под негодующий мамин вопль прыгнула прямо в сугроб. Вот чего негодовать? Он огромный и мягкий, это же совершенно безопасно, сто раз так делала!

Вылезая из сугроба, привычно бросила резкий взгляд на небо и привычно же себя отругала. Сколько можно бояться? Ничего там нет, только плотная зимняя темнота и полоса защитных огней. Всех, кого могли, убили. Все остальные — улетели, поджав хвост, в свои дебилские галактики или откуда они там были. На орбите только наши, даже ее собственный брат там. Он не пропустит ни одного чужака, который решит снова напасть на Планету. Херушки им! (Ох, мама не слышит, какими словами она тут думает.)

Нет, пришлось еще подышать, как учили на курсах. Потому что сколько ни ругалась, а сердце все еще прыгало каждый раз, когда выходила из дома.

Вдох. Выдох. Все, успокоилась. Теперь главный вопрос: дать Обормоту сделать свои дела прямо здесь или ближе к кафе? Пусть у кафе. Там обязательно кто-нибудь будет еще курить и можно сделать вид, что она совсем не опоздала. Вот же она! Просто Обормотик сегодня

очень плохо какал, вы же понимаете, нельзя мучать собаченьку!

2022 г.

Наташ, честно

Не так мы себе это представляли.

Придумывали вирусы, зомби, рептилоидов, бойцов полураспада, цены на нефть, восстание динозавров, метеоритные дожди, войну всех со всеми, что угодно.

Но она прилетела, застряла и все перепутала.

Она все-все перепутала, Наташ.

Время перепутала. Пространство перепутала. Нас с тобой.

Где ты сейчас?

Помнишь, шутили, что будем старые девы с сороками... сорокью... черт, я забыла, как разговаривать. Короче, по сорок кошек на брата.

На сестру.

Тебе сорок и мне сорок.

Ну вот, мои — со мной. Я, правда, не совсем уверена, что их именно сорок. Может тридцать девять, может сорок две. Часть из них определенно, и не кошки вовсе, а коты.

И вот, кстати, вообще не беспокоятся. Что им. Это мне тяжело.

Она прилетела и всех нас уронила, Наташ.

Хуже всего со временем. Как у тебя со временем? У меня так: вчера была среда, сегодня — неизвестно что. Календари не просто врут, завираются. Часы ходят как попало. Сигналов точного времени по радио не передают. Потому что больше никакого радио нет.

Ничего больше нет.

Даже на солнце положиться нельзя. Хуже кошек. Встает со всех

сторон разом. Не встает вообще. Встает и скачет. Встает и падает обратно. Встает и стоит, стоит, стоит, пока я не начну орать. Потом тоже стоит.

Сегодня утром вышла из дома в восемь. Вернулась — вчера до полуночи. Туда, где я все еще спала в своей постели. Пришлось садиться и ждать, пока не проснусь и не освобожу себе койку.

Кошкам все равно. Бесятся, носятся, дерутся и все роняют. Чувства времени у них, допустим, нет. Чувства стыда тоже. А пространства?

Вот стена. Ее много, она везде. Как эта прилетела, так везде стена и стала. Встала. Стена встала стеной, я слишком давно не видела людей, разговариваю как этот...

Как эта, Наташ. Докатилась.

Короче. Стена. Везде. Кошки ходят, им что. Я могу хоть головой биться — никак. Два километра в одну сторону, два километра — в другую, в третью и все остальные — вот и все мое пространство. Спасибо, супермаркет попал. И немножко реки.

Она теперь, кстати, в другую сторону течет. И над головой. Сейчас-то привыкла, но сначала думала — все. Приплыли.

Эта висит. Солнце скачет. Река над головой. Стена. Кошки ходят, я не могу. Бухала неделю. Потом еще неделю рыдала.

Потом успокоилась.

Честно, Наташ. Думаю, ладно: кошек есть чем кормить. Себя тоже. Река течет. Солнце дурит, но светит. Ну, дрянь эта налетевшая, тоже симпатичная бывает. Если долго не смотреть.

Поговорить не с кем. С тобой вот разговариваю, хотя тебя здесь нет.

И стена не нравится. Совсем-совсем не нравится, но я надеюсь на кошек. Они еще и не такое роняли.

Они и ее уронят, Наташ. Честно.

2020 г.

Письмо главного редактора

Дорогие друзья!

С особым чувством представляю вам новый номер нашего журнала. Во-первых, мы стоим на пороге величайшего события — мир готов к запуску нового Корабля. «Ковчег-2» под управлением капитана Котец уйдет в Великий Космос уже через несколько декад, Земля с трепетом и восторгом ждет этого момента. Мы все столько сделали для него: делились ресурсами, отказывали себе во многом, мечтали и надеялись. И хотя на корабле помещаются всего три тысячи человек, можно с уверенностью сказать, что каждый выживший — часть этого большого проекта. Читайте о подготовке «Ковчега-2» на стр. 8-14 и желайте команде удачных поисков планеты для Большого Переселения.

Во-вторых, рада сообщить, что обстоятельства, которые мешали нам выпустить прошлый номер журнала, разрешены! Отряды защиты нашли преступников, которые украли с таким трудом собранные запасы бумаги и сожгли бункер с тремя лучшими писателями журнала. О том, как завершилась эта детективная и трагическая история читайте на стр. 19, а дату казни ищите в Календаре Грядущих Событий на стр. 21.

А, в-третьих, нашему журналу исполняется 20 лет! 20 лет назад, ровно через год после Перемены, в одном из бункеров Города А совпали в пространстве и времени немного бумаги, несколько писателей и желание менять мир. Было непросто: частенько не хватало ресурсов, над нами смеялись, на нас нападали, мы болели, умирали, переживали пожары и бури, выходили нерегулярно. Но сегодня мы с гордостью говорим — мы устояли и продолжаем информировать вас о самом важном, что есть в мире. Но, дорогие друзья, без вашей поддержки этого ничего бы не было, спасибо вам!

Для юбилейного номера мы отобрали самые интересные и важные материалы за эти годы и переписали их, обновив данные и убрав досадные описки. Последний Сигнал с «Ковчега-1», интервью с первыми Вышедшими на Свет, прощание с Луной, подборка самых любопытных мутаций за двадцать лет — ищите в новом номере все

то, за что вы полюбили наш журнал.

И, конечно, читайте наши свежие материалы: репортаж из центра пустынной бури, роскошный гид по лучшим питейным заведениям всех трех городов, советы экспертов о том, что делать, если ваши соседи фонят и скрываются от врачей, 10 лучших способов почистить фильтр в респираторе и сразу три истории из цикла «Земля до конца Земли»!

Как обычно, напоминаю, друзья: нам всегда нужны писатели, переписчики и вычитыватели. Важная работа, веселая команда, есть бонусы: дополнительный паек и большие запасы марли. Обращайтесь в

«Дальше оторвано», — Басенька делает жест разочарования.

«Пха! На самом интересном месте!» — Котец-пятая тоже расстроено скалит зубы.

«А вот зачем они это делали, а? — Ирк мало того, что вечно задает вопросы не попадая, так еще и руками вертит так, что не поймешь, чего сказать-то хочет. — Вот зачем? Журнал, бумага, переписывать...»

«Ну надо же им было чем-то заняться?»

«Вот балда, — Басенька жестикулирует медленно, чтобы успели увидеть и Ирк, и Котец-пятая. — Обмен информацией же! Какие варианты?»

«Это я понимаю, — отмахивается Ирк. — Почему бумага? Зачем писать? Что у них, техники не было? У нас же есть, значит, у них была».

«Балда, — повторяет Басенька. — Конечно, не было. Все же для «Ковчега-2» забрали. Ну как бы экзамен на носу, ты сдавать собираешься?»

«Пха! Я лучший поисковик корабля за сто лет, как будто меня могут завалить!»

«Одного так завалили уже, помнишь Синенькую? — Басенька сердится. — Сидит теперь в механичке, детальки протирает».

«Она дурак, а я нет», — Ирк дважды бьет пальцами под подбородком — дурак-дурак.

«Пха! А вот скажи недурек, что такое мутант?» — Котец-пятой нет больше радости, чем поймать Ирк на чем-нибудь.

«Ну это легко... это... Этот! Когда чего-то в организме не хватает! — Ирк щелкает носом, крутит пальцами, ладонями, даже локтями. — И... и

она, например, не светится ночью, как все. Или пальцы на ногах. Или волосы, там, на голове растут, помните, как у Сан-до из восемнадцатого блока, фу, бе».

Ирк торжествующе смотрит на Басеньку и Котец-пятую. Ведь и правда не дурак и учится, просто иногда есть вещи-то и поинтереснее, чем древние способы обмениваться информацией. Они вообще тогда еще не родились. Ни Ирк, ни Басенька, ни Котец-пятая. Еще никто из живущих сейчас на «Ковчеге-2» не родился, а на Земле уже никого и не было.

«Вы вот лучше вот скажите: а они точно все померли?»

«Точно, — Басенька сталкивает указательные пальцы. — И ты это тоже забыл: все ресурсы забрала «Ковчег-2», а больше там ничего и не было. А что было, то скоро закончилось. Мы же Последний Сигнал слушали! Померли».

«Жалко, да? — Ирк опять невпопад. — Могли бы им чего-нибудь и оставить».

«Нет, — отвечает Басенька. — Нам было нужнее».

Котец-пятая кивает, соглашаясь с Басенькой, и осторожно прячет обрывок журнала подмышкой — на черной палубе такие редкие штуки ценятся, можно еды на две декады выторговать. Повезло.

2020 г.

Письмо главного редактора (апр, 2200)

іДружочек мои. іМы живы — будем жить.

Новые номер что Космос. іВы звезды. Письмо скоро. Пара кос: не нравятся карточки на экр 8, 12, 49 и разв 249-250. Ищите варианты.

Спасибо за нов менталику. іРаботать — Космос.

Теперь главное. іЯ нашли. іНе верили. іНо это точно они. іЭто полный Космос.

Пара дробностей. Но недля публ. Проболтаетесь — оторвем и уволим момент. Готовьте планы.

.о Ковчег-2 — Космос. Но банка ĩкак летали. Фонят — страх. Скаф на пределе. Но сверхновая. ĩЗемля вздрогнут. ĩЛитцер наш.

.1 Открытые записи см. ĩМного карточек. Трогательно: школа. Дети — Космос. Безволос. Фонят. Говорят руками. Непонимаю. Нужны спец. Отдельный материал.

.2 Непонятно: ĩкуда делись. Найдем — сверхновая. Но мертвые нет. ĩНедавно. Комментарии.

.3 Уровни недаются. Видели три. Ниже — никак. Блок. ĩМожет там. Слышали звуки. Странно. Вернемся завтра.

.4 Черные ящики недаются. Найдите Хардзян, они Космос. Под подписки. Спецномер.

.5 Печально: монументы смертной Земле. Представьте, думали, мы — все. Космос. Но печально. Ищите потомков. Отдельный материал.

.6 Бесценно: ĩписьмо главред. ĩ20 лет. ĩНАШИХ ЖУРНАЛА. Даже на Земле неосталось. Запаяны в чтото ĩкак пласт. Хор сохранились. См. прил. Ищите главредов. ĩСпецномер .

ĩТакто.

Любим вас, дружочек мои. Скучаем. Берегите малышей и наши журнал. ĩМы — Космос. ĩМы живы — будем жить.

2020 г.

Монтаж оборудования

Перед тем, как позвонить в дверь, как обычно вспоминаю маму. Она всегда говорила: «Генрих, если можешь не пугать людей, напрягись – и не пугай. Им будет приятно». Поэтому я собираю волю в кулак и стараюсь вести себя как настоящий джентльмен. Даже несмотря на истошное ржание Ника, который, на мое несчастье, иногда оказывается в такие моменты рядом.

Но тут Ника нет, так что я растягиваю губы в самой дружелюбной из своих улыбок и нажимаю на кнопку.

Дверь открывает девочка лет пятнадцати. Скалюсь еще шире – детей пугать совсем нельзя.

«Добрый день», говорю. «Мама, папа дома?»

«Я сама себе», отвечает хриплым басом, «и мама, и папа уже давно. Чего надо?»

Приглядываюсь. Действительно, ей хорошо за двадцать уже. Просто роста маленького и пижама в розовых котятках с толку сбивает. Никогда не понимал эту женскую манеру в детское рядиться.

«Оу!», говорю. «Извините, фройлян. Компания «Призрак, призрак и сатана», Генрих Фельдграу к вашим услугам»

«Ну и?», голос у нее хриплый, а лицо бледное. И шея толстым шарфом обмотана. Простыла, поди, октябрь холодный в этом году. Сам чуть не околел, пока сюда добрался.

«Монтаж оборудования», объясняю.

Вижу: не понимает. Адресом ошибся, что ли? Достаяю из внутреннего кармана бумажки, что мне Лин перед выходом сунула. Нет, все правильно: Хонт-стрит, дом 18. Заказ на девять часов вечера. Имя заказчика не разобрать, правда. Почерк у нашей красотки – как курица лапой, даже хуже, чем у меня. Хотя мне имя обычно ни к чему, я не близкие контакты третьего рода устанавливать прихожу, а провода тянуть.

«Фантом-6», добавляю подробностей. «Проекторы, динамики и остальное оборудование вам вчера привезли. Я пришел устанавливать.»

А сам думаю: ну? Ферштейн уже?

Нет, не ферштейн.

«Инновационная программа. Визуальные, аудио и одоро-эффекты, фройлян. Готическая вечеринка с применением новейших технологий». Это я от отчаяния буклет наш начал цитировать. Шеф сам пишет, никому не доверяет. А я наизусть учу, клиентов пригождается развлекать. Или вот как сейчас... До «леденящего душу ужаса, управляемого одним щелчком пульта», правда, не дошло. Лицо хозяйки наконец проясняется.

«Аааа!», хрипит. «Вас, наверное, Клаус прислал?»

Да хоть Лукас, думаю, мне-то какая разница. Работать будем, нет?

Судя по тому, что в дом она меня все-таки впускает: будем. Ну слава богу. А то я уже начал думать, что зря игру пропустил и надо было от Лин отбрыкиваться сильнее.

Захожу, переобуваюсь, осматриваюсь. Ничего такой домишко, внушительный. Не замок, конечно, даже близко. Но те, кто в замках живет, небось, нашей самопальной голографией побрезгуют, у них там, небось, натуральные призраки бродят. Откормленные. Фамильные. От ведущих транскорпораций.

«Перед установкой мне нужно осмотреть дом. Вы позволите, фройлян?». Вообще, я обычно так не выражаюсь, а просто иду и осматриваю. Но с женщинами лучше перестраховаться.

«Конечно, осматривайте», она благосклонно кивает. Подумав, добавляет: «делайте все, что нужно».

А еще подумав, спрашивает:

«Я не помешаю, если буду смотреть?»

Мысленно чешу в затылке. С одной стороны, я очень не люблю, когда клиент во время установки за спиной ошивается. С другой, ей ведь, наверное, страшно, что у нее по дому бесконтрольный мужик болтаться будет. Пусть уж смотрит. Разрешаю.

Следующие полчаса обхожу весь первый этаж по периметру, присматриваю, куда вешать да как вытягивать. Обнюхиваю, натурально, каждый сантиметр и поминутно еще сверяюсь с планом. Его хоть и Лин составляла, которой я на сто пятьдесят процентов доверяю, а только в нашем деле ошибаться никак нельзя. Промахнешься парой гвоздей вбок и вместо «леденящего душу ужаса» и прочих одоро-эффектов

получается некрасивый конфуз. А на адвокатов у шефа денег нет.

К концу обхода понимаю, что хозяйке не страшно, а просто скучно. Болеет, дома нет никого, Клаус этот (кто он ей, интересно: отец или муж?) ходит где-то. И вообще она ему по барабану, раз не предупредил даже, что я приду. Хотя это уже не мое дело, конечно. Главное, чтобы к тому моменту, как я установку закончу, явился, премьерный показ оценил и акт подписал. Без подписанного акта меня Лин на порог не пустит.

«Как вас зовут, вы сказали?», это моя фройлян под ногами крутится.

«Генрих», отвечаю.

«А меня Алиса. Чаю хотите, Генрих?»

Очень мило с ее стороны, конечно, но если я тут еще чашками греметь начну, то и до утра не закончу. И так полночи провозимся, домик-то действительно нехилый. Спасибо, хоть на второй этаж лезть не надо.

Так что от чая я отказываюсь. Но разговоры разговаривать продолжаю, развлекаю, значит, маленькую хозяйку большого дома. Рассказываю про «Фантом». Правда, о том, что шестерка в конце – выдумка шефа (для убедительности, так-то «Фантом» у нас один-единственный), а большая часть оборудования закуплена на маленьком подпольном заводе в сто китайцев, умалчиваю. Больше на нашу супер-пупер-экспериментальную программу напирая. Тем более, что в ней все равно самая соль и есть. Ник у нас гений, конечно, не отнять. Придурок, но гений. Его с третьего курса технологического выгнали. А шеф подобрал. На наше всеобщее счастье. Потому что динамики, проекторы и несколько маленьких вентиляторов – это ерунда. И пачка примитивных освежителей воздуха, накачанных вместо лимонных и хвойных отдушек каким-то вонючим дерьмом («запахи тлена и разложения, затхлости и сырости придадут вашей вечеринке эффект настоящего, а не выдуманного кошмара», шеф тоже гений) – ерунда. И даже сенсорные датчики, которых я пихаю во все углы без счета – тоже фигня на постном масле. Потому что без одной маленькой флешки, на которую записана одна маленькая программка, вся эта байда в жизни не заработает. А без Ника программки этой не было бы. Ну и совместить всю эту техническую дребедень тоже надо было

придумать. Чем мы только не занимались, пока шеф его не пригрел, вспомнить противно. Даже пылесосы и холодильники чинили. А денег как не было, так больше и не становилось.

Зато теперь мы все почти в шоколаде. Почти – это потому что рассчитаны эти наши эффекты все-таки на всяких фриков. Да и те вспоминают о нас чаще всего только перед Днем всех святых. Ну и если честно, то большие компании с нормальным оборудованием нас когда-нибудь обгонят. Когда прочухают, как к голограмме вентилятор с освежителем подцепить. Если мы догадались, то и они сообразят. И начнут развивать. И продавать. А они не я, с паяльником на стремянке висеть. С их мощностями, цена быстренько упадет, и мы начнем скрипеть зубами. Обычное дело.

Но пока нам работы и денег хватает. Я Нику даже Лин простил за такое дело. Ну, то есть, убивать его не стал и в конторе после долгих уговоров шефа все-таки остался. Потому что флешка флешкой, а монтировать всю эту хрень тоже уметь надо. А у меня руки золотые. И опыт большой. После починки пылесосов я еще и не такое могу.

Нет, про пылесосы, Лин и скорый крах нашей конторы я, конечно, Алисе тоже не рассказываю. А вот про то, что увидят гости, неосторожно заглянувшие к ней и ее Клаусу на вечеринку, наоборот соловьем заливаюсь.

«Привидения, летучие мыши, прочая пакость», это я уже не цитирую, это я уже от себя. «Одна кнопка на пульте, фройлян, и выть будут хоть до утра. И цепями греметь. И за рукава тянуть. Про вонять я даже и не говорю. Лучше, чем на любом кладбище».

«На кладбище не воняет», твердо говорит Алиса.

«Да ну?», откликаюсь наконец. Что-то не придумал более достойного ответа.

«Да», еще тверже отвечает эта специалистка по местам захоронения. «Вы разве никогда не были на кладбище?»

Задумываюсь. Вообще-то, не был. Не люблю я это дело. Камешки, крестики, цветочки. И покойнички. Фу. Я живых людей люблю.

О чем и говорю. Чего мне стесняться? А она скривилась и надулась.

«Ну и зря», говорит. «Там очень мило обычно. Здесь недалеко есть старое кладбище, знаете?»

А оно мне надо – знать об этом?

«Я люблю по кладбищам гулять», продолжает она. «Это... примиряет».

Да, думаю, примирилась уже, как есть до ангины примирилась. Вслух, правда, этого не говорю. А она уже дальше хрипит:

«А сами вы в привидения верите?»

«Фройлян», отвечаю укоризненно, «я не имею права не верить в собственную работу!»

«Да нет же!», опять морщится. «Я не про эти ваши фальшивки, я про настоящих!»

Про настоящих, гляди! Кто их видел, этих настоящих-то? Подписчики газеты «Антинаучная бредятина»?

«Извините, фройлян», бормочу ехидно. «Я чего не видел, в то верить не умею».

«Не видели, значит?», Алиса расходится на глазах. «А в Бога вы, значит, тоже не верите? Раз не видели?»

Ну, допустим, Бога-то я как раз видел. Однажды, на субботней ярмарке, после восьмой пинты пива. Мы с Ним даже парой слов перекинулись. Но об этом я вообще никому не рассказываю, Он очень просил. Поэтому я просто пожимаю плечами и делаю вид, что мои плоскогубцы не справляются с проводом. И провод необходимо пережать зубами. И отвечать при этом уже не получится.

Алиса несколько минут хрипит что-то о фомах неверующих, которые дальше собственного носа ни черта не видят. И еще о жуликах, которые своими техническими фантазиями дискредитируют честное существование всякой загробной нечисти. Но я молчу и она постепенно успокаивается. Снова начинает задавать вопросы.

«А какие, собственно, у вас там призраки? Поподробнее можно?»

Это вопрос, на который отвечать легко. Отвечаю: вытаскиваю из кармана буклет и протягиваю Алисе. В надежде, что пока будет читать, помолчит немного.

Размечтался. Читает она вслух.

«В шестой, обновленной версии программы представлены следующие виды призраков...», возмущенное фырканье. «Две хаотично перемещающихся стаи летучих мышей, четыре фамильных привидения,

укомплектованных цепями различной толщины, некрупная разновидность вервольфа...». Снова фыркание. Но тут я согласен, могли бы и крупную запустить. Это Ник заартачился. А мне обидно: часть матрицы-то он с меня делал. Мало того, что издевался в процессе, так еще и лишнюю цифру ему в расчеты лень вставить было. И так сойдет, сказал, если мы с тебя крупную разновидность делать будем, то половина наших клиентов по психбольницам разъедется. Гений, тоже мне.

«...неопределенное количество живых трупов и блуждающие огоньки в ассортименте», это пока я над Никовым хамским поведением размышлял, Алиса читать закончила. И закричала. «Какой кошмар! В ассортименте! Как макароны какие-то!!!»

И еще десять минут пилит меня. А я опять только плечами пожимаю. Пусть себе возмущается, а мне с клиентом ругаться резона нет никакого.

К двум часам ночи я был выжат как лимон. Не столько от работы, сколько от Алисиной болтовни. Хотя надо отдать ей должное: ругалась она не все время, иногда отвлекалась на что-нибудь повеселее. О кладбищах опять же рассказывала. А когда я попросил чего-нибудь освежиться, так и вовсе принесла мне целый кувшин ледяного молока, ровно как я люблю. За это я рассказал ей несколько более или менее приличных анекдотов, и к концу моей работы мы уже вполне мирно существовали. Только в ушах немножко звенело.

Когда появился хозяин дома, я как раз заканчивал настраивать самый большой проектор. Стоял на стремянке под потолком, крутил регуляторы. Алиса, устав бродить за мной по дому, устроилась в углу на табуретке. Сидит, раскачивается, рассказывает мне про то, какие смешные надписи можно встретить на надгробных камнях. Чего только люди не придумывают, оказывается.

«Эт-то что такое?», от резкого голоса за спиной я чуть со стремянки не свалился.

Оборачиваюсь, смотрю: стоит мужик, рыжий, что твоя лиса. Глаза выпучены, щеки раздуты, сейчас порвется от возмущения. «Вы кто такой?!»

Беру себя в руки, доворачиваю последний регулятор, спускаюсь со

стремянки.

«Компания «Призрак, призрак и сатана», Генрих Фельдграу к вашим услугам», представляюсь по всей форме.

«Какой призрак, какая сатана?», с крика мужик перешел на свист и клекот. «Я же перенес заказ!».

Вот тебе здрасти, думаю. Спасибо, Лин, дорогая. А я игру пропустил.

«Извините, меня не предупредили», старательно делаю скорбное лицо, чтоб так не нервничал. «Но зато я уже все сделал, а если вам сейчас некогда, премьерный показ мы можем перенести. Я подъеду в любое удобное для вас время. После заката, разумеется, на свету «Фантом» не дает такого эффекта. Так что это не проблема.»

«Это не проблема», мужик опять раздувает щеки. «Проблема будет, если вы не потрудитесь объяснить, как вы сюда попали!»

«Э? Ну как же?.. Меня, эээ, фройлян Алиса впустила. Ваша...» Затыкаюсь, осознав, что так и не выяснил, кем она ему там приходится. Поэтому просто тычу пальцем в угол, где эта сама фройлян на табуретке качается.

Мужик за пальцем моим поворачивается. «К-к-какааая Алиса?!», кричит.

Я тоже оборачиваюсь. Смылась, что ли, думаю?

Нет. Где была, там и осталась. Качается. Только не на табуретке, а над ней. Табуретка на полу валяется, ножками кверху, и шарф Алисин рядом лежит. А вместо него у фройлян моей толстая веревка на шею намотана. Один конец узлом завязан, второй прицеплен к потолочной балке. Лицо у Алисы все такое же бледное, зато руки стали милого синюшного оттенка. И язык наружу. И по штанам с котятками характерное такое пятно тихонечко расплывается.

Тут-то я дар речи и потерял. С перепугу даже начал по карманам пульт искать, мысль дурацкая мелькнула: может, Ник чего-то нового намудрил, а меня предупредить забыл, скотина такая? А с кем же я тогда все это время ласы точил? Вашу мать.

Мужик уже, смотрю, не кричит, не свистит, а икает. Тоненько, как кутенок замерзший. Но вроде живой еще. В отличие от этой...

Я к ней подскочил, за руку схватил. Думал, если только что повесилась, может, успею чего-нибудь. А рука ледяная, и как каменная.

То есть, вроде как давно висит. Очень давно, если я все правильно понимаю.

Господи, думаю, вот влип так влип. По самые уши влип. На всякий случай обратно к мужику отскакиваю. Он икает, я еле слышные стоны издаю. Стоим, как два идиота, на висельницу пялимся. Господи, думаю, что же это такое, господи?!

И тут она нам подмигнула.

И пропала.

Скандал удалось замять. Пока хозяин дома в отключке валялся, я шефа с Лин вызвал. Потому что сам отличался от рыжего только тем, что меня с пола соскребать не надо было.

Лин несчастного мужика сначала по щекам хлопала, потом коньяком отпаивала, а шеф ему параллельно закручивал мозги. Мол, извините-простите, к вам – по чистой, разумеется, случайности – попала новая версия программы. Еще до конца не отработанная, нигде в документах не зафиксированная, мы ее вообще запускать не раньше следующего года планировали. А, может, и вовсе никогда, очень уж естественно получилось, даже у контрольной группы нервы сдают. Вот даже вы, сами заказав «Фантом-6» и прекрасно представляя его возможности, решили, что она настоящая. Хотя она точно такая же голограмма, как и блуждающие огоньки в ассортименте. Да, конечно, чудовищная неаккуратность с нашей стороны. Да, разумеется, виновные будут наказаны. Да, мистер Клаус, мы очень ценим ваше понимание ситуации. Подпишите вот здесь, приятного Хэллоуина. И... вы же точно никому ничего не расскажете? Ненужная огласка повредит не только нам, точнее нам-то как раз и не особо повредит. Вы же понимаете.

Потом я допивал остатки коньяка в машине. Шеф одной рукой крутил руль, второй – у виска. Лин сочувственно смотрела на меня, но молчала. Хорошо так молчала, как раньше, когда я ей все-все про свою жизнь рассказывал.

Зато не молчал Ник, дожидавшийся нас в конторе. Я так и не понял, поверил он мне или просто как обычно издевался, но вопросы из него лезли со скоростью света.

«А странгуляционную борозду на шее видел? Она одна была или две? А трупные пятна? А пена у рта была?». Придурок, говорю же. Я даже отвечать не стал, прижал его немного рукой к креслу. Не сильно. Потом отпустил и домой пошел.

На прощанье шеф сказал, что дает мне два дня отпуска. Чтобы я за это время прекратил сходить с ума и возвращался работать. Потому что Хэллоуин на носу, а заказов в этом году удивительно много.

Случайный отпуск я провел с пользой. Сначала напился, потом проспался, потом нашел в энциклопедии что такое «странгуляционная борозда», попытался вспомнить, была ли она, не вспомнил, еще раз напился и снова долго спал. А проснувшись, почистил зубы и поехал в контору. Хотя устанавливать наше чертово оборудование мне совсем не хотелось.

Вхожу в контору, здороваюсь с Лин.

«Здравствуй, Генрих, милый», она улыбается мне. «У нас четыре заказа, ждут-ждут, не дождутся твоих золотых ручек. Сегодня можешь выбрать любые.» Это Лин так делает вид, что все в порядке. И при этом намекает, что помнит на чем мы расстались. Могу выбрать, когда это такое было? «И еще два договора подписываем до конца следующей недели, представляешь, как здорово? Если все пройдет как надо, я смогу съездить на недельку домой!.. Добрый день, мисс, компания «Призрак, призрак и сатана» приветствует вас в нашем офисе. Чем могу вам помочь?»

Последнее это, ясное дело, уже не мне. Это кто-то пришел. Мне не особо интересно, но я все-таки оборачиваюсь, а то вроде невежливо.

И вижу, что борозда была. Одна, если это кому-то действительно интересно. Какого черта она шарф снимает?!

Когда я прихожу в себя, вся контора водит вокруг Алисы хоровод. Взволнованный Шеф уверяет мою фройлян, что она «идеальный демонстрационный образец», нервно подхихикивающая Лин уговаривает шефа не делать глупостей, Ник орет, что должен немедленно снять с Алисы параметры, все-все просчитать и сделать офигенную матрицу. Он так и сказал – офигенную. Алиса стоит в центре этого дурдома и смущенно теребит рукава пижамы в розовых котятках.

Прикрыв глаза, думаю, что у моих коллег крепкие нервы. Даром, что обыкновенные люди.

Хэллоуин нам удался. Хотя бы в том смысле, что больше никаких удавленников на горизонте не появилось. Дело уже к Рождеству движется, а благодарные клиенты звонят до сих пор. Лин все еще планирует поездку домой. При этом большую часть гонорара уже спустила на новые тряпки. Ник снял с Алисы все нужные ему параметры и теперь сутками торчит за своей машиной. Работает. Даже вопить временно прекратил. Шеф тоже безвылазно сидит в кабинете. Говорит, что он понял, что мы зря простаиваем по полгода. Он понял, что людей можно не только пугать, но и умилять. Поэтому сейчас он разработает новую концепцию, набросает пару планов, заставит Ника напрячься и мы будем получать деньги круглый год.

Я же в основном пока просто просиживаю штаны. Немного гарантийного ремонта у самых занудных клиентов. Немного пылесосов частным порядком, чтобы навык не терять. Немного пива поздними вечерами, чтобы заглушить осеннюю тоску. Иногда в паб со мной ходит Алиса, с которой мы все-таки помирились. Она, конечно, не пьет. Мы просто разговариваем. Говорят, что оборотень с призраком редко могут договориться. Но у нас с Алисой вроде как полное взаимопонимание.

Хотя шарф я ее прошу больше не снимать.

2009 г.

До работы

- Эй, насчет зарплаты никто ничего не слышал? – взлетев по ступенькам в курилку, спрашивает крохотная барышня.

- Размечталась, - поднося ей зажигалку, ехидно отвечает мрачный тип очень больших размеров.

Малявка вздыхает и пинает ступеньку. Той хоть бы что, разумеется. Мрачный мрачно смотрит в окно. Там уже почти совсем стемнело, город затянулся яркой сеткой фонарей.

Третий – высоченный, ужасающе худой и ужасающе болтливый дядя – свистящим шепотом тут же начинает вспоминать былые времена, когда он работал в одном славном местечке, где зарплату давали вовремя и всегда большую. Его никто не слушает.

- Слушай, отдай тогда мои гонорары ему, ладно? – в дыму образовывается четвертый, несколько дерганый типчик с лошадиным лицом. В руках у него телефонная трубка. – А я завтра залечу и заберу. Ага? Ага. Вот и ладушки.

Дерганый отключает мобилу и, обрушившись на ступеньки, достает сигареты.

- Вот везучий, - говорит Малявка. – Гонорары у него. И когда успевает только?

Дерганый подмигивает левым глазом.

- Время не умеешь рассчитывать, э?

- Не умею, - Малявка самокритично качает головой, потом показывает Дерганному язык. – Зато тебя здесь не найдешь никогда. Не боишься, что уволят?

Дерганый ржет, словно услышал хорошую шутку.

- Уволят меня, ха! А кого на мое место возьмут? С такими-то условиями. Не смеши!

- И то верно, - кивает Малявка.

- Ну да, - подхватывает Мрачный, не отрываясь от вида за окном, - Таких дураков еще поискать.

Еще какое-то время они обсуждают собственную глупость, вредность начальства и гадство жизни вообще. Худой фоном вспоминает всех безусловных козлов, на которых ему удалось поработать за свою долгую жизнь. Как раз когда он добирается до какого-то дикого араба, который не желал обеспечивать нормальные рабочие места ("в

кабинетах места было не больше, чем в кувшине!"), на лестничную площадку выплывает миленькая, худенькая до полупрозрачности, секретарша и певучим голосом приглашает «дорогих граждан тунеядцев» пройти на планерку.

- Итак, - Босс исполнен важности, так что даже чуть-чуть парит на своем кресле. – Начнем, пожалуй.

- Ты, - он тыкает пальцем в Малявку, – пойдешь в ночной детсад, там сегодня воспитательница собирается страшную сказку читать, поможешь. Только смотри не переусердствуй как в прошлый раз, когда половина ясельной группы энурезом страдать начала. Там, - Босс еще раз вздымает палец, но уже в потолок, - меня за это уже дрючили. Повторится, сама отдуваться пойдешь, поняла?

Малявка смиренно опускает глаза, всем своим видом показывая, что, разумеется, поняла и, разумеется, не повторится.

- Та-а-ак, - тянет Босс. Он смотрит в записи, шевелит толстыми губами, просчитывает что-то.

- Что ты там натворила? – наклонившись к Малявке, так что чуть не падает со стула, шепчет Дерганый. Она хихикает и машет ладонью, мол, потом расскажу.

- Ты, - Босс снова вытягивает указательный, а заодно и голову, пытаюсь разглядеть почти растворившегося в темном углу Мрачного. – Придется попотеть. Вечеринка с галлюциногенами. С этими как раз можешь не церемониться. Народец крепкий, тупой, нервы стальные. Так что давай уж, постарайся, запугай их там до полусмерти. Ну да не мне ж тебя учить, честное слово!

Мрачный кивает. Он и правда профессионал, добрая половина городского дурдома – его работа.

Устроившемуся прямо под плакатом с криво напечатанным девизом «Не быть, но казаться» Худому достается спиритический сеанс в доме для престарелых. Вызывать, как донесла разведка, собираются не кого иного, как самого Гоголя. Можно подумать, ничего лучше не придумали. Получив задание, Худой радостно потирает ладони и начинает ерзать на стуле. Наверняка вспомнил очередную историю из своего бурного прошлого. Может даже, про самого Николай Васильича.

Дерганного Босс отправляет в морг, изучать анатомию вместе с двумя ботаникам из мединститута. Дерганный отлично умеет ладить с молодежью. Чтобы начали озираться на каждый шорох, но ни до физических, ни до особенно сильных психологических проблем не дошло.

Остальные тоже получают свою порцию работы – кому-то тоже придется сегодня маскироваться под исторических личностей и усопших родственников, кого-то отправляют отбывать повинность на кладбище (унылая работенка, надо сказать), кого-то бдеть в разрушенной церкви. Оставленные легкомысленными родителями дети, две компании мелкотравчатых сатанистов и одна – девиц, вдруг решивших среди октября погадать на суженного, поэты и мистики всех сортов... никто сегодня без присмотра не останется. Впрочем, как и обычно.

- Вопросы? – спрашивает Босс.

- Да! – пищит со своего места Малявка.

Босс удивленно задирает левую бровь. Считается, что его люди вопросов по поводу текучки задавать не должны.

- А зарплату нам когда дадут? – невинным голосом интересуется нарушительница ритуала.

- Зарплату? - Босс явно недоволен этим вопросом. – А вы на нее наработали, хотел бы я знать?

Все переглядываются.

- Вы на нее не наработали, - холодно чеканит Босс. Его неутомонный палец снова устремляется вверх. – Там нами недовольны..

Он делает театральную паузу, вероятно, ждет возражений или оправданий. Их не поступает. Малявка задыхается от возмущения и сказать ничего не может, что себе думают остальные – непонятно. Босс чуточку смягчается.

- Впрочем, пройдет эта неделя, там и поглядим. Все. Свободны. – Босс делает легкое движение рукой. Потом спохватывается и в спины уже уходящим нерадивым сотрудникам летит рев такой силы, что даже издавший виды Мрачный вздрагивает, - Да и еще! К воскресенью я надеюсь видеть вас всех в добром здравии! Канун дня всех святых, да еще и полнолуние, работы много. Имейте в виду, за неявку буду штрафовать.

Окинув слегка обалдевших сотрудников недобрым взглядом, Босс

повторяет по слогам:

- Штра-фо-вать!

Все молчат. Вообще-то, это что-то новенькое, раньше шеф не позволял себе так по-дурацки запугивать тех, кто сам способен напугать кого угодно.

- Все. Работаем, ребята, ра-бо-та-ем, - не дожидаясь реакции, Босс закатывает бумажку с подсказками в неаккуратный шарик и швыряет его в мусорную корзину. Кривой ухмылкой констатирует недолет и исчезает, не дав себе труда даже попрощаться с подчиненными. Малявка, как раз отдышавшаяся к этому моменту, бормочет себе под нос:

- Вот урод же.

Худой шикает, настороженно косясь на секретаршу. Малявка машет рукой, нервным жестом достает из кармана сигареты и выходит из комнаты, как следует хлопнув дверью напоследок. Худой, Дерганный и Мрачный отправляются за ней.

В этот раз курят молча. Дерганный уткнулся носом в блокнот, он уже в процессе: составляет план работы. Малявка злится, стоит и методично пинает горестно громящий мусорный бак. Что происходит в голове у Мрачного понять сложно. С отсутствующим взглядом он продолжает пялиться на зазолоченные огнями улицы. Худой начинает было что-то рассказывать, но видя, что успеха эта затея не принесет, затыкается и решает заняться сменой внешности, чтобы потом на месте уже не суетиться. Первым делом, конечно, отращивает нос.

Мрачный первым гасит сигарету и первым же прощается с коллегами.

- Ладно, - отрывисто сообщает он. – Пошел. Счастливо оставаться.

Делает шаг в сторону окна и исчезает. Никаких спецэффектов, просто исчезает и все. Смысла нет перед своими выпендриваться.

Вслед за ним расходятся и остальные. Дерганный проваливается сквозь пол, Худой наоборот взмывает вверх. В этом тоже нет никакой рисовки, исключительно вопрос личных предпочтений. Только Малявка, как почти еще новичок (по сравнению с остальными, конечно), любит всякие навороты даже в пустяковых делах. Над ней подсмеиваются, на что Малявка смущенно отвечает, что это помогает ей

оставаться в тонусе и заранее настраиваться на работу. Но сейчас смеяться некому, можно позволить себе немного увлечься.

Она закручивается вокруг себя винтом, рывкает что-то маловнятное и разрывается на куски. Искры, образовавшиеся в процессе, летят в разные стороны и гаснут, оставляя некрасивые черные следы на полу и стене с табличкой «Уважайте труд уборщиц».

Очередная рабочая ночь началась.

2006 г.

Пилотная серия

Когда мне в очередной раз все надоело, я угнала у брата очередную машину и уехала. Все знали, что это рано или поздно произойдет, поэтому Лешка всегда парковал свой приличный мини-вен в гараже и еще на сигнализацию дополнительно ставил. В зоне доступа оставалась только какая-нибудь старая развалина (иногда я думаю, что он покупает их специально), на которую в трезвом уме не позарится никакой угонщик. Ну, кроме меня.

На этот раз это был грязно-голубой Фольксваген Пассат, родившийся, возможно, даже раньше меня, но, как ни странно, все еще бывший на ходу. Некромобиль. То, что нужно.

Когда я уезжаю, я выбираю маршрут наугад. Выхожу на трассу и еду куда глаза глядят. Раньше я частенько добиралась только до соседнего города, бросала машину на первом попавшемся углу (и потом никогда не могла вспомнить — на каком) и пила неделю или две, пока меня не начинало мутить от запаха алкоголя и от новых знакомых. Тогда я включала телефон, звонила Лешке, чтобы он приехал и забрал меня домой.

Теперь я еду намного дальше. Для начала так далеко, чтобы за спиной осталось как минимум три заправки. А потом еще и еще. Плюс пара сотен километров для надежности.

В этот раз я заправилась четыре раза. Еще четыре раза сворачивала на проселочные дороги, чтобы проехав через какую-нибудь деревню или крохотный городок, выскочить на другую трассу.

Очередной населенный пункт меня и сгубил. Я уже почти проехала через городишко со смешным названием Луло, когда пассат начал чихать, дергаться, наконец задымил и встал прямо посреди узкой улочки.

Под капот я могу смотреть очень долго, это завораживает. К сожалению, улучшить состояние автомобиля такими просмотрами невозможно. Поэтому, вдоволь налюбовавшись на внутренности, я закрыла машину и отправилась на поиски помощи. Даже в самом маленьком городе всегда найдется автосервис. И здесь, конечно, тоже нашелся.

Вот только там никого не было. Двери открыты, инструменты разбросаны — и никого. Я покрутила носом, потрогала игрушечную

машинку, стоящую на полке, по очереди открыла несколько ящиков большого стола (в одном лежали пять тысяч рублей, я стянула), покричала пару раз для порядка.

Некромобиль стоял посреди улицы, все еще подтравливая тонкие струйки из-под капота и вяло помигивая аварийками. К нашему с ним счастью, ни одна машина мимо пока не проехала и неудобств мы никому не доставляли. Но совершенно точно доставим в ближайшем будущем, потому что отодвинуть пассат с проезжей части я определенно не могла.

В магазине тоже никого не было, пустые ряды. Я прошла мимо полок с алкоголем, повертела в руках бутылку коньяка, поставила назад. Взяла две бутылки воды и пошла к кассам, рассчитывая не только заплатить, но и найти хоть какую-нибудь помощь.

Но увы. Несмотря на то, что за стойкой обнаружился первый человек в городе — юная продавщица, очень снулого вида, разговора у нас с ней не получилось. На все мои расспросы она реагировала только легкими взмахами ресниц. Деньги за воду пришлось оставлять просто рядом с кассой.

Я брела по городу наугад, рассматривала маленькие дома, искала хоть кого-нибудь, чтобы задать пару волнующих меня вопросов. Но улицы были пусты, а в редких магазинчиках и парикмахерских махали ресницами сестры той, первой продавщицы. Ни одна живая душа (если они вообще были живы) не сказала мне ни единого слова, не попыталась хоть как-то разрушить мое одиночество — с каждой секундой все более гнетущее.

— Целый город зомби. Слава богу, что мои мозги их не интересуют, — пробормотала я. А потом завизжала на пределе легких — просто чтобы проверить, подаст ли этот город хоть какие-то признаки жизни. Нет. Возможно, для этого мне понадобилось бы его сжечь.

Звонить Лешке не хотелось, топтать пешком в неизвестном направлении тоже, поэтому я решила, что стоит где-нибудь переночевать, а с утра разбираться с этим сонным городом, некромобилем и дорогой дальше. К счастью, в Луло была гостиница. Что-то среднее между придорожной ночлежкой и зажиточным частным домом, который забросили пару поколений назад. Пыльные бархатные занавески на окнах, вытертые ковры под ногами, темная мебель, огромные фикусы в огромных кадках.

Портье, толстый мужик с неаккуратно отросшей бородой, тоже не

выглядел сильно бойким. Он сидел, откинувшись спиной к стене, и лишь слегка подергивал уголком рта. Пришлось опять справляться самостоятельно, искать ключи, выбирать комнату... Попутно выяснила, что в гостинице кроме меня никого нет. Что, конечно, неудивительно — при таком-то уровне сервиса.

Около двух ночи меня разбудил какой-то странный шум из холла. Что-то скрипело, что-то бухало и как будто кто-то тоненько выл. Словно в дом притащили парочку слепых щенков и бросили в одиночестве.

Я, конечно, как и все злюсь на главных героев, которые лезут в самое пекло, не подумав о последствиях. Но и сидеть и ждать, когда источник этих жутких звуков придет прямо ко мне в комнату пообщаться, я тоже не хочу. По мне так это пусть лучше он не ждет моего появления.

Поэтому я слезла с кровати, оделась и пошла к двери. С собой я прихватила замечательную штуку: перчатки размером с добрую бейсбольную битку. Я подрезала ее в каком-то ресторане, примерно тысячу лет назад. В ту поездку я не потеряла машину и перчатки теперь ездит со мной. Хотя с тех пор, как я стала уезжать чуть дальше соседнего города, она мне еще ни разу не пригодилась.

И сейчас тоже не понадобилась. Когда я осторожно, представляя себя героем детективного фильма, вылезла в холл (портье сидел все в той же позе, бессмысленно тараща глаза в пустоту), грабителей и бандитов там не оказалось. Хотя темные личности имелись... в ассортименте.

Прямо возле стойки возвышался черный столб чего-то вроде мелкой пыли. Столб мелко подрагивал и переливался, из него вылезали тонкие отростки, словно ощупывали воздух вокруг себя и прятались обратно. Воздух вокруг столба плавился, как это бывает с асфальтом на жаре.

Под потолком плавало нечто, напоминающее помесь гигантского паука и футбольного мяча. Каждые две секунды оно выпускало тонкие белые нити минимум из трех отверстий (разглядеть их не удалось).

На одном из кресел расположился пес. Он мог бы быть боксером, если бы не ярко-рыжий окрас и дополнительная голова, растущая из основной. Из обеих голов торчали маленькие аккуратные рожки.

На другом — лежал мятый комок перьев. От страуса, не меньше. На первый взгляд. На второй — комок перьев с рыбьим хвостом. На третий, четвертый и пятый у него открывались все новые и новые подробности и

чем дальше, тем больше хотелось закрыть их обратно.

Последней темной личностью в поле зрения был кто-то очень маленький и очень быстрый. Грубо составленный из запчастей от котенка, ящерицы и воробья, он был бы даже самым милым персонажем, если бы хотя бы на минутку перевел дух и прекратил так голосить.

Мысль о том, что у меня белая горячка (или горячка любого другого цвета) я отмела. Это невозможно. С другой стороны, иметь брата-священника очень полезно, много знаешь и ничего не отрицаешь. Поэтому перехватив перечницу одной рукой, второй я вцепилась в нательный крестик и быстро забормотала «Отче наш».

Столб завибрировал сильнее, паук застрелял нитями в два раза чаще, боксер зарычал обеими головами, а миниатюрное чудище Франкенштейна подпрыгнуло и вцепилось мне в ботинок. Только комку перьев, кажется, было все равно, он вяло помахивал рыбьим хвостом и общаться желал не больше портье.

Когда после пятой молитвы, эти твари не испарились, не исчезли и не рассыпались в прах, я громко выругалась. Я не надеялась, что это поможет, просто от избытка чувств.

Но это помогло. Частично. Во всяком случае, малыш отцепился от моего ботинка и отпрыгнул на метр назад, угрожающе пища.

— Блядь, — повторила я, удивившись.

Боксер перестал рычать. Паук, кажется, подавился очередной порцией нитей. Черный столб почти перестал вибрировать и воспроизвел странный шум. Мне даже почудилось, что он что-то сказал.

— Твою мать, сукины дети, — я приободрилась.

Комок перьев сполз с кресла и попробовал отползти подальше. Мимолетная мысль о том, что Лешка сильно удивится такому способу справляться с нечистой силой, развеселила меня. И я прибавила звук.

— Не надо.

— Перестаньте.

— Не делайте это.

— Пожалуйста.

Они все заговорили! Один за другим, по кругу, они просили меня больше не материться. Прямо как жена моего брата. Так знакомо.

— Хорошо, — согласилась я, уверенная, что теперь обладаю мощным оружием. — Но если вы попробуете хоть что-то со мной сделать...

- Мы не будем.
- Мы не сможем.
- Мы не посмеем тебя тронуть.
- Ты в безопасности.

Маленький приблизился ко мне и сел, умильно задрал кошачью мордочку с желтым клювом. Слава богу, хоть этот молчаливый. Разговаривать с ними всеми одновременно было очень сложно. Но по-другому эти чудища как-то, кажется, не справлялись.

- Кто вы такие?
- Мы духи.
- Мы демоны.
- Мы исчадья ада.
- Приспешники сатаны.

Маленький оскалился и тоненько зарычал, демонстрируя свою опасность.

- Я Баргариэль, — сказал черный столб пыли.
- Я Загаэль, — сказал паук.
- Я Фаргаэль, — сказал боксер двумя головами сразу.
- Я Понаэль, — сказал комок перьев.

Маленький поднял голову и яростно затыкал.

- Его зовут Пиксарот.
- Прекрасно, — сказала я. — Спаниеля среди вас не завалилось?

Мы разговаривали до утра, пока они не растворились в солнечном свете. Не пропали, просто стали практически невидными — заметишь, только если знаешь. Мои новые знакомы были, конечно, не подарок, но и не виноваты. Пятерка демонов-неудачников, которых вытащил такой же неудачник-человек. Какой-то демонолог-недоучка, судя по всему. Они называли его Хозяин и клялись, что не могут найти его уже неделю.

- Он просто пропал.
- Мы спали.
- А когда проснулись...
- Его уже не было.

Маленький тонко завыл, и мне стало его даже жаль.

Они уверяли меня, что он еще жив. Они чувствуют его, но найти не могут. Словно он спит или без сознания. В этом городе все без сознания, бурчала я, и они стыдливо замолкали.

- Почему они такие?
- Они неживые.

- Не мертвые.
- Не умирали.
- Но и не живут.

Я представила, как пятеро демонов (теперь они уже не казались мне такими уродливыми) каждую ночь высасывают из горожан жизнь. Пробираются в спальни и жрут, причмокивая. Но они клялись, что не делали ничего подобного, да и входить в чужие дома Хозяин им запретил. Просто такова их сила, что вокруг них все живое словно засыпает. Не умирает, но и не живет.

- И он тоже.
- Мы не учли.
- Мы думали, он справится.
- А он не смог.

Когда я проснулась следующим днем, я знала, что нужно делать. Если их Хозяин спит, то никуда деться он не смог. Мы его найдем. И, надеюсь я, заставим его исправить этот бардак с сонными людьми.

За неделю мы перерыли весь город. Я влезала в квартиры и смотрела на людей, которые едва шевелились в них. Читала над каждым молитву, в надежде, что она даст продержаться им, пока мы не найдем этого фауста-неудачника. Демонов старалась близко не подпускать, разве что для опознания, если кто-то казался мне похожим на их хозяина. Боялась, что неживые могут стать совсем уж мертвыми. Вечно держаться они бы точно не смогли.

Демоны, правда, и не рвались. Они были исчадья ада, но вовсе не кровожадные. И даже пугливые: на маленькое кладбище, последнюю надежду в поисках, со мной не пошли.

- Мы не любим мертвых.
- Мы не чувствуем их.
- Они имеют над нами силу.
- И могут взять над нами власть.

Не демоны, а младшая группа детского сада.

Кладбище было еще спокойнее, чем сам город Луло. Тут-то точно все были неживые и мертвые. И прятаться здесь было совершенно негде. Я бродила между могил, на всякий случай заглядывая под каждый встреченный куст, но, разумеется, никого там не обнаружила.

И зря демоны боялись этих мертвых. Ни над кем власть они взять не могли и сил у них никаких не было. Уж я-то знаю.

- Всё пропало.
- Все погибнут.
- Мы останемся здесь навсегда.
- Нас никто не спасет.
- Уиииии, — это маленький.

Мы расположились в холле гостиницы. Демоны молчали, покачиваясь каждый на свой манер. Я вяло размышляла о том, что нам с Лешкой пригодились бы такие смешные помощники. Толку от них пока не много, но так я и не хозяйка им. А когда у твоего брата куча детей и бедный приход, как-то неуютно сидеть у него на шее. И несколько прирученных навечно дьявольских отродий могли бы здорово исправить положение.

Портье уже даже головой не дергал, сидел чучело чучелом. Каждые утро и вечер я проверяла его пульс, и пока, к моему облегчению, он был жив. Я рассеянно скользила глазами по полкам за его спиной, по календарю на прошлый год, по стеллажу с ключами... Два пустых крючка внезапно начали нервировать меня. Хорошо, один — это мой номер. Зачем сдавать ключ, если к тебе даже горничная не зайдет. А второй? Я же точно знаю, что в гостинице никого больше нет. Еще в первый день я залезла в журнал учета гостей...

И почему я бываю такая дура? Разве обязательно все должно быть по правилам? Разве нельзя стянуть ключ за спиной у портье. Думаю, что и в своем обычном состоянии он был не менее вялым...

Запасные ключи лежали за большим, почти доисторическим телефоном. Номер? 14.

Человек в мятом сизом костюме лежал на кровати 14-го номера. И, хвала всему, что можно хвалить, дышал. Был живой. Ну, насколько это вообще возможно в городе, в котором демоны поджигают чужую жизнь.

— Эй, просыпайтесь! Просыпайтесь же!

Я терзала этого недоделанного Джона Ди как могла. Трясла за плечи, поливала водой из пузатого чайника, щипала и даже рискнула пару раз надавать ему по щекам. Демоны сгрудились в углу и тихо вздыхали. Видимо, помочь Хозяину прочухаться им тоже не позволялось. Ну и нафига вызывать, спрашивается, было?

Битых сорок минут я мучила его, пока не обессилела вконец. Демоны молчали, человек в сизом костюме спал. Я закурила. Потом еще одну и еще. Думала, не позвонить ли Лешке, может, он знает, что делать

далее.

Странные звуки вывели меня из задумчивости. Кто-то рядом со мной почти задышался, кашлял так, что еле смог проговорить:

- Простите... вы не могх-ли бы не кх-урить... у меня а-хстма...

Человек-фауст оказался такой же бестолочью, как и его демоны. Бывший бухгалтер, заблудившийся в экселе и перечитавший на досуге Мэнли Холла. Когда он понял, что демоны выжрали жизнь из целого города (хоть бы и маленького) и чуть не погубили его самого, то очень расстроился и начал бегать по комнате, вырывая волосы из головы и голая как потерявшаяся левретка.

— Вы можете их изгнать? — прервала я его вопли.

Он замер в той же позе, в которой его застал мой вопрос, — руки к небу, лицо перекошено. Не двигаясь, одними губами он произнес:

— Я... я не знаю. Но я... попробую.

Демоны, наблюдавшие процесс воскрешения Хозяина, заерзали и завздыхали. Надеюсь, хотя бы в радостном ожидании.

Наблюдать за процессом изгнания я не стала, побоялась. Вдруг этот парень (кстати, я так и не узнала, как его зовут) снова напортачит и вместе с демонами изгонит и меня. Не хотелось бы такого развития событий.

Но далеко уходить не стала, привалилась к стене возле номера. Из-за двери раздавались громкие вопли, вперемешку по-русски и на латыни, что-то грохотало, демоны были, вскоре в воздухе сильно запахло паленым и все затихло. Дверь распахнулась и заклинатель демонов выпал в коридор, всклокоченный, мокрый и, кажется, весьма довольный.

— У меня получилось! — он тяжело дышал.

Я осторожно заглянула в номер: кровать перевернута, занавески сорваны, угол, в котором толклись демоны, выжжен от пола до потолка. Я вздохнула и не стала уточнять подробности.

Человек-фауст оплатил ремонт некромобиля, который так и простояла неделю посреди улицы. Я могла бы и сама, но он очень настаивал. В обмен я взяла с него обещание больше никогда не читать ничего сложнее налогового кодекса.

Город, к которому я успела привыкнуть за эту неделю как к родному дому, в одночасье стал чужим. Люди заполонили его. Они пошатывались, словно только что проснулись после большой пьянки,

они натыкались на углы и сшибали друг друга, озадаченно моргали и... ужасно раздражали меня. Словно в мою спальню ввалилась толпа незнакомцев. Надо было уезжать.

Возле таблички с перечеркнутым «Луло» я останавливаюсь. Из машины не выхожу, просто хочу почувствовать момент перехода. Сейчас я уеду домой, к Лешке и его семье, что-то слишком веселым было это путешествие, надо передохнуть и заебаться унылой домашней жизнью снова. Я закуриваю, снова думаю о том, что пять бестолковых демонов сильно скрасили бы нашу жизнь, но взять их теперь неоткуда.

Я так увлечена своими мыслями, что не сразу понимаю — я в машине больше не одна. Баргариэль, плывущий столб пыли, сидит рядом со мной. Паукообразный Загаэль, рыжий Фаргаэль и комок перьев Понаэль устроились сзади, им тесно, но они терпят, Крошка Пиксарот выпясывает на спинке сиденья у меня за правым плечом и пытается прикусить меня за ухо. Я аккуратно переносу его на приборную панель и грожу ему пальцем. Затем спрашиваю:

— Эй, что за дела, парни?

— Мы поедem с тобой.

— Мы будем служить тебе.

— Мы будем рядом.

— Мы выполним все, что ты захочешь

— Пфррр, — маленький включает котика, в голосах остальных тоже чувствуется искреннее желание подлизаться покрепче.

— Это невозможно, ребята, — говорю я, отпуская тормоз. — У меня брат — священник, вы пойдете к чертовой бабушке быстрее, чем представитесь. Вы уверены, что ваша бабушка будет вам рада?

— Он нас не увидит!

— Не заметит!

— Мы будем скрываться!

— Мы будем аккуратны!

— Пр-пр-пр, — маленький соскальзывает с бороды и продолжает вякать откуда-то снизу, из-под правого сиденья.

Я качаю головой и еще битых полчаса убеждаю демонов бросить эту дурацкую идею. Но они непреклонны. Они уверены, что смогут принести мне пользу. Они думают, что я хороший человек и отпущу их, когда решу все свои проблемы с их помощью. Они так наивны и мне их

даже немного жалко. Я уговариваю.

Но они непреклонны... Они требуют и ноют. Пищат и касаются меня призрачными конечностями. Смотря печально и с надеждой.

И я говорю, что принимаю их службу. Думаю, как пристрою пятерых демонов, как буду рассказывать Лешке историю их появления. Думаю, что они неудачники.

И они действительно неудачники.

Потому что за целую неделю они не догадались задать мне ни одного самого простого вопроса. Потому что таким как я демоны служат вечно. Мертвым демоны служат вечно. Они неудачники и они будут служить мне. И я никогда не смогу отпустить их. Даже если захочу. Хотя я вряд ли захочу.

Я улыбаюсь и давлю на газ.

2015 г.

Призрак, призрак, появись

— Ааааааа!

Мика и Неля вскочили с постелей одновременно. Неля от собственного крика, Мика — от Нелькиного.

— Ты видела? Видела? — одной рукой Неля вцепилась в сестру, второй — махала куда-то в неопределенном направлении.

— Опять что-то? Да? — Мика даже не стала смотреть, и вообще зажмурилась. Если не смотреть, то будто ничего и не было...

Ну и кому мы врем?

Вот уже несколько дней вокруг Дома и внутри него происходило что-то кошмарное. Все видели, только не каждый признавался. Может, между собой говорили, но не детям же. Словно они сами слепые. Словно сами не видели.

Сначала увидела Неля. Валялась на чердаке с книжкой, как обычно. Потом подняла голову, а с потолка на нее начали сыпаться пауки. Черные, жирные, с мохнатыми лапками и наверняка ядовитые. Хорошо, что люк был открыт, лестницы Неля даже не коснулась.

— Тысяч сто, не меньше, — плакалась она в Микино плечо, и брала с младшей сестры клятву никогда больше не соваться на этот чертов чердак.

Потом Мика, искавшая в дворовых сумерках Лиловую Кошку, чтобы покормить.

— Кис-кис-кис, Кошенька иди сюда, кормить тебя буду. Вылезай!

Мика шла согнувшись, глядя под ноги, и не сразу поняла во что уперлась лбом. А потом в пять секунд преодолела двор, две лестницы, чуть не сломала задвижку люка и долго сидела на чердаке, отказываясь спускаться и проверять — не померещилось ли. Нет, в померещившегося висельника невозможно ткнуться головой и почувствовать, какой он твердый и холодный. И уж лучше здесь, с пауками, чем там — и рядом с ним. Тем более, что пауков уже вроде и не было.

Удавленника, впрочем, тоже больше никто не заметил.

Умник, вызванный на срочное совещание, долго жевал прядку волос, потом сказал, что пауков и повешенного он, вообще-то, не видел. А вот звуки последнее время по Дому раздаются очень нехорошие. Кто-то ходит, кто-то стучит в стены и окна второго этажа, кто-то плачет, кто-то воет. А сам Дом замолчал, да так глухо, словно и не говорил никогда.

— Интересно, Мышка что-нибудь видела? — задумчиво спросила Неля, выслушав Умника.

Узнать не удалось, баба Лида сказала, что Мышка уже которую ночь не может заснуть и безостановочно плачет, успокаиваясь только к шести утра, и то с трудом. Бессонные ночи плохо отразились на самой бабе Лиде, она была уставшая и сильно раздраженная, и никто не стал приставать к ней с лишними вопросами.

Быстрая разведка показала, что маются все. Тетя Оля на террасе тихонько говорила тете Наташе и Дежурной Племяннице, что сходит с ума — вчера ей показалось, что из кухонного крана текла кровь. А тетя Наташа отвечала, что, наверное, просто переутомление и магнитные бури. Ей вчера и самой почудилось... На этом месте тетя Наташа понизила голос, и услышать не вышло, но зато тетя Оля и Дежурная Племянница ахнули так громко, что стало понятно — что бы ей там ни почудилось, было это не хуже пауков. То есть, не лучше.

Дядя Миша, дядя Юра и Пал Василич не ахали и не шептались, но у них и по лицам все было видно. Такие лица бывают только у мужчин, которые завтра уходят на войну. Это Умник сказал, он понимает.

Ну и вообще: после наступления сумерек домашние перестали появляться во дворе, ни тебе посиделок с печеньками, ни игр в нарды и дурака, Мышка не носится с воплями, баба Лида с Пал Василичем не обсуждают новости, коты предпочитают отсиживаться по квартирам (кроме Лиловой Кошки, конечно, но она с самого начала была такая, ничем не проймешь).

И чем ближе к полуночи, тем хуже. Тени какие-то по пустому двору носятся, не то птицы, не то крысы. Висельник на липе качается. Плачет кто-то в дальнем углу. Хохочет кто-то из-под крыши. Шуршит, шелестит, ноет... И пахнет нехорошо, если нос высунуть за дверь. Но лучше не высовывать, а то начнут чьи-то липкие пальчики щекотать, и за одежду дергать — глядишь, и вернуться не получится.

Даже мама какая-то угрюмая стала, Неля с Микой ее такой и не видели никогда.

— Ну и чего делать будем? — спросила Мика. Они с Нелькой сидели на ее кровати, накрывшись одним одеялом. Скоро стемнеет и уже слышно, как за обоями что-то гаденько пощелкивает, пока еще слабо. Хорошо Умнику, у него родители дома, а у них мама в ночную смену.

Нелька молчала. Не знала она, чего делать.

— Может, святую воду? — неуверенно спросила Мика. — А где ее взять?

— Тут цистерну надо, — вздохнула Неля. — Столько нигде не возьмем.

С потолка упал кусок штукатурки, ширкнул по одеялу. Девочки вздрогнули. Во дворе басом залаяла собака, потом вовсе завyla. Пудель старухи Вавиловой был последним псом, который водился в доме, и умер он на несколько лет раньше, чем она — Неля и Мика только на фотографиях его и видели.

— Слуууушай, — Неля вдруг дернула Мику за рукав пижамы. — Баба Зоя! Баба Зоя же!

— Точно! — Мике объяснений не потребовалось. — А как мы ее найдем?

— Не знаю? Как ищут привидений?

Прямо в пижамах, забыв про собаку и прикосновения, рванули к Умнику. Если он не знает, как найти привидение, то и никто не знает.

— Их вызывают, — сказал Умник. — А вы уверены, что баба Зоя — привидение?

— Как вызвать привидение? — сестры проигнорировали его вопрос.

— Как всех вызывают, — Умник похоже считал, что это такое простое действие, известное всем лет с пяти. Да вот хоть у Мышки спросите. Если, конечно, она не плачет.

— Да говори же — как? — Неля начала раздражаться, даже страх немного ушел. — Лично я ни разу не звала и не видела!

— И не слышала! — завопила Мика.

Умник скорбно вздохнул и поведал сестрам проверенный веками способ вызвать привидение. Просто и... ну, страшно, конечно. И делать надо в полночь, когда весь Дом уже совсем ходуном ходит. Хотя, наверное, уже и не страшнее висельников на липах и кровищи из-под крана. Привыкли.

— Только я, чур, к вам в долю не иду, — сказал Умник. — Мне и так страшно.

— Да и пожалуйста, — Мика фыркнула и пошла домой. Перед тем, как пойти за ней, Неля пожала Умнику руку:

— Спасибо. В полночь мы будем на чердаке.

Когда Умник пришел, Неля лежала на полу и сверлила глазами потолок, на всякий случай ожидая пауков, Мика раскачивалась в гамаке.

Старые часы с кукушкой показывали без десяти двенадцать. Горели три свечи.

— Зеркало-то есть? — спросил Умник. — Если что, я с собой мамино захватил.

— Мамино не пойдет, — откликнулась Неля. — Нам же не вообще привидение нужно, нам баба Зоя нужна.

— А бабы Зоино где взяли?

Мика закатила глаза и протянула:

— Уж взяааали.

Не стал допытываться. Он не был бы Умником если бы лез к ним с такими вопросами. Время придет, сами все расскажут, как миленькие.

Последние минуты до полуночи сидели молча. Было страшно.

В часах завозила кукушка, высунула голову, но больше одного «ку» выжать из себя не смогла — убралась обратно со сдавленным писком. Неля резко села, Мика остановила гамак, со всей силы уперевшись ногой в пол, Умник почувствовал как на затылке встали дыбом волосы.

— Полночь, — шепнул он.

Во дворе раздался вой и была это уже не одна собака, а целая стая, что-то застучало в стены, на лестнице слышались тяжелые шаги. Мика слетела с гамака, в один прыжок достигла люка и дернула задвижку. Люк тут же вздыбился, словно в него снизу толкнули таран, но не открылся.

— Сундук! — закричала Мика, и втроем они дотянули старый резной ящик до люка, заблокировав его.

— Зеркало!

Неля выдернула складное зеркальце из кармана, раскрыла его, положила прямо на сундук. Вой во дворе усилился. Три головы столкнулись над собственным, невидным в полутьме, отражением, три пары рук сцепились кругом, три голоса забубнили:

— Призрак, призрак, появись! Силой с нами поделись!

Затрещали стены.

— Призрак, призрак, появись! Силой с нами поделись!

В люк снова с силой стукнуло, сундук выдержал, но зеркальце от вибрации заскользило. Мика дернулась, испугавшись, что оно сейчас упадет и разобьется. Неля крепче стиснула ее ладонь. Умник едва дышал.

— Призрак, призрак, появись! Силой с нами поделись!

Из-под пола раздался чудовищный грохот, сундук подпрыгнул,

стены вздрогнули, чердачное окно, закрытое на щеколду, распахнулось и осыпалось стеклом, а ворвавшийся ветер затушил обе свечи. Успевшая в последний момент сцапать зеркальце Мика взвизгнула.

И стало тихо. Даже часы перестали тикать (и Умник вдруг подумал, что у кукушки, наверное, разорвалось сердце, жалко).

А потом в тишине раздался голос.

— Здравствуйте, дети.

— Ой, — тихо сказала Неля и открыла глаза.

— Получилось! — Мика перестала жмуриться и подпрыгнула от радости.

Умник глубоко вздохнул, мысленно сказал себе «ты же мужчина!» и чуть-чуть приоткрыл правый глаз.

Привыкать к темноте не пришлось, комната была освещена куда лучше, чем свечами. Рассеивая вокруг себя нежное синее свечение, закинув ногу на ногу, в Микином гамаке качалась старуха Вавилова. Зоя Трофимовна. Баба Зоя, умершая ровно пятнадцать дней назад. Выглядела она отлично, даже и получше, чем до смерти. На руках у нее сидел маленький черный пудель и настороженно водил носом.

— Дети, — сказала баба Зоя. — Если уж вы меня потревожили, говорите что вам надо, пока я не начала сердиться.

На Мику и Нелю это предостережение особенно не подействовало, а вот Умник слегка вжал голову в плечи. Он-то, в отличие от девчонок, успел застать старуху Вавилову в добром рассудке и прекрасно знал, как она умела сердиться. Строго говоря, до последних событий это было самое страшное, что он видел в своей жизни.

Рассказывали, перебивая друг друга — в подробностях, увиденных, услышанных и разнюханных. Старуха Вавилова молчала, кивала и хмурилась. Когда иссякли, подняла руку.

— Зеркало, — сказала старуха Вавилова. — Ищите, дети, еще одно открытое зеркало.

— Еще одно? — Умник покосился на девчонок, Мика и Неля смотрели на бабу Зою и не заметили его подозрительного взгляда.

— Этих, — Зоя Трофимовна махнула рукой, — мы с Эрнестом сейчас попробуем утихомирить. А вы, дети, ищите зеркало, иначе завтра они снова появятся.

— А что с ним потом делать? — спросила Неля. — С зеркалом?

— Бить, дети, — ответила старуха. — Молотить в мелкие осколки, собирать и нести к реке. Похороните в проточной воде, и дело с концом. До реки было далеко, и никто бы их туда одних не пустил. Но тут уж

ничего не поделать, если в проточной, значит, в проточной.

Ночь пережили спокойно, старуха Вавилова не обманула, и они с пуделем действительно утихомирили этих. Даже Мышка не плакала, и к обеду выбралась во двор: может, в салочки погоняем? Но было не до салочек. Нужно было выполнять указания бабы Зои.

Опознать, которое из зеркал оказалось открытым, оказалось внезапно проще некуда. Даже странных вопросов взрослым удалось избежать: выпавшаяся Мышка рассказала, что видела, как во время похорон кто-то задел небольшое зеркало в прихожей — темное, старинное, принадлежало еще бабушке старухи Вавиловой, — и платок, закрывавший его, соскользнул. Порядок восстановили, но уже только после того, как гроб вынесли за дверь.

Разбить зеркало тоже оказалось, в общем-то, просто. Дождаться пока Дежурная Племянница выйдет на террасу поболтать с тетей Олей, ткнуть пару раз молотком, который Умник стянул из дома, да и все. Рама на месте, осколки на полу, собрать и смыться.

И вот тут-то начались сложности.

Слишком громко билось зеркало, чтобы не слышали со двора, слишком мелкими оказались осколки, чтобы быстро найти их все. Эх, растяпы.

Скандал вышел неописуемый. Дежурная Племянница, едва оправившаяся от похорон, заходила слезами в кресле, баба Лида держалась за сердце, тетя Наташа кружила вокруг них, заливая комнату валерьянкой, тетя Оля причитала про плохую примету и «семь лет несчастий», Пал Василич неодобрительно чесал бороду и говорил, что в его-то время да за такое, а дядя Миша судорожно дергал ремень. И хотя все прекрасно знали, что он в жизни никого пальцем не тронул, было ужасно неуютно. Остальные свидетели происшествия печально качали головами, громко переговаривались и сходились на одном — наказание за такое чудовищное безобразие должно быть суровым и неотвратимым. И только Мышка и Лиловая Кошка, пробравшиеся между дверью и Пал Василичем смотрели на нарушителей спокойствия с сочувствием и пониманием. Мика мысленно поклялась рассказать Мышке всю правду. И Умнику тоже. Вот прямо сразу же после того, как они смогут выбраться отсюда. Желательно вместе с осколками. Которые надо быстро-быстро нести к реке, кидать в проточную воду. И вот как?..

— Что случилось? — бодрый мамин голос нарушил слаженную

вакханалию вокруг разбитого зеркала. Мама ввинтилась в комнату, и Мика с Нелей слегка воспряли духом (Умник был знаком с ней значительно меньше, и оценить как вовремя она появилась, не мог).

— Ох ты, господи, — сказала мама.

— Как неудачно-то, — сказала мама.

— Мика, быстренько неси веник, — сказала мама. — Нелька, ведро! Костик отойди в сторону, ты босиком, можешь пораниться. Баба Лида, как вы, ничего? Оля, прекрати стенать, пожалуйста! Ну, какие «семь лет», ей-богу? Сейчас мы быстренько соберем осколки — Костик, я кому сказала отойти? — и под проточную воду, и все, и никаких несчастий. Верное средства, Оля. Миша, они случайно, оставь в покое свой гардероб. Аня, а ты не плачь, пожалуйста, сама же говорила, что Зоя Трофимовна это зеркало никогда не любила...

Дома было светло, спокойно и тихо. Только в ванной лилась вода — кран, похоже, был открыт на полную мощность, да мама что-то напевала как только она умеет — заунывно и непонятно. Мика и Неля забрались на свой подоконник, задернули занавеску.

— Как думаешь, справились? — спросила Мика.

— Узнаем, — ответила Неля. — Мама вовремя как пришла.

Мика поежилась, представляя, что было бы выкинь кто-нибудь осколки просто так, в помойку. Ведро в ванной — не река, конечно, но вода-то, вода — течет!

— Мама всегда вовремя приходит.

Замолчали, уткнулись носами в окно. За ним улица — сгущались сумерки, горели фонари, ехали машины, шли незнакомые люди и не было пауков, битых зеркал, проточной воды, плачущей Дежурной Племянницы.

На вечерних посиделках следующего дня о разбитом зеркале уже никто и не вспоминал.

2014 г.

Как дойти до рынка

Куда? А, Скрытый Рынок! Знаю, конечно, у меня там бабушка рядом живет. Мне сейчас тоже туда, могу проводить. А, поняла, хорошо. Тогда смотрите, идти надо вдоль Канала... или Другого Канала? Черт, я все время путаю! Зачем им вообще эти водоемы посреди города, не понимаю, Большой Реки мало, что ли? Только людей с толку сбивать. Но точно не по Ерику... По Ерику вы один не дойдете. Поэтому да, идите вдоль Канала. Или Другого Канала. Сначала будут ракушки, смотрите, если коричневые, то вы лучше наверх поднимитесь и по дороге немного пройдите. Так безопаснее будет. А если белые, то идите спокойно, они, конечно, противные тоже, но ничего не сделают, им сил не хватает. Дальше какое-то время все тихо будет и дорога прямая, вы только не очень по сторонам смотрите, а то заблудитесь. Зато как дойдете до Пятничного моста, уже как раз поглядите - там будет такой дом с башенкой и за ним два тополя, летом очень на сову похоже. Вот на него и ориентируйтесь. Только на сам мост не поднимайтесь, под ним лезьте. А то подниметесь и все, привет, уже пятница и вы везде опоздали. Я так в прошлый раз накололась, зачет пропустила, теперь хвост висит, а я, между прочим, на красный диплом иду... Ой, отвлеклась, извините. В общем, вы-то идите на сову, то есть, на дом, идите, идите, пока не поймете, что вы больше его не видите. Не пугайтесь, это значит, что вы правильно идете, следить за вами больше не надо и она улетела. Потом по мостам смотрите. По табличкам. Если написано "Угрюмый", переходите на другую сторону. От греха подальше. Если "Ванькин", то за карманами следите, через полметра пустыми будут. Но не думайте, он не корыстный, любопытный просто. А хотите нитку дам, сразу карманы зашьете? Ну как хотите... А если таблички нет, а все в ленточках и цветах, то лучше, знаете, отвернитесь и полчаса переждите. Это для влюбленных мост, там типа хорошо, конечно, но отвлекает, особенно, если у вас давно никого не было. Я вот, например, там плачу все время, когда одна прихожу.

Вот, а если повезет и на табличке "Ленивый мост" написано, то все, считайте, пришли, он вам минут пятнадцать сэкономит. Только там на перилах Айслу сидит, так вы на нее минут пять из этих пятнадцати потратите, ладно? Ну там, хоть о погоде поговорите, что ли. Не волнуйтесь, не утащит она вас никуда. Она просто людей редко видит, скучно ей. Ленивый мост на то и ленивый, что редко появляется. Ой, и

передайте ей, пожалуйста, что я бусики переделала как она просила, зайду через недельку, отдам.

Дальше уже просто совсем: Рыкающий сад не пройдете, даже если захотите, его за километр слышать. Муравейник тоже не пропустите, только не тормозите там, ради бога, а то кислоты в вас стравят, придется потом лимонами торговать, больше ни на что не сгодитесь, пока все не выйдет. После Муравейника Китовник, мокрый будете, но тут уж ничего не поделаешь, там все мокрые ходят. Зато весело. Потом увидите рыбаков. Вот с ними как раз ни в коем случае не разговаривайте! А то знаем мы, огонька не найдется, а который час, ой, девушка, а пойдете в кино... хотя вам последнее не грозит, но это все равно. Заговорят насмерть, будете потом хлебный мякиш из пуза выковыривать и губы все крючками порвут. Ну нафиг, лучше глухонемым прикиньтесь.

Ну и... А, еще, как рыбаков пройдете, там опять немножко ракушки будут. Но это вы помните, да? Коричневых берегитесь, а белые не страшно. А после ракушек все, пришли. Как в рынок войти, знаете уже? Пуговиц у вас на пальто много, это я вижу. Так что если даже с собой не захватили, то просто отрежете парочку, не страшно. Да! На провокации арбузных баб не поддавайтесь, они всегда новичков пугают. Вы делайте вид, что вы тут давно ходите и все нормально будет. Все запомнили?

Станный мужик. Я, говорит, лучше короткую дорогу поищу и смылся. Ну пусть ищет, чего он там только на этой короткой дороге делать будет? Проснется ж сразу и ни до какого рынка уже в жизни не дойдет. И будет сам себе злобный бу... Ой, а мне-то не пора? Ой-ой, черт! Вот так всегда, всем поможешь, а самой теперь по Ерику придется бежать. А там, конечно, ночь сейчас и паутины полно. Но ничего, это мы как-нибудь. Все лучше, чем бабуля опять дуться будет. Спрячется как в тот раз и ищи ее потом по всем кофейным чашкам в городе, общешься.

2009 г.

1 ИЮНЯ

Каждый май он приходит, чтобы меня убить.

В прошлом году чуть не утонула. Поехала, блин, на морюшко. Две апрельских недели радовалась теплым волнам и яркому солнцу, а потом наступил май. Разве можно умереть, прогулявшись по кромке моря? Да запросто: внезапная волна, чьи-то руки тянут тебя вниз и вот – ты уже идешь ко дну в десяти метрах от берега.

Это страшно, вообще-то, – тонуть. Но и довольно скучно при этом. По возможности избегайте этого, как говорят мои дочери.

В позапрошлом году было повеселее – стая волков. О да, я тренированная, глаз у меня меткий и без ружья я даже в ближний ельник не сунусь, но это был не ельник. Вовсе даже не ельник, а обычный спальный район большого города. И ружья у меня, конечно же, не было. Домой я пришла таким испуганным чучелом, что собственные псы признали меня не сразу.

Три года назад подавилась... томатным соком. Откачали и довольно быстро. Но я очень злилась: такую глупую смерть я точно себе не планировала. Что за дела?

Вообще, это все – море, волки, сок – фигня, как говорят мои сыновья. Может, устал? Раньше-то и похуже вещи случались.

Катер, застрявший в кольцах Сатурна, вот это была тема. Всем системам каюк, болтаюсь между льда и огромных камней, даже SOS подать не могу. Страху натерпелась, пока выбралась.

Метеоритный дождь тоже был хорош. Сидеть на маленьком астероиде посреди заброшенной звездной системы неудобно и без этой галактической картечи. Два месяца в гипсе, титановая пластина на черепе, до сих пор кое-где шрамы остались, даже татуировками не скрыть.

Вооруженный конфликт двух малообразованных племен и я, волей

судьбы, в центре решающей битвы. Неплохо-неплохо. Из черной дыры выбираться целую вечность пришлось. Часть моих детей успела вырасти, обзавестись собственными детьми и теперь мне приходится учить и их слова. Цунами, землетрясения, маньяки, ядовитая еда, попытки принести меня в жертву, восстание динозавров, десятки вирусов и бактерий, внезапно оживившиеся призраки в одном маленьком мотеле, падения с высоких скал и невысоких табуреток, взрывы – от аккумулятора до сверхновой. И что только не валилось мне на голову за все эти годы! И кто только не пытался меня переехать, пристрелить или съесть!

Конечно, я не прячусь. Глупо пропускать самый прекрасный месяц года из-за того, что можешь умереть. Еще чего. Прошу только об одном: постарайся не убить кого-то еще вместе со мной. Не нужно. Все эти природные катастрофы еще куда ни шло. Но однажды он попытался уронить самолет... И я даже вспоминать об этом не хочу. Как же я кричала на него потом. Наши дела – только наши дела и незачем втягивать в них посторонних.

Как там было? Все, что нас не убивает, делает нас сильнее? Сильнее-сильнее, хитрее-хитрее, безрассуднее. Кек, лол, как говорят мои внуки.

Сегодня последний день мая. Жду как никогда, нечасто он так задерживается. Немного тоскливо: вдруг он придумал что-то такое, что наконец-то сработает. Все-таки столько лет. Чувство неожиданное, но понятное.

Поэтому решила сходить в магазин. Завтра все-таки день рождения... Тот самый первый второй день рождения, следующие я уже даже не считала. Вся семья съедется. А что там может убить меня в магазине? Разве что полка обрушится или грабитель случайной пулей заденет. Но все это уже было, а повторяться он вроде не любит...

...Ах вот что! Многотонный КамАЗ гудит и скрежещет шинами. А я стою посреди пешеходного перехода с двумя пакетами и точно знаю: мне не успеть. Идешь через дорогу на зеленый, смотри по сторонам и вверх, как говорит моя мама. Не посмотрела.

Так значит, да? Ладно. Ладно. Ладно... Новенькую правнучку жаль не увижу, смешная цаца, судя по фотографиям. Айаяяяяя, как, наверное, говорит она, когда расстроена. Ладно. Ла...

КамАЗ останавливается с таким звуком, что, клянусь, то пресловутое восстание динозавров звучало как лучший симфонический оркестр мира на пике своих возможностей. Тыкается своим огромным носом прямо в пакет с бутылками вина. Звона разбитых бутылок я не слышу, потому что у меня звенит в ушах – от напряжения и ожидания. И еще кто-то кричит.

И кто-то что-то говорит, много, громко. Оттаскивают меня от машины, забирают пакеты, спрашивают, спрашивают, спрашивают. Никогда еще на моих несостоявшихся похоронах не было столько шумных людей. Да отстаньте же вы, я в порядке. Я – жива.

Смотрю на часы: 22:15. Смотрю на КамАЗ: из водительской двери высовывает он. Хохочет. Кричит.

Эй, кричит, старушенция! Что, кричит, испугалась? Саечка, кричит, за испуг! С днем рождения! Пока-пока!

Захлопывает дверь и срывает свою адскую машину с оглушающим ревом. Вслед ему несутся возмущенные вопли моих невольных свидетелей и помощников. Вот же старый хвастливый пердун, как говорит моя бабушка.

Ладно. Пока-пока, как скажешь. В ноябре я приду убить тебя, как прихожу каждый год. Посмотрим еще, кому тут саечка.

2020 г.

Вопрос веры

Бог пришел ко мне вечером. Ровно через полчаса после того, как я перестала в него верить. В дверь аккуратно постучали (звонок у меня не работает, и руки никак не дойдут починить), я посмотрела в глазок. Он стоял на лестничной площадке, пританцовывая, словно в туалет хочет. В одной руке пакет, в котором угадывается стеклотара, в другой - коробка с тортом.

- Привет, - сказал он, когда я, налюбовавшись на его небритую физиономию, все-таки открыла дверь.

- Привет, - хмуро сказала я. - Ты опоздал, я в тебя уже не верю.

- Да? - он, по-моему, удивился.

- Да, - я тоже удивилась, я думала он все самым первым узнает.

- Ну, ладно, - как-то слишком легко согласился он. - Можно я в туалет зайду? А то пиво, знаете ли.

Япустила его, одной рукой отодвигая собаку, порывающуюся его облобызать (а вместе с ним и торт; и еще вопрос, если честно, кого больше), второй пытаюсь застегнуть пуговицу на штанах (блин, ну давно надо было или похудеть или перешить). Он вручил мне пакет и коробку, стянул ботинки, чмокнул собаку в лоб, отчего она, слегка обалдевшая, села на попу и загадочно улыбнулась, и пошел вглубь квартиры, прямо к заветной комнатке. Интересно, откуда он знает, куда идти, он же у меня ни разу не был? Впрочем, чего это я, квартира-то стандартная.

Не было его долго, видимо, пива было много. Бог, тоже мне, подумала я, с такими пустяками не справляется. Правильно я в него больше не верю.

Я ушла на кухню, положила его гастрономию на стол (в пакете что-то радостно зазвякало и забулькало), машинально нажала на кнопку пуска чайника. Собака увалилась на пол. Одним глазом поглядывала на торт, вторым следила за коридором.

- А вот и я, - радостно возвестил он, заходя на кухню и усаживаясь на табуретку (собака тут же полезла ему носом в ладонь). Я молчала.

И он молчал.

Короче, мы молчали.

Минут пять.

Или шесть.

- Слушай, - наконец сказал он обиженным голосом. - Ну, что такое,

честное слово? Ну, не веришь в меня и не надо, но чаем-то напоить можно?

Потом добавил, кивая на стол:

- У меня тортик есть. Птичье молоко, между прочим. Ты же любишь?

- Не нужен мне твой тортик, - проворчала я и полезла за чашками.

- Мне в той, которая со щенками, - торопливо сказал он. И добавил смущенно, - Люблю щенков.

Я достала ему «которая со щенками», себе взяла одну из «штатских» (в смысле, из Штатов, Соединенных Штатов Америки) с коллажом из видов прекрасного города Вашингтона. Поставила обе чашки на стол, открыла сахарницу, заварочный чайник из холодильника вытащила. Он в это время разламывал коробку с тортом: отколупывал скрепки с боков, распрямлял картонные борта, чтобы удобнее резать и брать было. Вынул ножик из кармана, погромсал кулинарное изделие огромными кусками. Один кусок, не дожидаясь чая, надкусил (кусочек шоколадной корочки упал на пол), второй засунул в рот собаке. Она проглотила торт одним махом, шумно и довольно задышала.

Я налила чай, пододвинула ему чашку, сахарницу, села напротив. Он захватил сразу кусочков пять сахара, полюбовался на них, сказал «ух, ты» (у меня сахар смешной: цилиндрической формы и разноцветный - оранжевый, зеленый и желтый). Наглядевшись, бросил в чашку, начал размешивать ножиком своим перочинным: я забыла дать ему ложечку. Шумно отхлебнув, покачал головой, добавил еще два кусочка. Снова попробовал, остался доволен.

- Как мама? - спросил он, выпив полчашки. - Не болеет?

- Ничего, - вежливо ответила я. - Сердце иногда пошаливает, но, в общем, ничего.

- Ты за ней следи, я-то не всегда успеваю.

- Слежу.

- Ну, а вообще как дела?

- Нормально.

Он доел третий кусок (не забыв поделиться с собакой, которая, судя по блаженному выражению на морде, готова была пойти за ним на край света хоть сейчас) и встал из-за стола. Потянулся, хрустнув суставами, прошелся по кухне. Заметил на одной из полок губную гармошку, потянулся за ней.

- Не надо, - сказала я. - Собака выть начнет, а уже поздно, соседи

спят.

Вместо ответа он облизал губы, приложил к ним гармошку и издал тихий гудящий звук. Собака подняла голову, пошевелила правым ухом, прислушиваясь. Откликнулась тихонечко. Он сыграл два такта, она подвыла точно в тон.

Музыканты, блин. Что я соседям скажу?

Они сыграли и провыли мне «Oh, Susanna», «My Bonnie», «Amazing Grace» и еще какую-то мелодию из арсенала начинающего гармошечника, название которой я забыла. Закончился маленький ночной концерт торжественным исполнением гимна Советского Союза, причем если предыдущие песенки моя собака слышала, когда я старательно пыталась надуть их сама, то откуда она знает мелодию гимна, я ума не приложу.

- Bravo, - сказала я, посвящая это больше тому, что соседи так и не начали ни выламывать мою хлипкую дверь, ни даже гневно стучать в стены.

- Ну, ты чего? - вдруг грустно спросил он, откладывая гармошку и присаживаясь за стол. - Чего ты?

- Ничего.

- А почему ты в меня больше не веришь?

Я не смогла честно ответить ему на этот, в сущности, простой вопрос. Отчасти оттого, что говорить такое, смотря при этом Ему в глаза, достаточно глупо, отчасти оттого, что и сама до конца не понимала - почему. Так получилось.

- Так получилось, - сказала я и подумала, что более идиотского ответа он, наверное, и не слышал никогда. Ща-ас как обидится.

Но он не обиделся, улыбнулся ласково.

- Дурында, - сказал, и потянулся за чайником.

Я кивнула. Дурында, чего уж там.

Он налил нам остывшего чаю, положил в свою чашку сразу восемь цилиндриков сахара (четыре оранжевых, три зеленых и один желтый), взял два куска торта - один себе, другой отдал собаке.

- Извини, - сказала я.

- Да, ладно, чего там, - отмахнулся он, жуя. - Я же понимаю. Я поэтому и пришел.

- А? - глупым голосом сказала я.

- Ага, - вздохнул он, а больше ничего не добавил.

Но я, кажется, поняла.

Через пять минут он встал с табуретки, стряхнул на сопящую от

счастья собаку крошки, потянул на себя пакет (в нем снова раздалось дзиньканье и бульканье), сказал:

- Ладно, я пошел. Пора мне.

- Не уходи, - попросила я. - Не уходи.

- Надо. Не сердись, - сказал он. - Не сердись.

Уже на пороге, когда он обувался, я спросила:

- Можно задать тебе один вопрос?

- Валяй, - разрешил он, завязывая бантиком шнурок на левом ботинке.

- Что у тебя в пакете?

Он глянул на меня исподлобья, усмехнулся.

- Да, вот, - ответил, - тут у вас в седьмом доме чувак живет.

Бизнесмен. Через час решит покончить с собой. А он ничего, кроме коньяка, не потребляет, понимаешь?

Я кивнула.

Я понимаю.

Он выпрямился, притопнул ногами, проверяя крепость шнурков, поцеловал собаку, которая уже к этому моменту сидела на попе, внимательно наблюдая за его руками. Повозившись с замком (он у меня заедает, а починить руки никак не дойдут), открыл дверь, вышел на лестничную площадку. Подмигнул мне через плечо и начал спускаться по лестнице, тихонько насвистывая гимн Советского Союза.

Я немного постояла, слушая, затем закрыла дверь и пошла на кухню мыть посуду.

2005 г.

Щенки одного помета

Мы ищем своих. Везде. Это непросто. Мы все прячемся, все скрываемся. Нас нет и не должно быть. Ходят слухи, но они могут быть ловушкой, и верить им нельзя. Каждая встреча — чудо.

Мы очень внимательны. Блеснет желтым глаз. Проявится серебристый волос под черной челкой. Почудится знакомый запах.

Вольется в песню высокая нота, слишком сложная для человеческого уха.

Все это тоже может быть ненастоящим. В глазах линзы, в волосах краска, запах подделан, в голосе — ложь. Они до сих пор на нас охотятся. В этом-то смысл их жизни.

А нашей — выжить. Если повезет, найти своих. Если случится чудо — продолжить род.

Наша стая очень маленькая, нас всего трое. Мы зовем себя щенками одного помета, не решаем, кто из нас альфа, и не готовы продолжить род. Мы договариваемся, потому что втроем легче, чем по одиночке. Мы ищем других. Своих.

А нас ищут те, кто хочет нас убить.

Мы виноваты перед ними. Навсегда. Навечно. Мы ели их овец и коз, а иногда собак и детей. Мы просто хотели есть, когда не было другой еды. Мы должны были есть. Такова наша природа. Овцы. Козы. Телята. Собаки. Дети.

Теперь мы не едим ничего живого. Но они все еще охотятся на нас. Пока не уничтожат последнего из нас. Но мы хорошо прячемся и ищем своих.

Найти своего — большое облегчение. Наша стая очень маленькая, три щенка одного помета. Мы держимся вместе. Снимаем комнату у одного старика, он глуховат и дежурит сутками. Тогда мы принимаем

собственный вид и спим на одном диване. Когда он дома — расходимся по своим спальным местам и включаем радио. Мы надеемся, что он ничего не подозревает. Мы очень осторожны.

Сложнее всего — оборачиваться. Когда оборачиваешься на прошлое — становится жгуче больно. Нечем дышать. Наша стая никогда не ела ни овец, ни детей, но мы потомки тех, кто ел. Мы виноваты. Такова наша природа. Мы стараемся не оборачиваться, не смотреть, не вспоминать, хотя это невозможно.

Оборачиваться физически — еще больнее. Нас научили этому, чтобы мы скрывались. Выкручивать суставы, рвать сухожилия, стараться не кричать, становиться людьми. Быть людьми несложно, мы похожи — они тоже едят овец, коз, собак и детей. Но нам этого нельзя.

Мы умеем носить одежду и обувь. Умеем читать. Умеем платить за квартиру. У нас есть работа и социальные связи. Мы умеем прятаться как никто. Носить линзы. Красить волосы. Притворяться. Оборачиваться.

Когда старик уходит, мы оборачиваемся собой и сбиваемся в кучу. Мы лижем друг другу лапы, грызем друг друга за холки, робко подаем голос, чтобы никто не услышал, а потом засыпаем, прижавшись друг к другу спинами. Щенки одного помета, нам всегда страшно.

На днях мы заметили своего. Мы надеемся, что это свой. Она блеснула желтым глазом — или нам показалось? У нее серебристый волос — или просто седой? Ее голос спел нашу песню или это подмена? Как различить запах? Мы клянемся друг другу, что не заметили на ней ничего красного.

Красный — цвет смерти. Как кровь, только не из-за крови. Никого не пугала кровь. Ни нас, ни людей, которые забивали своих овец, собак и детей. Просто маленькая случайность в длинной большой войне. Просто один красный плащик. После которого они нас не простили. Красный плащ с капюшоном определил нашу участь на тысячи лет вперед. Они все надели красные плащи и убивают нас, чтобы мы не трогали их собственность — их овец, собак и детей.

Люди называют это мезью. Мы не носим красное и не едим живое.

Мы смотрели долго. Мы выжидали. Мы решались. Принюхивались. Прислушивались. На нас охотятся — ошибка может стоить жизни нашей маленькой стае. Но на ней не было красного.

Мы условились привести ее к нам домой. К этому дню мы уже почти не боялись, мы поверили. Нас трое. Она одна. Мы дома. Старик будет на службе. Нам ничего не грозит. Мы не едим живое. Мы — не они. Она не выглядела такой. Она выглядела своей.

Пока не пришла. На ней был красный плащ с капюшоном. И она достала нож.

Отличный день, сказала она, вам так не повезло. Если вы думаете, что кто-то что-то забыл, сказала она, вы ошибаетесь. Бедные глупые волчата, мы никогда не оставим вас в покое. Вы ели наших овец, собак и детей, мы помним.

Мы не ели, но нам нечего было возразить. Мы не могли возражать, не имели права. Они отняли у нас это право навсегда. Навечно. Мы были маленькая глупая стая, которая так и не нашла своих.

Уходи, сказал старик, и мы очень удивились. Он был на службе. Но он был тут и в руках у него было ружье. Мы не имеем права касаться оружия, но мы знаем, что ружье сильнее ножа. Уходи, сказал старик, я устал.

Они убийцы, сказала она, не вмешивайся, старый глупый дровосек. Они щенки, сказал он, и они никого не убивали.

Вы заодно, спросила она. Я просто очень устал, ответил он. Мы молчали, прижавшись друг к другу, опустив хвосты и прижав уши.

Ружье сильнее ножа. Я найду вас снова, сказала она, и ушла. И вы уходите, сказал старик. Я не смогу вас защитить, я не хочу вас защищать. Я предаю все, чему меня учили, защищая вас. Учитесь защищаться сами.

Мы ушли. Обернулись, собрались и ушли. Наша маленькая стая,

три щенка одного помета. Мы никогда не убивали овец, собак и детей. И мы решили, что больше никто не убьет нас.

И нас никто пока не убил.

2022 г.

Неинтересно

— Поехали! Давай же, давай!

Антон вдохнул носом, выругался про себя и очень-очень медленным голосом спросил: куда едем-то?

— В Москву! — она сильнее прижала пистолет к его затылку. Антон нажал на газ, тоже очень-очень медленно, и двинул в сторону Столичной трассы.

До Москвы так-то часов десять, если без остановок. Всю дорогу так ехать будем? Никогда в жизни не мечтал, чтобы гайцы тормознули. Господи, вот debil-то. Полночь почти, уже дома был бы. Но нет, пожалел девку. С руки ловит, наверняка ж, телефон сел! Как же она!.. Жалельщик недоделанный. Джентльмен хренов.

— До Москвы далеко.

— Я знаю. Это хорошо.

— Бензина не хватит.

— Заправимся. Телефон отдай.

Антон пытался разглядеть ее в зеркале заднего вида. Хренушки, мало того, что темно уже, она еще и в маске, и капюшон натянула. Пистолет прижала так, что аж больно.

— Ты можешь так не давить? Синяк будет.

Очень смешно, debil. Как разозлится сейчас. С другой стороны, и что? Пристрелит? Другую машину искать будет? Много она их найдет за полночь за городом. Дебилов нет. Ну, кроме Антона.

— Ой, извини, — она слегка отодвинула ствол.

Антон приободрился: договороспособная киднепперша? Хороший знак. Наверное. Но вот кой черт ему приспичило этот чертов Хэллоуин праздновать? Сроду не праздновал, нет же. Пойдем, говорили они. Будет весело, говорили они... Ага. Хоть бы бухнул, за руль бы тогда не сел.

Чем дальше от города, тем меньше огней. Меньше машин. Меньше шансов на пост ДПС. Но больше шансов, что стрелять не будет. Наверное. Если... если не решит сама сесть за руль, а его выбросить в канаву. Эта неожиданная мысль Антону чего-то не понравилась и он снова сник.

— Как тебя зовут?

— Антон.

— Меня Марина.

А это хороший знак?

— Красивое имя.

Марина вдруг захихикала. Антон вздрогнул и от неожиданности чуть не бросил руль. Очень смешно, блин.

— Да не бойся ты. Доедем до Москвы, я тебя отпущу. Если захочешь.

— Ладно, — а могу не захотеть, да? А вот интересно, когда его хватятся? Дома никого, смена завтра с двух... Да и то, поди, решат, что похмелиться забыл. С родителями только сегодня разговаривал, следующий сеанс связи дня через три.

За это время можно сдохнуть десять раз и даже начать разлагаться, наверное. Блин, лучше б набухался.

— Ладно! — она хихикала еще минуты две, не могла остановиться. Потом стихла. Пистолет качался у затылка Антона. Антон внимательно следил за дорогой: не хватало еще, чтобы на кочке у нее рука дрогнула.

Первую заправку они проехали молча. Ко второй у нее устала рука и она положила пистолет на колени. Антон чувствовал его даже через спинку кресла. К третьей станции не выдержал.

— Бензину надо долить. И в туалет хочется. И кофе бы, — обнаглел?

— Хорошо, — она зевнула. — Но в туалет не пущу. В кусты сходишь.

— Да мне бы поср...

— В кусты, — отрезала. — Под присмотром.

За бензин, кофе и пирожки заплатила сама. Еще воды в дорогу взяла. Заботливая, блин.

Часа через три нестерпимо захотелось спать. Адреналин выдохся, кофе тоже. Антон пытался разговаривать, чтобы отвлечься, но киднепперша, кажется, тоже очень устала.

— Зачем тебе в Москву-то?

— А оттуда куда хочешь уехать можно.

— Отсюда тоже вроде.

— Вот я и еду. В Москву.

— Ну а чего не на поезде?

— Неинтересно.

Логично, чо. В поезде некому пушку в затылок вставлять.

Антон включил радио. Марина попросила выключить. Он сказал, что рискует уснуть. Она ткнула его пистолетом в затылок и громко

зевнула. Звук был похож на собачий вой.

Еще час ехали молча, если не считать зевков. В глазах резало, спина ныла. Запястья ныли. Интересно, если врезаться куда-нибудь, поможет? У Антона ремень и подушка безопасности. А она даже не пристегнулась. Но это ювелирно надо, чтобы самому не откинуться. Даже если просто поломаться, несладко.

— Ладно.

— Что ладно? — Антон так устал, что его едва хватало ровно держать машину. Половина седьмого утра, господи, как же спать хочется. Маринины слова доходили до него с большим усилием.

— Поспать тебе надо, говорю. А то врежешь нас куда-нибудь.

Когда Антон понял, о чем она, то резко свернул на обочину и встал. Марина ткнулась носом в спинку сиденья.

— Да блядь!

— Извини, — он заснул мгновенно. Отключился, наплевав на Марину и пистолет. Даже машину не заглушил.

Проснувшись, не сразу сообразил, что происходит. Поозирался, разминая затекшие плечи, удивился, охнул. Вспомнил. На заднем сидении, скрючившись и зажав пистолет под мышкой, спала Марина. Маску она сняла, капюшон, наверное, сполз сам.

А симпатичная.

Антон осторожно вынул пистолет у Марины из руки. Она завозилась, заворчала, но не проснулась. Сжалась сильнее. Ну да, холодно. Ноябрь все-таки.

— В Москву, значит? — Антон хмыкнул, забросил пистолет в бардачок и вылез из машины — сходить в туалет и размяться, наконец, как следует. — Не. Неинтересно.

Происшествия, 1 ноя, 10:04

Просмотров: 1 257

Поделиться

Два человека найдены мертвыми в автомобиле на Столичной трассе

На Столичной трассе возле гипермаркета «Москва» обнаружен автомобиль марки «Лада Калина» с телами женщины и мужчины. По сообщению следственных органов СК РФ, машина была припаркована. В ходе осмотра трупов видимых телесных повреждений обнаружено не было.

В настоящее время личности погибших устанавливаются. В ведомстве также отметили, что проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего.

Через три года они расстались. Марина сказала, что Антон ей немножко надоел, стащила все деньги, ствол и растворилась в пространстве. Антон ее не искал. Чтобы ехать дальше, ему не нужны были ни Марина, ни пистолет, ни бабки.

Кажется, без них будет даже интереснее.

2022 г.

Кассир Васильев

Нет сейчас в кафе никаких Васильевых. Сам Ян — Петров. Лиля и Шамиль из дневной смены — Сакаевы, хозяйка Руслана вообще носит странную фамилию Малыш.

Но когда-то был Васильев. На чеке должна быть фамилия того, кто на смене. Какая-то странная традиция, Ян даже не уточнял для чего. Надо и надо. Хотя про Васильева, конечно, слышал. Один из первых работников, почти легенда, жаль фото не сохранилось.

Остальных-то всех портреты по стенам висят. Как говорит один постоянный клиент: создают атмосферу. Даже Ян есть, улыбается смущенно, один глаз прищурил как псих. Нервная была смена, пришлось стулом от грабителя отбиваться. А потом еще — словами — от Русланы, которая кричала, что он полный кретин, жизнь свою не ценит, а если его в следующий раз какой-нибудь мудака с большой дороги прибьет насмерть за три рубля, то не видать ему больше работы как своих ушей.

А Ян что, Ян кивал, смущенно улыбался (тут-то его Лиля и сфотографировала), мямлил «я больше не буду», а сам знал, что будет, конечно. И Лиля, и Шамиль будут. И сама Руслана, понятно.

Потому что самое ценное, что у них есть — это кафе. Потому что было оно тут до всего, что было. Еще ничего тут не было, а Руслана уже добыла где-то маленькую стеклянную будку, несколько столиков, кофемашину и вафельницу. И сделала кафе там, где ничего нет.

Оно даже какое-то время без названия работало. Просто Кафе. Или «пойдем к Руслане». Какой смысл добавлять название чему-то, что есть всего одно? Это потом-то уже, когда кафе лет десять (локальных!) простояло и выстояло возле порта, когда рядом появились сначала много маленьких палаток, а потом торговый центр, когда неподалеку даже заложили крохотный парк и открыли там ларек с мороженым и сахарной ватой, только тогда и заказали вывеску.

Сначала Ян думал, что он тут ненадолго. Пересидеть личные неприятности в тихом месте, где пахнет кофе и вафлями. Потом втянулся, сам не заметил как. Выучил кофеварку и вафельницу как свои пять пальцев, вычислил время, когда никого не будет и можно наверняка отлучиться в туалет, запомнил всех, кто приходит чаще одного раза. А таких-то много.

Смена Яна начинается, когда все вокруг затихает. Допивают последний кофе дальнобойщики и идут спать, закрывается парк, зажигая красный огонек на воротах, умолкает порт. Даже постоянный гул купола словно становится тише, хотя Ян и знает, что ему так только кажется.

В кафе всегда играет музыка. Руслана сама делает подборки, но можно добавить и что-то свое. Ян не добавляет, ему и так хорошо. Ему вообще все здесь хорошо. Кофе всего одного вида, но можно добавить молоко, или сироп, или молоко вместе с сиропом. Вафли всегда одинаковые — большие, рыхлые, расчерченные квадратиками, зато начинок почти двадцать видов и можно смешать.

У одного столика качается ножка, на прошлой неделе Ян подпер ее вчетверо сложенной картонкой. Лампы над стойкой иногда мигают и тогда надо выводить из подсобки робота, выдвигать стремянку, лезть к потолку и подкручивать патроны. А потом, раз уж робот со стремянкой уже тут, можно протереть полки и рамки — фотографий накопилось так много, что они уходят под самый верх.

Вот Руслана. Вот много-много Русланы, она себе нравится. Яну она тоже нравится, не внешностью (между нами, так себе супер-красотка, в кино не возьмут), а ну, просто нравится. Вообще.

Вот опять же сам Ян, слава Космосу, довольно высоко фотография висит, не каждый заметит (но уж кто заметит, тот точно прокричит: ой, это же ты! а зачем это у тебя стул в руках?!).

Вот Лиля и Шамиль — женились прямо тут, в кафе. Ян тогда еще не работал, а если бы работал, то обязательно намекнул бы, что жениться — это очень дурацкая затея. Но Лилька такая милая на этих фото, а Шамиль такой смешной, что, может, и промолчал бы.

Вот групповое фото на фоне кафе. На переднем плане Руслана, за ней — целая толпа мужчин и женщин, половина в оранжевой форме пожарных, остальные как попало. Это страшная история была, говорят, купол рванул, прямо над кафе, чуть не сгорело все в черную дыру. Спасли, все, кто был рядом, спасали. Один там — Руслана рассказывала — даже вафлю из зубов не успел вынуть, так с ней до конца пожара и бегал, пока не размякла совсем и сама не выпала.

Вот известный актер, застрял в порту на трое суток из-за конфликта на Дальнем Выходе. Руслана к благотворительности не склонна, кафе маленькое, выживать надо, но тогда поила кофе всех и бесплатно. И актера тоже поила, и всех его помощников. Тот, когда домой добрался, ей открытку прислал с автографом.

Яну актер не нравится. Хотя вообще он всех клиентов любит. Даже незнакомых.

Ночью таких, правда, почти не бывает. Редко-редко забредут случайные туристы — пестрые, шумные и бестолковые, они чаще всего болтаются в порту, где можно помыться, поспать, провести время в кабаре и выпить целый десяток видов кофе, а не один. Почти никто не выбирается наружу, вроде как нечего тут смотреть — таких перевалочных астероидов хоть ложкой ешь.

Ладно, в кафе и без них всегда есть клиенты. Даже в ночную смену. Приходят сонные уборщики из торгового центра, сгружают роботов в углу возле входа и просят вафли послаще. Прибегают разноцветные девчонки и парни из кабаре, им только кофе, им еще работать. Заходят стюарды и пилоты последних рейсов, у них всегда самые интересные новости.

Через ночь приходит Странный Мужик. Это Ян его так про себя называет. Мужик молчит, обязательно тыкает пальцем в меню, хотя всегда заказывает одну и ту же вафлю с огурцами, сидит ровно пятнадцать минут и уходит, так к вафле и не притронувшись.

Пару раз в неделю прибегает смешливая продавщица сувениров Нана. Хохочет, целует Яна в щеку, требует от него Самый Сладкий Кофе

На Свете, вливает в чашку принесенную с собой крохотную бутылочку виски, выпивает залпом и уносится в сторону последнего шаттла. Ян каждый раз хочет спросить, где она живет. И не против ли она будет, если он... если они как-нибудь... Ну, типа... Но каждый раз не успевает и потом полночи огорченно обещает себе, что в следующий раз — обязательно.

Заходят три суровые тетки. Вафля с рыбой, вафля с маслом, вафля с медом, три кофе с молоком, Лиля туманно намекала, что промышляют контрабандой. Ян теток уважительно побаивается и слегка выдыхает, когда они уходят, хотя сидят они тихо и чаевые дают отличные.

Ближе к утру приходит уставший патруль, сутки через двое — разные. Только блестящие значки и красные глаза у всех с одного склада. Иногда ворчат, тогда дополнительная вафля за счет заведения. Руслана в курсе, патруль не злоупотребляет.

За полтора часа до конца работы становится совсем тихо — астероид спит, а если кто и не спит, так это или в порту кто-то нервничает, или патруль разберется. Можно даже подремать немного. Иногда Ян так и делает, но чаще все-таки что-нибудь чистит. В кафе всегда есть, что почистить, — стойку протереть, кофемашину промыть, дальние углы подмести — робот, конечно, нормально справляется, хоть и устарел немного, но живым глазом всяко ненужную пыль лучше видно.

Если Лиля с Шамилем опаздывают, Ян не сердится. Потому что тогда он успевает увидеть Заполошную. Ян не знает и не хочет знать, кто она такая, и даже специально не ждет, но однажды она случайно стала его хорошей приметой и он ей рад. Заполошная врывается в кафе и встревоженным голосом спрашивает: кофе нальете? Каждый раз — как в первый. И Ян каждый раз не удерживается, чтобы спросить: тебе с молоком или с сиропом?

Хотя отлично знает, что и с тем, и с другим. И обязательно выдать чек. Заполошная всегда берет чек, читает его и, перед тем как так же стремительно сбежать, кричит: спасибо, кассир Васильев! Что бы я без тебя делала!

Ленка

— Мама! Что?! — Услышавшая еще из-за порога плач матери Лариса влетает в комнату, опрокинув по дороге тумбочку и подставку для зонтиков.

Мать отвечает нервным всхлипом и жужжанием телефонного диска. У окна сидит Антон и мрачно грызет ногти. Все понятно, вопросы излишни.

— Опять, — утвердительно стекает на забытую посреди комнаты табуретку Лариса.

— Опять, — оборачиваясь, кивает Антон.

Белым пальцем мама снова и снова пытается попасть в нужную дырочку, щурясь от слез и настольной лампы, которую никто не догадывается отвернуть от нее.

— Чертова девчонка, — зло шепчет Лариса.

— Не смей! — вскрикивает мать, вывернув наконец очередную нужную цифру.

— Что — не смей?! — взрывается Лариса. — Ты на себя посмотри! Сколько можно?!

— Ларка! — предостерегающе шепчет Антон, делая страшные глаза.

— Что — Ларка? Эта мерзавка будет бегать, а мать будет изводиться каждый раз? — Антон не отвечает, и Лариса снова обращается к матери: — Всё, мама, хватит. Давай думать, куда ее пристроить. Есть множество интернатов для таких, как она. Ей там будет хорошо.

Лариса как будто забыла, что подобные разговоры ничем не заканчиваются уже много лет. Мать тут же ей об этом напоминает.

— Только через мой труп, — холодным, словно и не она только что всхлипывала и тряслась, голосом говорит мать.

— Очень хорошо, — шипит Лариса. — Я так понимаю, недолго ждать осталось.

— Ларка! — Антон заходится кашлем. Такого сестра еще себе не позволяла.

Тяжелым взглядом заставив младшего брата замолчать, Лариса поднимается с табуретки и, резко впечатываясь в пол, уходит к себе в комнату. Через минуту оттуда доносится:

— Ради этой дебильной аутички ты не только себя, ты нас на тот свет сведешь! Еще мать называется! Дрянь ты, а не мать.

— Ларка... — шепчет Антон. Ему жалко всех: маму, обеих сестер — здоровую и больную — и самого себя. Он не любит скандалы, ему хочется, чтобы все было спокойно, чтобы Ларка утомилась, Ленка нашлась, а мать перестала плакать.

— Двух нормальных детей на одну сумасшедшую променяла! — продолжает бушевать Лариса. — Леночка то, Леночка се, а Леночка плевать на тебя хотела!

Лариса вдруг вылетает из комнаты, нависает над матерью и кричит ей в склоненную голову, в подрагивающие пальцы, в сжатые губы:

— Ты понимаешь, что твоя Леночка всем нам... всем троим жизнь поломала? Антон, здоровый парень, сиделкой работает, ты ж ему всю плешь проела: следи за ней да следи за ней. Сама изводишься без конца А я?.. — Лариса вдруг всхлипывает. — А обо мне ты подумала? От меня все мужики бегут, думают, что раз у меня сеструха такая...

Она дергает ладонью в сантиметре от материнского плеча, резко останавливает ее и убегает к себе, громко хлопнув дверью. Антон испуганно смотрит на мать, ожидая какой угодно реакции. Но в этот момент телефонная трубка начинает шелестеть голосами, и мать начинает вслушиваться и отвечать, совершенно забыв про старших детей и их проблемы.

— Я замерзла, — говорит Лу. — Я замерзла, пошли домой.

— погоди, — мычит Ленка сквозь зажатый в зубах карандаш. В руках у нее кисточка, которой она старательно проводит по зеленому листу клена оранжевую полоску.

— Мне хооолодно, — ноет Лу, пытаясь подсунуть все четыре лапы и куцый хвостик под пузо.

— Щас. — Ленка доводит полоску до конца, выплевывает карандаш в ладонь и спрыгивает с забора. Садится на корточки перед Лу.

— Неужели правда замерзла? — подмигивает Ленка, затем кидает кисти и краски на траву, снимает с себя рубашку и обматывает дрожащую собаку в несколько слоев.

— Теплее?

— Угу.

Лу выглядит ужасно смешно: с одной стороны из рубашки торчит нос, с другой — хвост, снизу — самые кончики лап. Ленка начинает хихикать, сначала тихо, потом — не в силах сдерживаться — все громче и

громче, а затем и вовсе валится навзничь, хохоча во весь голос, задирая ноги и хлопая ладонью о землю. Обидчивая Лу в ответ вцепляется зубами в Ленкину штанину и рычит, мотая головой из стороны в сторону.

— Лу, Лу, прекращай, — смеется Ленка, чувствуя, что джинсовая ткань сейчас треснет. — Это Антоновы штаны, жалко же!

Лу прекращать не желает, поэтому Ленке приходится применять силовые методы — подхватывать клетчатый сверток на руки и легонько его трясти, чтобы успокоить разыгравшееся содержимое.

— Лушка-подружка, не злись. — Собакиному носу достается смачный поцелуй. — Я не над тобой смеюсь.

— Ну да, — сварливо замечает Лу. — Интересно, над кем тогда.

— Ну... — Ленка задумывается. — Хорошо, над тобой. Но не обидно. Ты бы правда, ну, видела себя со стороны. Такая булочка с сосиской. Хи...

Дохихикнуть она не успевает — Лу делает зверское выражение лица и пытается цапнуть Ленку за нос.

— Ай, Лушка, — отдергивается Ленка. — Злюка и вредина, вот ты кто.

Она отпускает Лу, вскакивает и начинает собирать карандаши, кисточки и банки с краской. Через пятнадцать секунд ей надоедает это занятие, и она вспоминает, что еще не оценила получившийся результат. Кисточки снова разлетаются в разные стороны, а Ленка отбегает на несколько метров от клена и, склонив голову к левому плечу, критически разглядывает оранжево-красное дерево. Через минуту к ней присоединилась успокоившаяся Лу.

— А ничего получилось, да? — довольным голосом спрашивает Ленка.

— Ничего, — соглашается Лу. — Только все же, по-моему, рановато. Сентябрь толком начаться не успел, а ты уже все деревья покрасила.

— Нормально, — отмахивается Ленка. — Мне до чертиков надоело лето и все зеленое. Пусть в этом году будет ранняя-ранняя осень.

— Пусть будет, — покладисто отзывается Лу. — Обратно все равно уже не перекрасишь.

Ленка хватает Лу на руки и снова громко чмокает ее в нос.

— Вот за что я тебя люблю, Лушка, так это за то, что ты ужасно умная. Конечно не перекрасишь.

Собака возвращается на землю, а Ленка начинает танцевать. У нее выходит нечто среднее между вальсом и гопаком.

— Завтра все проснутся, а в городе — осень! — вопит она, не думая о том, что если издавать такие звуки, то «все» проснутся уже сегодня. — Осень-осень-осень! До обеда будет идти дождь, а после обеда — пусть светит солнце. Это будет ужасно красиво

— Угу, а может, не надо каждый день-то дождей? — бурчит Лу.

— Может, и не надо, — с легкостью соглашается Ленка, продолжая кружиться и подпрыгивать. — Зато обязательно надо, чтобы ночью — звездное небо! И листопад! И дворники чтобы потом эти листья жгли! И был запах такооой!..

Она втягивает носом будущий запах.

— Будет пахнуть дымом! медом! и сыростью! — Ленка резко останавливается, думает с полсекунды и опять кричит: — Сыростью, Лу!!! Без дождей никак нельзя. Понимаешь, Лу? Никак! нельзя! без! дождей!

Ленка так увлеклась танцем об осени, что совершенно ничего не видит и не слышит вокруг себя. А внимательная и осторожная Лу вдруг вспомнила, что там, куда упрыгивает любимая Ленка, — яма. Черт знает кем и когда выкопанная и очень глубокая.

— Ленк, — зовет она. — Ленка! Остановись!

Куда там! Машет руками Ленка, танцует, вопит восторженно.

— Ленка!! — Лу ковыляет за подружкой, но ее короткие лапки не успевают за длинными Ленкиными ногами. — Лееееен!

— Они будут мокрые! И небо будет серое! И все будут грустить! А потом радоваться, потому что после обеда — солнце!! — Ленка уже доскакала до ямы и, остановившись на самом краю, разводит руки в разные стороны: — Вот такое солнце, Лушкааа!

— Осторо!.. — кричит Лу, понимая, что уже, кажется, поздно. И точно: в последний раз взмахнув ладошками, Ленка обрушивается под землю. — ...жней... — вякает Лу и обмирает. Потом несется к яме и начинает отчаянно вслушиваться и вглядываться. Темно и тихо. Тихо и темно. Проходит минута, две или целый час — у собак нет чувства времени, — после чего она задирает мордочку вверх и начинает горестно подвывать.

Еще через час, или два, или вовсе неделю Лу умолкает, потому что у нее перехватило горло. А из ямы — из ямы! — вдруг доносится томный Ленкин голос:

— Луууу...

Лу радостно взвизгивает и начинает метаться по краю ямы, ссылая вниз камешки.

— Ленка! Ленкаленкаленка! Как ты? Как ты? Как-тыкактыкакты?

— Скажи мне, Лу... — Ленка лежит на спине и шепеляво отплевывается. — Почему я не вижу Скорпиона? Куда он делся?

— Какого скорпиона? — возмущенно тьякает Лу. — Ты цела?

— Моего любимого. — На очевидные вопросы Ленка отвечать не любит. — Почему я его не вижу?

— Потому что его отсюда не видно. — Поняв, о чем речь, Лу бросает быстрый взгляд на небо. — Он в другом полушарии.

— Правда? — из-под земли слышится неподдельное удивление. — Я же его вроде сюда вешала, нет?

— Так это когда было? — говорит Лу. — Уже давно перевесила.

— Хм. — Ленка энергично выплевывает очередной камешек. — Жалость какая. Завтра надо будет обратно вернуть. Я по нему соскучилась.

— Завтра ты ничего никуда не вернешь. И послезавтра тоже. Тебя теперь недели полторы караулить будут.

— Да, точно, — Ленка немного сникает. — Ну, значит, потом как-нибудь.

— Потом как-нибудь... — Лу все еще ворчит, но уже больше для порядка. — Ты лучше скажи, ты там до самого утра сидеть будешь или уже наружу полезешь?

— Полезу, — откликается Ленка.

Следующие десять минут из ямы слышится пыхтение, сопение, шебуршение и топотанье.

— Луууу... — На одиннадцатой минуте Ленка бросает прыгать и удрученно вздыхает: — Знаешь, Лу, а я не могуууу.

— Понятно. — Лу тоже вздыхает. — Иду за подмогой.

— Ага, — хихикает Ленка. — Я буду ждать тебя на этом самом месте. Честное слово, никуда не уйду.

Лу фыркает, разворачивается в сторону дома и начинает довольно резво перебирать лапками. По предварительным подсчетам, думает Лу, я доберусь минут через сорок.

По предварительным подсчетам, думает Ленка, Лу доберется часа через полтора. Она снова ложится на спину и начинает мысленно подыскивать место Скорпиону. Интересно, думает Ленка, если я подсуну его ко Льву, они снова поругаются или в этот раз обойдется?

Служба радости

Познакомимся мы в конце марта. В городе еще будет лежать снег, но уже однозначно станет ясно — весна. Я буду бродить по улицам, спуская остатки гонорара. Сначала куплю горсть стеклянных шариков на случайном лотке, потом зайду к тебе в магазин. Долго буду водить носом по полкам, а после, груженная целой стопкой старых книг, отправлюсь в любимое кафе. Денег у меня останется ровно на два чайника самого дешевого чая и доехать домой — самое удовольствие.

Буду сидеть, лениво листать полуразвалившиеся «Записки о Шерлоке Холмсе», любоваться новеньким (всего несколько дней как работает) официантом, совсем юным мальчиком с удивительными карими глазами. Как раз когда он принесет второй чайник, на колени мне выпадет маленький красный лист бумаги с загнутым уголком. «Служба радости» будет написано на нем. И еще адрес внизу. Твоего магазина. Который, между прочим, называется совсем не так.

Я страшно любопытная. Поэтому допив одним глотком чай, убегу интересоваться, что это за служба радости такая. Ты сначала нахмуришься моим вопросам и станешь все отрицать. А потом, когда я не отстану, свирепо поинтересуешься, откуда я взяла эту самую службу и чего вообще от тебя хочу. Тут я пойму, что книжку вместе с листочком оставила на столике в кафе.

Когда я придумаю вторую дюжину достойных самоназваний за свою глупость, явится кареглазый. С книжкой. С листочком. И с вопросами. Оказывать сопротивление нам обоим будет уже решительно бесполезно. И ты сдашься. Впрочем, с удовольствием, я уверена. Ты просто любишь, когда тебя упрашивают.

...все ужасно просто: главное дело «Службы радости» доставлять радость тем, кто в ней служит. То есть, тебе. И нам. До нашего знакомства ты вовсе не собирался заводить компаньонов, и триста раз повторишь, что понятия не имеешь, как одна-единственная визитка (сделанная тоже исключительно для собственного удовольствия) попадет в книгу. Мы решим, что это судьба. Элементарно, Ватсон.

В уже по-настоящему весеннем апреле будем ходить по улицам, опустив носы, и внимательно смотреть себе под ноги. Жители нашего

города — удивительные растяпы, они теряют такое невероятное количество вещей, что даже ты удивишься. Буквально за пару дней мы найдем несколько книг, три сережки, четыре простых колечка и одно обручальное, девять кошельков, пять школьных дневников, коробку с дискетами, альбом с фотографиями, медный подсвечник и двух собак — пуделя и крохотную дворняжку в красном ошейнике. Это не говоря о запредельном совершенно количестве перчаток, бусин и монет всех сортов и видов.

Хозяев окажется искать значительно сложнее, но мы справимся с этим. Не посраим светлое имя Шерлока Холмса. Только перчатки, бусины и монеты останутся в нашем безраздельном владении. Первыми мы обвесим дерево перед входом в магазин, из вторых я сделаю жуткие бусы и буду носить их не снимая, а третьи мы спустим в игровых автоматах.

...кареглазого будут звать Павлом, Пашей, но мы как-то не сговариваясь окрестим его Паблито, и он охотно станет отзываться.

Твоего полного имени мы никогда не узнаем. Ты представишься Алексом, а что написано у тебя в паспорте — Александр или Алексей, нам будет, мягко говоря, до фонаря.

Меня вы двое будете звать как угодно, но только не по имени.

В дождливом мае мы с Паблито везде и всюду будем таскать с собой рюкзаки, набитые зонтиками. Разумеется, вовсе не для того, чтобы потренироваться в ношении тяжестей. Ты же, не имея возможности отлучиться из магазина, будешь предлагать зонты покупателям. Беспечные девушки, забывчивые старушки и бестолковые отцы семейств — вот наш основной контингент. Некоторые, правда, будут отказываться от защиты по принципиальным соображениям. Таким полагается приз — леденец, или маргаритка, или ванильная сигарилла, или еще что-нибудь, что окажется в кармане. Потому что ни ты, ни я, ни Паблито терпеть не можем зонты как класс.

...что касается тебя, то тут все понятно — у тебя есть магазин. Паблито работает в кафе. Я как обычно перебиваюсь случайными переводами и пишу дурацкие статьи буквально на коленке. Еще у нас где-то есть родственники, друзья, прочие знакомцы, требующие нашего внимания. Все это нам никоим образом не мешает. Изредка я, правда, буду удивляться: а как это мы все успеваем-то? Ну, успеваем. Молодцы,

чего тут скажешь.

В суматошном развеселом июне по вечерам будем выносить на маленькую площадь магнитофон и танцевать. Танго, кадрили, вальсы, джиги и гопак. И эту, как ее, сегидилью, вот. И канкан. И рок-н-ролл тоже. Приглашаются все. Кто не с нами, тот пусть хоть подпевает, что ли.

Каждый вечер. Весь июнь. К концу месяца приходить танцевать с нами будет половина города, не меньше.

...вообще же я буду строить из себя скорую помощь. Раздобуду большую сумку и затолкаю туда все, что может пригодиться когда угодно, где угодно и кому угодно: аспирин, ножницы, лейкопластырь, нитки с иглой, пластиковые стаканчики, несколько пачек сигарет, отвертку, презервативы, орфографический словарь, дюжины две ручек и карандашей, игрушки, фонарик, набор отмычек, щетку для обуви... дальше продолжать? Я очень практичная, что да, то да.

В жарком, липком июле ты где-то, бог уж знает где, раздобудешь ее. Красивую, разноцветную, с колесиками и специальной штуковиной сбоку, на которую по идее должен крепиться большой полосатый зонт от солнца. Зонта у нас не будет, и мы повесим туда большущий колокольчик, чтобы нас было слышно издалека. Замечательная тележка для мороженого у нас будет. И содержимое у нее тоже будет — замечательное.

— Самое вкусное мороженое! Самое холодное мороженое! Самое сладкое мороженое! — будем орать мы с Паблито, по очереди толкая тележку. Поверят в нашу бескорыстность только дети, старушки и бродячие собаки. Им-то все и достанется. А остальные сами виноваты, вот что я думаю.

...в качестве бонуса к заказу Паблито будет рассказывать клиентам кафе анекдоты и маленькие истории из жизни. Из их собственных жизней в том числе. Каждому свою. Он это очень здорово умеет делать. Паблито вообще большая умница, а то.

В томном и разморенном августе возьмем отпуск, хорошо? Для работы в магазине ты наймешь чудную женщину с чудным для нашего города именем Кларисса, а сам уведешь нас в дивное местечко, где можно целыми днями валяться на траве. Мы с тобой будем играть в

нарды (нам везет одинаково), шахматы (ты почти профессионал, зато я отчаянно жульничаю), поддавки (это я умею лучше!) и «чапаевцев» (твои пальцы сильнее моих). Паблито играть не будет, он на весь месяц поселится на Бейкер-стрит. Иногда будет вслух зачитывать самые интересные места — специально для нас.

...каждый, купивший книгу в твоём магазине, рискует найти между страниц признание в любви (а визитку ты сожжешь еще в марте, ворчливо сказав, что тебе и нас двоих хватает выше крыши). Признания будут анонимными, но точно бьющими в цель. Ты не ошибешься в поле и имени ни разу, но своего секрета не расскажешь даже нам. Жаль, конечно.

В желто-красном сентябре ты приобщишь нас к высокому искусству шарить по чужим карманам. Только мы не воровать будем, а подкладывать. Старинные монетки, леденцы в ярких фантиках, крохотные игрушки из шоколадных яиц, мандарины. Наблюдать за тем, как люди вытаскивают из карманов то, чего там никогда не лежало, очень забавно. Они оглядываются в поисках... чего? Хотела бы я знать. Они качают головами, они хмурятся, они смущаются. А потом начинают улыбаться. Все как один. Честное слово!

...мы друг друга будем любить. Иначе никак. Но однажды вас с Паблито укусит какая-то муха, и вы заставите меня выбирать.

— Хорошо, — скажу я и потребую выдать мне игральные кости. За тебя будет большой кубик из темного дерева, для Паблито найдем поменьше, пластмассовый.

Целых полчаса, не меньше, будем искать, куда они упали. Пластмассовый обнаружится в пепельнице. Он очень удачно встанет на ребро между двумя окурками. Деревянный не найдется никогда, и тебе потом придется вырезать новый.

Прохохотавшись до слез, мы закроем эту тему навсегда. И то сказать, что за глупости. Можно подумать.

В пасмурном октябре снова пойдем по стопам Шерлока Холмса. Совершенно случайно. На чердаке дома, в котором располагается твой магазин, найдется огромная коробка с куклами. Маленькими, большими, самодельными и фабричными, из тряпок, глины, фарфора... Все старые. Старинные. Кларисса предложит раздать их детям на улице.

Или в музей отнести. И лучше бы нам послушаться ее, конечно. Потому что проведя поиски, мы узнаем, что их хозяйка долго и тяжело болела. И пока она лежала в больнице, ее дети продали дом и переехали в другой город, туда же забрали и ее. А всех кукол оставили здесь, считая коллекцию блажью и бессмыслицей. Она не пережила этого.

Это будет единственное дело «Службы радости», которое никому радости не доставит. Мы не будем о нем вспоминать.

— Жулики вы, — скажет однажды Кларисса. — Самые настоящие жулики. Торгуете фальшивыми елочными игрушками.

Мы с Паблито захохочем, а ты возденешь указательный палец и строго скажешь, что игрушки, конечно, фальшивые, кто бы сомневался, зато удовольствие от них самое что ни на есть настоящее.

В унылом ноябре мы весь месяц будем рисовать смешные картинки (и какая разница, что не умеем?), а затем развесим их по всем столбам, тумбам, подъездным дверям и прочим вертикальным плоскостям, до которых дотянемся. Ни разу не повторимся. Изведем пятнадцать коробок карандашей, несколько больших упаковок бумаги и восемь тюбиков клея. Каждое утро будем удивленно обнаруживать, что половина картинок — исчезла. Куда? Зачем? Мы так и не узнаем ответа.

На самом деле, Кларисса, конечно, права. Мы — самые настоящие жулики. Потому что нам, в сущности, безразлично, получит ли удовольствие человек, нашедший любовное послание в старой книге, пришивший себе пуговицу с помощью моих нитки с иглой или станцевавший с нами джигу на площади. Главное, чтобы нам было весело. В этом-то вся и соль. Правильно говорю? Еще бы.

В запыленном декабре станем торговать временем, которого перед Новым годом не хватает решительно всем. Будем гулять с чужими собаками, пока хозяева разбираются с дедлайнами, сидеть с чужими детьми, пока матери ходят по магазинам... что-то такое, в общем. Измотаемся ужасно. Зато это будет первый раз, когда мы начнем брать оплату за свои услуги. К 31-му числу у нас накопится такое огромное количество всевозможных символов года, что можно будет открывать еще один магазин. Нет уж. Все себе оставим.

Новогоднюю ночь мы проспим. Свалимся на огромный диван в

твоей квартире и будем дрыхнуть. Утром нас разбудит добрая Кларисса, специально ради этого бросившая своих многочисленных родственников. Кларисса варит потрясающий кофе и печет ужасно вкусное печенье. Что еще нужно для счастья? Если только камин растопить. Вот, да.

В полусонном и праздничном январе станем писать роман, который определенно осчастливит все человечество. Ругаться будем по любому поводу — начиная от того, какие имена дать главным героям, и заканчивая тем, сколько авторских листов мы имеем в виду в конечном итоге. Особенно удачно поссоримся из-за названия. Целых два дня мы с Паблито будем стороной обходить твой магазин. И друг друга тоже. Потом, конечно, помиримся.

К тому моменту, когда останется дописать совсем чуть-чуть, нам страшно все надоеет и мы бросим это сомнительное мероприятие. Рукопись отдадим Клариссе. Она будет время от времени перечитывать роман, сокрушаясь, что так и не узнает, чем же все закончилось.

Кларисса вообще, кстати, прекрасна, как я не знаю что. Добрая, заботливая, доверчивая, уютная, понятливая. Такая мама для всех, даром, что своих детей нет. Говорю же, чудная. Ага, и чудная.

В депрессивном феврале именно ей придет в голову идея превратить самый отвратительный месяц года — в праздник. Все двадцать восемь дней, каждое-каждое утро мы будем выходить в час пик на остановки, зажигать бенгальские огни и раздавать их замерзшим, сонным и противным людям. Это должно быть безумно красиво, я полагаю.

К концу зимы нас точно будет знать весь город. Не могу сказать, чтобы мы этого добивались и прямо-таки хотели, но все же приятно, когда тебе улыбаются прохожие. Ужасно приятно, черт побери.

А весной «Служба радости» прекратит свое существование. Это произойдет само собой. Ты женишься на Клариссе, и оставив на нее магазин, займешься политикой.

Паблито вдруг воспыхает страстью к наукам и уедет учиться в Лондон. Или в Берлин, или в Амстердам, или еще куда-нибудь.

Я же... я же, пожалуй, влюблюсь. Почти взаимно, абсолютно

счастливого и ужасно мучительно. Похудею и обзаведусь трогательными кругами под глазами. Чудо как хороша стану.

Или свистну у Клариссы нашу рукопись и допишу ее. Все-таки человечество жалко — чего ж его такого счастья лишать-то?

Или еще что-нибудь придумаю. Я придумаю.

Потом.

Следующей весной.

Пока же...

Мне уже выплатили гонорар. Примерно через пару недель от него останется денег только на горсть стеклянных шариков, несколько старых книг, два чайника самого дешевого чая и доехать домой.

За несколько дней до этого в моем любимом кафе появится новенький официант — совсем молоденький мальчик с удивительными карими глазами.

Завтра же тебе принесут две коробки старых книг. Среди прочих там найдутся полуразвалившиеся «Записки о Шерлоке Холмсе», и ты ужасно захочешь их перечитать, прежде чем выставлять книгу на продажу.

Главное, не забудь вместо закладки сунуть между страниц свою единственную визитку «Службы радости».

Пожалуйста, не забудь.

Тогда все получится.

Все сойдется.

И будет здорово.

2006 г.

Секунда на размышление

ты говоришь, да, ты говоришь, конечно,
ты говоришь, я согласна, ты говоришь, давай,
ты говоришь, ва-банк, ты говоришь, вперед,
ты говоришь, -** *- , ты говоришь, 0e2e1d0e2e19,
ты говоришь, 11010000 10110100 11010000 10110000, ты говоришь,
QRV,
ты говоришь, я готова я готова я готова да да да

Дело в том, что никакие наши сведения о том,
что произошло после Большого Взрыва,
не могут дать нам никакой информации о том,
что происходило до этого

Что же можно успеть за секунду? За тот крохотный,
микроскопический, такой неважный отрезочек времени, когда твои
часы делают «тик» или «так».

Вот, скажем, год. За год можно успеть прочитать сотню книг и
написать свою, выучить школьную физику, зачать и родить ребенка,
объехать весь мир, найти новую вакцину, изобрести новую азбуку,
открыть новую галактику, закрыть старые долги, построить дом,
построить город, основать государство, захватить государство,
уничтожить государство, убить несколько десятков или несколько сотен
или несколько тысяч человек, очароваться и разочароваться, очень
сильно измениться, спасти человечество, придумать теорию, которая
объяснила бы все.

Год — это очень много времени, если подумать. Реши ты прожить
его на Юпитере, успела бы еще больше — юпитерианский год длиннее
нашего почти в 12 раз. 12 детей, 12 вакцин, 12 государств, 12 теорий.
Обязательно попробуй при случае.

Правда, секунда, полагаю, там все же примерно такая же. Что тут
успеешь?

Один добрый человек по имени Карл придумал сжать до года —

нашего обычного земного года — всю жизнь Вселенной: от Большого Взрыва до той самой секунды, когда ты об этом узнала. Это было очень мило с его стороны, особенно для тех, кому не хватило времени на школьную физику. Секунда Карла вместила в себя пятьсот лет наших секунд. Вот это я понимаю, есть, где развернуться. Между прочим, скоро новый год.

Раз-два-три. Три цифры вполне можно произнести за одну секунду. Что еще?

За одну секунду ты можешь ответить да. Или нет. Или — подумаю. Согласиться. Отвергнуть. Сделать первый шаг. Сделать последний шаг. Передвинуть фигуру на доске. Прибавить газу. Сбросить карты. Пойти ва-банк. Испытать оргазм. Щелкнуть кнопкой. Нажать на спусковой крючок. Запаниковать. Испытать облегчение. Словом, есть тысяча способов провести эту секунду с пользой.

Но принять решение? Поразмислить? Оценить риски и выгоды? Звучит довольно сомнительно.

Каждую секунду в мире рождается шесть новых человек. Умирают двое. Значит ли это, что рождение занимает секунду? А смерть?

Улитка может проползти за секунду целый сантиметр. О чем она думает в это время? «Ой, я опоздала на совещание»? Надеюсь, что нет. Уж лучше представить, как она изобретает теорию, объясняющую все. По неподтвержденным данным (которые я придумываю на ходу, вот буквально в эту секунду), у улиток время течет совсем не так, как у нас. За ту секунду, пока мы смотрим, как она преодолевает сантиметр, в ее маленьком мире было построено новое государство. Вот этой самой единственной ее ногой и было построено.

Нам нужна секунда, чтобы представить Улитколэнд. И еще одна, чтобы понять, что это полная чушь, так как она, разумеется, не успела его построить. Не настолько уж разное у нас с ними время.

А вот пока наша улитка опаздывала на совещание, изобретая теорию всего и мечтая о собственном государстве, Вселенная успела гораздо больше. Ничего, что она сделала это несколько раньше, секунда с тех пор если и изменилась, то незначительно. Во всяком случае мне нравится так думать.

За первую секунду своего существования (по крайней мере того существования, о котором мы хоть что-то знаем) Вселенная

взорвалась

родилась

навела хаоса

создала пространство и время
нарушила симметрию
восстановила симметрию
что-то объединила
что-то разрушила
завела себе некоторое количество разнообразных частиц
разобралась с энергией, материей и антиматерией
слегка остыла
немного согрелась
повторила
снова начала остывать и
расширяться, чем и занимается до сих пор.

Словом, неплохо повеселилась. Выходные в Улитколэнде и рядом не стояли. И всего-то за одну секунду!

Некоторые, правда, считают, что это было довольно рискованно с ее стороны. Роберт Хоган из Королевского колледжа в Лондоне как-то пытался уверить нас, что с таким беспечным подходом к собственному созданию Вселенная не должна была продержаться дольше секунды. Ох уж эти британские ученые! Хорошо, что в то время Вселенной не было никакого дела ни до Роберта Хогана, ни до его ценного мнения.

Секунда. Такая маленькая и такая скоротечная, что мы постоянно ей пренебрегаем, то сокращаем, то растягиваем, то просто не принимаем во внимание. Одна секунда туда, другая обратно, да кто заметит вообще? Но за одну секунду ты все-таки можешь сделать тысячу вещей. Изменить тысячу вещей. Посмотри на улитку. Посмотри на Вселенную.

А вот когда ты решишься на любую из этой тысячи вещей, тогда будет совершенно неважно, что именно происходило до этой секунды и сколько времени на размышления было потрачено. Впереди у тебя будут миллиарды лет, полные миллиардов миллиардов секунд, чтобы сделать все, что только захочешь, все, что только придет в твою голову, все, абсолютно все, абсолютно. И, конечно же, у тебя будет достаточно времени, чтобы поразмыслить над тем, правильное ли решение ты приняла в ту конкретную и уже очень-очень далекую секунду.

Подумай об этом.

У тебя — ровно секунда.

Раз

Два

Три

bang!

Я так горжусь тобой, дорогая.

2020 г.

Ходят

— Ходят тут, и ходят, и ходят. Чего ходят? Зачем ходят? Окаянные, ходят они. Судят они.

Руки у бабки сухие, жилистые, а живот большой. И грудь на этом животе лежала тоже огромная, тугая и даже не колыхалась, когда бабка напирала на лопату и всаживала ее во влажную тяжелую землю — хэкала, набирала и отбрасывала комья. Матвей бы так не смог, он слабый.

— И ходят, и ходят. Чего ходят? — бабка ворчала не зло, больше по привычке. Матвей висел на заборе, следил, как лопата вгрызается в землю бабкиными стараниями, и просто ждал: когда бабка закончит, она пойдет готовить обед и накормит его. Самого его к готовке бабка не подпускала, он суерукий.

Земля летела с лопаты, получался холмик, а под лопатой — яма. Матвей смотрел молча, с тихим интересом. Бабка ворчала, холмик рос. Большой черный мешок, обвязанный веревкой, вяло шевелился и мычал. Из небольшой прорехи торчало перо — белое, длинное. Наверное, мягкое.

— Ходят, и ходят, и ходят, — бабка воткнула лопату в холмик и устало сплюнула. Матвей сплюнул тоже. Украдкой — на удачу. Ему бабка плевать не разрешала.

Мешок заколыхался, замычал громче. Бабка сплюнула еще раз, потом достала из кармана самокрутку, долго разминала ее, долго шуршала спичечным коробком. Матвей смотрел, как трясутся ее пальцы, но помощь не предлагал. Куда ему — к спичкам.

Закурив, бабка легонько пнула мешок: молчи уж, ходит он тут, мычит. Матвей тоже хотел бы пнуть, он на секунду представил, как это приятно, когда нога входит в мягкое. Но о таком даже заикнуться невозможно, бабка быстро расскажет, какой еще он после этого. Хорошо, если в подвал не посадит, чтобы подумал.

Да и не сможет он. Слабый и суерукий. И еще какой-нибудь.

Матвей оглядел поле, сосчитал, сколько раз бабка рыла ямы. Много, штук шесть или восемь. Это если не считать самой большой ямы на дальнем краю, куда сбрасывала тех, кто попроще, кто и до забора-то добраться не сумел. Там уж без мешков даже. Интересно, у тех тоже перья? Или так? Матвей не видел, бабка туда соваться строго-настрого

запрещала.

Бабка бросила окурок в яму и потянулась к мешку. Жалко, что перья не разрешает брать, все собирает потом и жжет тщательно. А Матвею быгодились. Смастерил бы что-нибудь, а то скучно.

— Ох, грехи наши тяжкие, — обеими руками бабка схватила извивающийся и мычащий мешок за угол и с трудом подтащила его к яме. Остановилась, отдышалась и сбросила мешок вниз двумя тяжелыми пинками (Матвей еще раз сладко представил). Затем снова взялась за лопату.

Когда яма перестала быть ямой и стала просто участком слегка взрыхленной земли, а бабка потянулась в карман за новой самокруткой, Матвей рискнул.

— Б-баб, а эт-то к-кто? Опять, д-да? — глупые вопросы, сейчас бабка как ответит! Но как удержаться?

— Да а кто ж, балбес ты этакий! Опять, ясное дело! Ходят они, судят они! — бабка тяжело дышала, выпуская дым. Матвей сначала обрадовался, что не ругается, а потом быстро испугался: чего так, вдруг помирает? Старая ж уже совсем, трудно ей с лопатой, а эти все ходят и ходят. Бабка иногда говорила: вот помру, Матвеюшка, один совсем останешься. Матвей не хотел оставаться один. Он и так один, кроме бабки и нет никого. Как Судный день прошел, так и нет больше. Кто его защитит от вечных мук? Он же слабый.

— Б-баб, ты в-в п-порядке?

— В порядке, Матвеюшка, в порядке, — бабка закашлялась, отхаркнула. Махнула рукой. — Сейчас докурю, обед пойдем спроворим. Чего хочешь?

Матвей пожал плечами: как будто выбор большой. Мука с лебедой, да лебеда с мукой. Если только вдруг мышь не попалась. Вчера не попалась. И позавчера тоже. А вдруг сегодня? Встрепенувшись и тотчас же забыв про перья, Матвей криво, но резво спрыгнул с забора и заковылял к дому — проверить мышеловки. Бабка только охнула вслед: куда сигать?! Ноги переломаешь! Матвей даже не оглянулся. Суерукий суеруким, а мыши в его ловушки нет-нет, да и попадают.

Жалко, бабка ангелов есть не хочет. Надрывается, закапывает, а есть не хочет. Не по-христиански, говорит. А что они за ними все ходят и ходят — по-христиански, что ли? Если Судный день прошел, так все, что ли? И не живи никто? Жалко, Матвей слабый, а то он бы этих ангелов! Уж, поди, мясо будет не хуже мышьего.

Мышь, впрочем, тоже оказалось ничего. Повезло сегодня.

Заброшка

[1]

— И, короче, исполняет любое желание, — Вадим сделал последнюю затяжку, бросил бычок в костер и замолчал, чтобы получилась хорошая пауза и слушатели немного помучились.

— Чего прямо, сама комната исполняет? — спросил Пашка. Вадим тот еще болтун, но заливает увлекательно, ничего не скажешь.

— Ну, может, сама комната, может, там какая нёха живет, кто ж знает-то? — Вадим потряс пачку, но сигарет больше не было. — Парни, есть курить у кого-нибудь?

Пашка и Темыч отрицательно помотали головами, Натаха сделала вид, что ее это не касается. Спросила вместо этого противным голосом:

— А кто должен знать? Твоя ж история.

— Да не моя, мне брат еще в школе рассказывал, а ему еще кто-то.

— Ну, блин, — сказал Пашка. — И чего, никто не ходил, что ли? Желаний нет?

— А вот тут, — Вадим еще раз печально заглянул в пачку и поднял палец, — начинается самое интересное! Желания у всех есть, а платить за них фиг кто хочет.

— Дорого, что ли? — для Темыча тема денег всегда была интересней всяких мистических историй.

— Да как тебе сказать, — хмыкнул Вадим. — Недешево. Короче, слушайте сюда. Желание комната исполнит, но потом выкрутит тебя наизнанку, а потом еще раз и еще раз, для верности. И будешь ты весь кривой, косой, кишки наружу, глаза внутрь и дырка вместо х-х-х...

Он не договорил, но все поняли. Натаха опять сделала вид, что это к ней не относится (ну и не относится же), а парни глупо заушали. Потом, правда, притихли, задумавшись.

— Фигня какая-то, — сказал Темыч. — Никакого желания не надо, если тебя за это... вот так.

— Не, ну если желание такое, ну вроде спасти кого-то, — протянул Пашка. — Тогда, наверное, можно.

— Ага, или мир во всем мире, — фыркнул Темыч. — Охота была. Блин, а у нас точно курить не осталось?

— Вот, вот желание, достойное выворачивания кишок! — завопил Вадим. — Давай, Темыч, спаси нас! Ради мира на Земле!

Не успел Темыч послать Вадима к черту, как у костра нарисовались чужаки. Резко и тихо так, главное, нарисовались, никто даже не понял, откуда они пришли и почему их раньше никто не заметил. Пашка вскочил, Натаха ойкнула и попыталась спрятаться за перекосившегося Темыча. Только Вадим, который всегда делал вид, что он тут самый опасный, остался сидеть как сидел. Хотя наверняка тоже кирпичей отложил.

Чужаков было двое. Повыше и пониже. Лиц против костра особо не разобрать, но тот, который повыше, был в плаще, джинсах и каких-то немыслимо пижонских ботинках. Нашел в чем по заброшкам разгуливать, нервно подумал Пашка, смутившись своего страха.

Тот, который пониже, носил серый спортивный костюм и обычные кроссовки. И вообще, кажется, был тетка. Даже вроде симпатичная, только бритая под ежик.

Люди как люди, короче, ни на нёх, ни на ментов не похожи.

— Получается, единственное желание, которое имеет смысл загадывать: чтобы тебя не выворачивало наизнанку? — спросил тот, что повыше.

Все помолчали. Мысль выглядела логично. Чужаки присели у костра, тетка сняла рюкзак и достала оттуда две бутылки вина и пачку сигарет. Протянула Вадиму, признав в нем старшего.

— Меня Улисс зовут, — сказал мужик. — А это Ава. Это очень интересно, что вы рассказываете. Вы знаете, как пройти в комнату

желаний?

Вадим кивнул и начал снимать обертку с сигарет. Насчет вина они еще подумают, вдруг паленое, но курить хотелось здорово.

— А вы вообще кто? — сурово спросил он прежде, чем рассказать, что надо подняться на второй этаж, свернуть направо, направо, налево и не пытаться сломать дверь, потому что она только кажется глухо закрытой, а вообще-то там замок сто лет как сломан, только петли тугие. Заходи, кто сильный.

— Мы? Охотники за привидениями, — совершенно серьезно ответил Улисс.

Он встал, протянув руку, помог подняться Аве. Она, так и не сказавшая ни слова, улыбалась, словно клад нашла.

— Спасибо, — сказал Улисс Вадиму. — Вино хорошее, кстати. Недешевое. Вряд ли за такие деньги кто-то паленкой будет заморачиваться.

Когда чужаки скрылись в подъезде, Темыч цапнул одну из бутылок и начал разглядывать этикетку. Натаха заныла, что страшно и пошли отсюда. Вадим бросился ее уламывать, обещая, что ничего страшнее отсутствия сигарет сегодня с ними не произойдет.

Пашка задумчиво смотрел Улиссу и Аве вслед. Первая волна неприязни схлынула, осталось только любопытство. Они так легко поверили в Вадимовы байки? Или там правда что-то желания исполняет? А если даже не исполняет, все равно любопытно.

Если до появления чужаков Пашка и не думал лезть искать комнату желаний, то теперь только об этом и думал. Вот у людей жизнь интересная, по заброшкам нёхов искать, да? Пашка считал себя очень опытным и уставшим от жизни человеком, но эти двое были по меньшей мере в два раза его старше. А вот же, полезли черт знает куда.

Пашка встал, сделал два осторожных шага в сторону заброшки и невнятно буркнул, что надо бы отлить. Внимания на него не обратили, поэтому еще несколько тихих, но уже довольно быстрых шагов привели

его к подъезду, а потом на второй этаж и направо, направо, налево... Дверь была приоткрыта, ровно настолько, чтобы Пашка смог протиснуться и его бы не заметили.

Желание он придумал сразу же. Но строго-настрого запретил себе его даже мысленно формулировать. Исполнить его было бы здорово, но думать о вывернутых наизнанку кишках было невыносимо.

Улисс и Ава стояли посреди комнаты, лучи их фонариков бегали по стенам. Стены были совершенно обыкновенные и скучные: облезлая краска да неприятного вида пятна.

— Ну? — спросила Ава. — И как оно должно работать?

Улисс хмыкнул.

— Для начала, видимо, надо загадать желание. И что-нибудь произойдет. Наверное.

— Наверное. Угу. Вы или я?

— Ну давай я.

Улисс еще раз хмыкнул, взмахнул свободной рукой и сказал:

— Ну что же. Желаю видеть тебя, исполнитель желаний.

Пашка удивился. Единственный шанс — на такое? Да еще и с риском вывернуться наизнанку? Во дают. Не то чтобы Пашкино желание было идеальным, но все-таки... Нет, не надо думать о нем.

Но у него не получилось.

В ответ на желание Улисса комната стала светлой, нежно-голубой, словно во всех углах включили лампы. Стены пошли волнами, пол слегка затрясло, а из дальней от входа стены медленно и сонно качаясь выплыла золотая рыбка.

Вот ровно такая как рисуют в книжках. У нее были пухлые губы, маленькая корона на голова и еще она немного светилась.

— Ой, — засмеялась Ава.

— Ну да, — хмыкнул Улисс.

Пашка зажал рот рукой. Не заржать бы. Справился, молодец. А вот с желанием не вышло.

— Злая какая рыбка, — сказала Ава.

— Устала, наверное, — сказал Улисс. — Пойдем с нами, радость моя, отдохнешь.

Рыбка качалась в полутора метрах от чужаков. Молча. Никаких там «чего тебе надобно, старче». Просто молчала и пучила глаза. Ава и Улисс тоже молчали.

Чем дольше Пашка смотрел на рыбку, тем страшнее ему становилось. Не такая уж она и простая, не такая уж она и сказочная (и что значит «сказочная», кстати? вот же, блин, настоящая). Захотелось завопить и сбежать наружу, к парням и Натахе, а лучше сразу домой. Он справился с паникой.

С паникой справился, а с желанием нет.

— Ой все, — сказала Ава и потянула руки к золотой рыбке. Пашка смотрел, не отрываясь. Почему-то представил, что рыбка должна быть очень-очень горячей.

Все, что было дальше, он запомнил навсегда. Хотя и обрывочно. Голубой свет в комнате погас, рыбка зашипела как рассерженный кот (как примерно два десятка рассерженных котов), начала расти. Потеряла корону. Изменила цвет. Отрастила себе мускулистые и совершенно человеческие руки и ноги. Разъявила пасть, зубов в которой было как-то слишком много, прямо перебор. При этом продолжала сиять.

Там, где только что была милая золотая рыбка из детской сказки, теперь стояла такая страхолюдная нёха, что Пашка чуть действительно не заорал, в последнюю секунду зажав себе рот ладонью.

Наверное именно в этот момент нёха и учуяла его желание. Потому что именно в этот момент Пашка и почувствовал, что его начинает выворачивать наизнанку. Может, не так буквально, как имел в виду Вадим, но очень и очень больно.

Сначала стало очень холодно, забила дрожь. Потом — очень больно. В глазах искрило, в ушах шумело, в животе и голове взрывалось. Пашка

скрючился, завязался в немыслимый узел и пытался хотя бы дышать. Получалось плохо.

Кричать тоже не получилось, да это бы и не помогло. Нёха ревела и шипела так громко, что смогла бы перекрыть и шум аэродрома. К ней присоединилась Ава, она кричала на нёху не хуже. Кто бы услышал Пашку?

Никто в комнате его не слышал, не видел и до сих пор даже не подозревал, что в углу у двери кто-то корчится.

Пашка корчился и мечтал, чтобы его заметили и спасли, мечтал, чтобы все закончилось, пусть даже совсем и навсегда. Но свое единственное желание он уже израсходовал и теперь расплачивался за него.

Скоро все, что он мог, только моргать, причем только одним глазом. Каждое движение века давалось с болью и трудом, но это было единственным, что помогало оставаться на плаву.

Моргнул: нёха выдвинула из оскаленной пасти длинный язык. Моргнул: Ава достала нож. Моргнул: Улисс передвинулся за спину к чудищу, подняв обе руки. Моргнул: стало темно. Моргнул: золотистый свет вспыхнул с новой силой. Моргнул: нёха загорелась огнем. Моргнул: рёв. Моргнул: тишина. Моргнул: темно и пусто.

Моргнул и боль усилилась. Второй раз наизнанку выворачиваться было, кажется, еще хуже, чем первый. Mamochka, пожалуйста, не надо...

— Вот и иголка пригодилась, — через сто лет и сто слоев ваты, из тишины и темноты, до Пашки донесся голос Авы. — А вы говорите!

— Ничего я не говорю, — ответил Улисс. — Хорошая иголка.

Что за иголка, зачем иголка... Пашка постарался моргнуть еще раз, пусть последний, но любопытство пересилило. Изнутри его жгло и выворачивало, снаружи жгло и скручивало, все, что осталось от тела, трясло мелкой дрожью, но ему очень хотелось узнать, что там. Что там?

Моргнул. Чудовища не было. У Авы в руках сияла золотистым

светом стеклянная банка. В банке была золотая рыбка. В рыбку была воткнута большая игла.

Может быть, Пашке уже просто мерещилось. И рыбка, и банка, и игла, и удивленный возглас Авы.

— Ё-моё! А этот-то здесь откуда?

— Ой, фу, — это Улисс. Что ему так не понравилось — внешний Пашкин вид или сам факт, что Пашка пробрался за ними в комнату?

— А я желание...

Что она «желание» — Пашка уже не услышал. Боль наконец добила его, свернула в маленькую точку и он перестал существовать.

Ава тоскливо посмотрела на Улисса и спросила:

— Ну и чего теперь делать? Блин!

— Спокойно, — ответил он. — Разберемся.

Сколько дней прошло на самом деле, Пашка не знал. Помнил только последние три, которые он провел в маленькой комнате с наглухо закрытыми окнами и запертой дверью. В комнате были кровать, тумбочка и проход в совсем уж крохотную ванную. На тумбочке три раз в день обнаруживалась еда, в ванной обнаружилось зеркало.

То, что обнаружилось в зеркале, чуть не убило Пашку снова. Сутки он прорыдал, проклиная себя за то, что полез в заброшку, что пошел в тот день с парнями и что вообще родился на этот свет, дурак чертов.

Потом успокоился. Освоился. Смирился. Во всяком случае, сказал себе, ничего не болит. Не болит и я живой.

Живой и знатный урод. Из лысой макушки торчат уши. Один глаз на лбу, второй — на затылке. Ладони и половина лица почернели. На руках и ногах такое разное количество пальцев, что считать можно в любой системе, а не только десятичной. Губы вывернуты, по всему телу разноцветные и разномастные клочки волос, где попало, кроме тех мест, на которых они собственно должны расти. Еще и эта штука,

которую... ну... пожалуй, будем считать хвостом, хотя это вовсе и не он.

Ну что теперь? Ну вот так теперь.

Главное, руки-ноги более-менее на своих местах, двигаться можно, глаза — оба! — видят, уши — слышат. И никаких дырок, которыми пугал Вадим, нет.

Главное, ничего больше не болит.

Главное, живой.

А самое главное, еще есть самое главное. Если верить Вадимову рассказу и тому, что Пашку все-таки вывернуло наизнанку (хотя и всего два раза), желание должно было исполниться. Должно было.

На четвертый день запертая дверь стала открытой. За ней Пашка нашел коридор, потом ступеньки, потом выход, но почему-то не на улицу, а в кафе.

Вживую он в таких никогда не был, но сто раз видел в кино. Этакая стереотипная американская забегаловка-бургерная, в которых по утрам пьют молочные коктейли прогульщики, днем обедают прилежные студенты и мамочки с детьми, а по вечерам попадают байкеры, шпионы, мелкие жулики и неудачливые влюбленные.

На длинной барной стойке подставки с салфетками, солью и перцем, несколько бутылок с кетчупом и горчичным соусом стоят вверх ногами, на высоких круглых табуретах можно сидеть очень долго, потягивая пиво — только выбери сорт из десятка, отмеченных мелом на большой доске. Зал уставлен рядами диванчиков, оббитых красной потертой кожей, по стенам развешаны жестяные картинки с рекламой виски и вдохновляющими цитатами.

Только, кажется, музыкального аппарата не было, это жалко, Пашка всегда хотел посмотреть, как они работают. Тихо играло радио. Пахло кофе, мясом и чем-то совсем уж неясным, но приятным. Возможно, переменами в жизни.

Пашка осторожно прошмыгнул мимо стойки к одному из диванчиков, сел и закрылся длинной картонкой меню, чтобы не пугать официанток. Их было две: одна круглая как мячик с белеными, почти

что седыми косами, вторая словно вчера ушла из панковской баскетбольной команды — высоченная, татуированная и волосы выкрашены в синий.

Синенькая принесла ему кофе и пепельницу, хотя он не просил.

— Спасибо, — буркнул Пашка, не отрывая от лица меню. Несколько сдавленным голосом она ответила, что с радостью примет заказ, как только он будет готов, и резво сбежала за барную стойку.

Конечно, подумал Пашка, мной теперь только детей и женщин пугать. Спасибо не выгнала или от страха не развизжалась.

— Ну привет, радость моя, — сказала Ава. Вот как у них получается так тихо появляться, что у костра, что тут? — Смотрю, ты в полном порядке. Давай знакомиться снова. Меня зовут Мор-Мор, это, — она махнула в сторону спутника, — Инспектор.

Пашка поморщился.

— Вы говорили, что вас зовут Ава, а его... а вас... тоже не так. Я вроде все запомнил.

— Молодец, — улыбнулся Инспектор. — Там нас зовут так, здесь по-другому. Иногда наоборот. Тебя там тоже Павлом звали.

Пашка слегка удивился. Когда это он имя поменял?

— А здесь? — нерешительно спросил он.

— А здесь, — торжественно заявила Ава... то есть, Мор-Мор, — мы будем звать тебя Гурам.

— Че-го? Что за имя-то такое, блин?

Инспектор захохотал.

— Скажи спасибо! Она сначала вообще хотела назвать тебя Аполлоном.

Пашка, которого теперь звали Гурамом, поежился. Ну и шуточки, блин.

— Спасибо, — серьезным голосом сказал Гурам. — Я же не вернусь домой? Ну... таким?..

— Нет, радость моя, ты никаким домой не вернешься, — пожала

плечами Мор-Мор. — Мы тебя подлатали насколько смогли, но там у тебя жить уже не получится. Но это ничего, у нас тут тоже неплохо.

— И нам нужен бармен, — сказал Инспектор. — Это несложно, но девочки одни не справляются.

Гурам посмотрел на девочек. Беленькая дремала, уткнувшись лбом в стойку. Синенькая пила кофе из большой желтой кружки, задумчиво ковыряя пальцем подставку с салфетками. Никаких клиентов в бургерной не было. Не справляются, очевидно же.

— А я... — Гурам крутнул ушами, жест получился легкий, словно всю жизнь так делал. — Никого не напугаю?

— Ой, я тебя умоляю. Здесь всем наплевать, здесь еще и не такое... — Мор-Мор споткнулась о нахмуренные брови Инспектора и замолчала. Но Гураму хватило и этого.

Ну и хорошо, подумал он. Подумаешь уши, подумаешь глаза, подумаешь, хвост. Все равно его не видно. Не болит больше ничего и ладно. Можно и барменом, теперь все можно. И Гурам норм, имя как имя, не хуже, чем Мор-Мор.

Вопросов, конечно, пока больше, чем ответов. Но это дело времени, он все поймет и во всем разберется.

Главное-то случилось. Желание определенно исполнилось, пусть и уши теперь черт знает где. Только бы никто не спросил, что же он такое загадал. Придется говорить и будет неловко. Потому что ни о каком мире во всем мире он, конечно же, даже и не задумывался. Чихать он на этот мир хотел.

[Зайнъка]

— Сколько времени? — спросила Ава.

Улисс посмотрел на часы, возможно, последний человек в мире, кто еще их носит — настоящие, со стрелками, цифрами, головкой завода. Пижон, подумала Ава, обожаю.

— Вторник, 24 октября, 11:30.

Ава вздохнула, глотнула вина, протянула бутылку Улиссу. Сидеть на

дереве было приятно, но утомительно. С одной стороны, замечательная уютная осень и возможность побыть в тишине, с другой — сколько ни высчитывай вероятности, ошибки во времени неизбежны. Плюс-минус, туда-сюда, как говорит шеф. И сколько продлится это «туда-сюда» иди знай. А запасы вина не бесконечные.

— Франкенштейн звонил? — дежурный вопрос, сама знает, что шеф звонил. Каждый день звонит.

— Звонил.

— Ругался? — тоже вопросик так себе, он всегда ругается.

— Ругался. В воскресенье еще получим, за сегодняшнее тоже.

— Я, кстати, все придумала, — заявила Ава, принимая бутылку назад. — Выдадим это место за что-нибудь фольклорное. То есть, музейное. Избушка на курьих ножках, все дела.

— Отличный план, — хмыкнул Улисс. — Ты думаешь, нам кто-нибудь поверит?

Ава только плечами пожала: конечно, нет. Но попробовать-то можно.

— А мы увидим зайцев? Здесь же водятся зайцы? — Иришка горела энтузиазмом. Такая очаровательная, такая непосредственная в свои тридцать пять, даже удивительно. Немного раздражает, конечно, но в определенном настроении даже мило. Да, мило.

— Водятся, но вот увидим ли? Не знаю даже, если повезет.

— Хитрые зайцы, прячутся зайцы. Мы найдем вас зайцы! — Иришка убежала вперед, подскакивая на ходу.

Илона шла медленно, решительно не хотелось суетиться. День хороший, один из тех последних дней октября, когда уже холодно, но совсем чуть-чуть, когда уже сыро, но от этого только лучше, когда солнце светит так нежно, а воздух хочется припрятать куда-нибудь в бутылку и доставать потом, нюхать понемногу, когда станет плохо. Зимой часто становится плохо.

И лес чудесный, немного желтый, немного красный, коричневый, влажный, уютный и пустой. Даже птиц не слышно толком. Но зайцев, может, и встретим, почему нет.

— Так! Давай вспоминать песни про зайцев!

Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять! — Иришка сделала круг и вернулась к медленной Илоне.

— Это не песня, это считалка.

— Но она в рифму! Значит, подходит!

Иришка запрыгала.

— На поляне траву! Зайцы! В полночь косили!

Петь она не умела совсем, поэтому все песни просто выкрикивала в воздух, деля фразы негодными рывками.

— Ай, зайнька! Ай, серенький! Штаны рваные! Худые! Ножки тонкие! Кривые! — прокричала Иришка. — Все! Больше не помню!

Ну слава богу. Илона чувствовала, что устает и даже немного начинает злиться. Иришку надо принимать малыми дозами все-таки. Ничего, скоро сделаем привал, отдохнем, поедим. Иришку это, конечно, не утомит, но хотя бы часть времени рот у нее будет занят бутербродами.

— Ты знаешь еще песни про зайцев?

Илона скрипнула зубами. Такой день, гуляй себе, молчи, дыши, какие зайцы, какие песни, зачем вообще так орать. Одернула себя: сама ее приручила, охмурила, привязала, терпи теперь. Ну, потерплю еще, ладно.

— Нет... Хотя знаю, только не целиком. В детстве пели, — она даже засмеялась внутренне, вспомнив песенку. Сейчас визгу будет. Иришка не любит такое, нежная очень. Как там?.. Илона откашлялась.

— Один зайнька распят,

Трое зайнек хрипят,

Пятый зайнька побит,

У шестого хвост горит, — песенка пелась на манер «серенького волчка», к концу каждой строки интонация взлетала вверх до почти неприятного ощущения. Голос у Илоны был высокий, сильный.

— Ой, — Иришка перестала улыбаться.

— Седьмой зайнька утоп,

По восьмому плачет гроб...

— Не надо! — закричала Иришка. — Что за фигня! Ну зачем ты?

Илона не отказала себе в удовольствии допеть последние строчки, всплывшие в памяти. Хотя помнилось, что в детстве песенка была длиннее, а количество замученных разными способами зайчек гораздо больше.

— Один зайныка воскрес
И умчался в темный лес!

Все, не помню больше, не кричи, — она постаралась улыбнуться. Если эта дурацкая песенка утихомирит Иришку хотя бы минут на пять, уже хорошо.

Получилось десять. Чувствительная Иришка надулась и быстро ушла вперед, ее рыжий хвостик и красная кофта мелькали среди деревьев, не потеряешь. Десять блаженных минут в тишине, пока Иришка не вернулась назад, уже улыбаясь. Легкий характер, быстро обижается, быстро забывает. Не за это ли мы ее и ценим?

— Там домик! Представляешь, домик на ножках! — Иришка схватила Илону за рукав и потащила вперед по тропинке. — Спорим, там ведьма живет?

Домик стоял на поляне: небольшой сарайчик на четырех невысоких столбах. Крыша скошена, дверь закрыта, окон вроде бы нет совсем.

— Это лабаз, Ириш. Нет там ведьмы.

— Смешное слово. Что такое лабаз?

— Сарай такой, для охотников или туристов, — Илона опять скрипнула зубами: ну простое же знание, в детских книжках пишут. С другой стороны, много ли Иришка читала? — Там запасы держат, поспать иногда можно, от зверей спрятаться.

— Класс! Можно туда залезть? Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Можно. Но ничего не трогать. Не брать. Что взял, возмещать надо. А у нас только бутерброды с собой, вряд ли они кому-то нужны.

— Нет-нет, — Иришка снова подпрыгнула, вызвав у Илоны совсем уж сильный приступ раздражения. — Я только посмотрю, интересно же. Только как туда попасть? Высоко!

— Вон внизу лестница лежит.

Пока Иришка поднимала довольно тяжелую лестницу, приваливала ее к порожку и посапывая от любопытства и напряжения лезла наверх, уставшая до тумана в глазах Илона присела прямо на влажную траву. Стареешь, мать, витаминок, что ли, попить? И еще спортом надо заняться. Ну что такое, пятидесяти еще нет, а уже развалина. А скачки эти эмоциональные. Полчаса назад еще любовалась, а теперь раздражена почти до предела. Климакс приближается? Ох.

Минуты три Иришка справлялась с тугой щеколдой и уже начинала посматривать в сторону Илоны: чего сидишь, не видишь, что мне сложно, помощи. Илона делала вид, что не замечает. Сама справишься, принцесса.

Справилась, никуда не делась. Открыла дверь пошире, чтобы пустить свет, и скрылась в лабазе. А через несколько секунд закричала. Иришка верещала как подбитый заяц, длинно, тонко, жутковато. Илона вздохнула, подавила очередную вспышку раздражения, встала, и неторопливо размявшись, двинулась к домику.

Один заяц действительно был распят. Лапы пристрелены нейлером к деревянному кресту и обвязаны пучками травы. Еще одного зайца обезглавили и бросили посреди комнаты, вложив ему в лапы собственную голову. Был там и зайнька ошкуренный, был сгоревший — и жгли его, похоже, прямо здесь, в большом черном котелке. Был сваренный, возможно, заживо, во всяком случае вместе со шкурой. Были зайньки с ампутированными лапками, зайньки с выколотыми глазами и отрезанными ушами, зайньки из которых торчали многочисленные гвозди, зайньки обмотанные леской, так что в туго затянутых местах полопалась шкурка, зайньки с аккуратно спиленными черепами, зайньки набитые травой и камнями, зайньки, из которых торчали головы других зайнек — совсем маленьких...

Кто бы это ни сделал, он точно помнил песенку про зайнек целиком.

Еще около десятка зайнек были банально взрезаны по шейной

артерии и подвешены к потолку вверх ногами, под ними — тазики со стекшей и уже загустевшей кровью. Так себе зрелище для неподготовленного зрителя, но по сравнению с остальными ничего особенного, обычное охотничье дело.

Ни один зайныка воскресшим не выглядел, они явно даже не старались.

Продолжая кричать, Иришка потянулась трясущимися руками к вошедшей Илоне. Одна ладонь была измазана кровью.

— Ну-ну, — ласково сказала Илона, уклоняясь, но не давая Иришке выскочить за дверь. — Прекращай орать.

Иришка не прекращала, ее било крупной дрожью, лицо перекосилось и выглядела она сейчас очень некрасивой. Бедная зайныка.

— Ну, все, все. Хватит. Ничего страшного не произошло пока что, — Илона добавила металла в голосе, но это не помогло. Иришка заметалась по лабазу, сшибая тазики, влипая в кровь кроссовками, задевая зайнек, роняя какие-то нужные охотникам или туристам вещи с полка, стола и лавок. Наконец грохнулась на колени возле распятого и завизжала совсем уж истошно, на ультразвуке.

— Ира, замолчи немедленно, — зло сказала Илона, скрывать эмоции уже не было сил. — Слышишь меня? Ты меня слышишь?

Но замолчала Ира только тогда, когда почувствовала, что на шею ей ложится удавка.

Службы спасения нашли лабаз только через три часа после звонка. Пока санитары аккуратно спускали тело по приставной лестнице, а эксперты с брезгливым интересом разглядывалидохлых зайцев и искали нож, которым погибшей перерезали горло, немолодойследователь пытался вытянуть хоть что-нибудь из второй женщины — не то выжившей жертвы, не то настоящей убийцы. Во втором он, правда, несколько сомневался. Возможно, потому, что убийца сама себя душить не станет. А возможно и потому, что рыжая в красной замызганной кофте больше напоминала ему собственных внучек, чем отморозенного

маньяка.

— Вы что-нибудь помните? Можете рассказать? — спрашивал он уже в который раз. Но рыжая только нехорошо улыбалась, вцепившись в него окровавленными руками, и без конца повторяла какой-то странный стишок. Сложно было разобрать дословно, но что-то про воскресшего зайчика.

— Де-лааа, — протянула Ава, когда с поляны уехала последняя машина. Лабаз остался окружен сигнальными лентами, дверь полицейские закрыть забыли, лестницу тоже не убрали. — Думали, одна, вышло, другая. Круто, правда?

— Да, неплохо. Достойный экземпляр, — кивнул Улисс и, не отрывая взгляда от места преступления, протянул Аве вино. — Допивай и пошли. Изымать еще.

Он посмотрел на часы: суббота, 28 октября, 16:25. Отлично, все успеем и в бургерную вернемся еще до того, как туда начнут съезжаться коллеги. Молодец Мор-Мор, грамотно все рассчитала. И отдохнули, и поохотились. Улисс начал спускаться с дерева, аккуратно ставя ноги с ветки на ветку.

На полпути его окликнула Ава, которая еще не сдвинулась с места.

— Инспектор, — крикнула она, — а напомниме, зачем мы вообще это делаем?

— Потому что можем, — последняя ветка оказалась выше, чем Улисс помнил, пришлось прыгать.

— А. Ну да, — Ава закинула пустую бутылку в рюкзак и тоже отправилась в путь на землю. — Ну да.

Улисс, уже начавший сворачивать поляну с лабазом, крикнул снизу:

— И потому что весело!

Это, пожалуй, была более верная причина.

[Документация]

**ПАМЯТКА ДЛЯ СОТРУДНИКОВ БУРГЕРНОЙ «КОНЕЧНАЯ
ОСТАНОВКА»**

1. Мы уважаем всех наших клиентов, вне зависимости от того, кто они.

...

3. Любые два сотрудника бургерной всегда должны бодрствовать и/или находиться в сознании.

...

5. Если клиент просит разрешения войти — не впускать ни под каким предлогом.

...

12. Сотрудники, проработавшие в бургерной меньше года, не должны пользоваться задней дверью, если им нужно выйти на задний двор. Только через главный вход!

...

18. С полуночи до трех часов ночи (00:00 — 03:00) бургерная не работает. Всех клиентов, которые находятся внутри, необходимо продолжать обслуживать. На улицу никому не выходить!

...

23. Аптечка находится в комнате отдыха сотрудников. Раз в два месяца ее необходимо перебрать и заказать новые препараты по необходимости.

...

29. Дети без родителей обслуживаются бесплатно.

...

32. Дверь в бургерную (главный вход) ВСЕГДА остается открытой. Будьте внимательны.

...

34. Когда звучат сирены, обслуживание клиентов приостанавливается до момента затихания сирен.

...

38. Сторожевую Банду кормить два раза в сутки. Если кто-то из членов Сторожевой Банды поврежден, необходимо оказать ему помощь.

...

40. Следите за уличными фонарями.

Прим. 1. Расположение тревожных кнопок:

Кнопка 1 — под барной стойкой слева

Кнопка 2 — на правой боковой стенке кофейного аппарата

Кнопка 3 — в подсобке, возле электрического щитка

Кнопка 4 — в туалете для посетителей

Прим. 2. Ружье находится под барной стойкой. Патроны лежат в коробке от печенья Queen's.

Прим. 3 Кнопка аварийной блокировки дверей и окон располагается под барной стойкой справа (НЕ ПУТАТЬ С ТРЕВОЖНОЙ КНОПКОЙ!!!). Применять только в случае КРАЙНЕЙ необходимости.

МЕНЮ

В бургерной «Конечная остановка» вам подадут лучшие на Шоссе:

! Супы

Суп из красной фасоли

Суп из белой фасоли

Суп из белой фасоли (острый)

! Закуски

Картофель фри

Картофель по-деревенски

Жареная фасоль

Рыба (уточняйте у официантов)

! Бургеры

Гамбургер классический

Ханбургер

Ханбургер с рыбой (уточняйте у официантов)

Ханбургер с брусникой и халапеньо

Морбургер

Двойной Морбургер

Двойной Морбургер с фасолью

Бетбургер

Бетбургер с солеными огурцами

Любой бургер мы можем сделать двойным, кроме двойного Морбургера.

В любой бургер можно добавить:

- халапеньо
- жареный лук
- фасоль
- вторую порцию сыра
- соленые огурцы (кроме Бетбургера с солеными огурцами)
- бруснику
- добавку дня (уточняйте у официантов)

! Напитки

Пиво в асс. (уточняйте у официантов)

Кофе

Кофе с молоком

Кока-кола

Вода беспл. Можете попросить у официантов в неограниченном кол-ве.

Оплата только наличными.

Чаевые сотрудникам приветствуются, но остаются на ваше усмотрение.

ЗАПИСИ С ДОСКИ В КОМНАТЕ СОВЕЩАНИЙ

Таблица 1

Задачи на ноябрь

! Читать внимательно. Ошибки недопустимы. Кто попрется на чужой объект, тот сам знает, что будет.

! Координаты высчитываем самостоятельно.

! Следите за обновлениями.

Дата: 20/03/2020

Объект: Не определено

Ответственный: —

Дата: 14/12/3454

Объект: Новый Уренгой, Западная Магистраль

Ответственный: Агент х-001 (Ромул)

Дата: 14/12/3458

Объект: Новый Новый Нью-Йорк, Третья Авеню (вторая)

Ответственный: Агент х-001 (Ромул)

Дата: 12/01/2895

Объект: Космодром Байконур (нов.)

Ответственный: Агенты х-018-а (Алекс-а), х-018-б (Алекс-б), х-018-с (Алекс-с)

Дата: 31/03/1984

Объект: Волгоград, пр. Ленина, 1

Ответственный: Агент х-009 (Эхо)

Дата: 06/06/1879

Объект: Не определено

Ответственный: —

Дата: 18/09/2048

Объект: Не определено

Ответственный: —

Дата: 17/08/2008

Объект: Не определено

Ответственный: —

Дата: 01/01/2021

Объект: Не определено

Ответственный: —

Дата: 26/10/4818

Объект: Москва (нов.), не определено

Ответственный: Агент х-001 (Ромул)

Отчеты сдать не позднее трех дней после изъятия и внедрения объекта, кто не успел, тот сам знает.

Отчет № 1418/d

Исполнитель: Ава (Мор-Мор)

Дата: 25.10

Идите в жопу со своими отчетами. Целую, ваша Ава.

НАДПИСИ В ТУАЛЕТЕ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Лучшие бургеры EVER!!!

Привет всем из Волоколамска! Крутяк!

Я уеду отсюда, обязательно уеду и найду тебя. Лу.

Я украл вашу кошку. Ха-ха-ха.

Сук, найдем — хана тебе!

Девчонки, звоните XXX-XX-XX-XX

«Я родом из Ирландии, святой земли Ирландии»... Erin Go Bragh!!!

Ужас и моральный террор. Ужас и моральный террор. Ужас и моральный террор

Отличный кабак 5 баллов

Тату-салон «Черная дыра». 118-й километр Шоссе, бензоколонка «У Луи». Лучшие мастера. Сведение. (наклейка)

Бензоколонка «У Луи». У нас всегда есть бензин. 118-й километр Шоссе. Скидки. (визитка)

Хочу домой! Пожалуйста, я так больше не могу!

И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом. Откр. 8:2

Все видели, и что?

Магазин сувениров «Еще один шанс». Единственный на сто миль вокруг. 202-й километр Шоссе. Железная дверь, звонить три раза. (наклейка)

ЗАПИСИ С ДОСКИ В КОМНАТЕ ОТДЫХА СОТРУДНИКОВ

Гурам, закажи соленые огурцы. И молоко. И бруснику!

Кто видел синий передник? Я заманалась его искать. Убью. Бри

Гурам, закажи корм для Сторожевой Банды

14 окт. большое совещание. На смену выходим все. Рашид, тебя это тоже касается!

Не оставляйте заднюю дверь открытой! У нас новичок!

Кто-нибудь видел двух маленьких белых (Типси и Нопси)??? Третьи сутки не выходят к еде!!!

Дни рождения сотрудников «Конечной остановки»

12.12 — Улисс

01.01 — Гурам

02.02 — Бри

03.03 — Рикотта

04.04 — Рашид

11.11 — Ава

Сторожевая Банда — любой день на выбор

На случай экстренной ситуации (учить наизусть!)

Ограждаюсь я
Изволением небес,
Светом солнечным,
Блеском месячным,
Громом воздушных,
Жаром молнии,
Глубиной морей,
Широтой земли,
Крепью каменной.*

Нашел я твоих белых. С тебя подмена на сутки. (Передник не видел). Рашид.

Гурам, закажи моющие средства. Весь сортир опять исписан, отмывать нечем.

ИЗ ДНЕВНИКА ПАВЛА САГАНОВА (ГУРАМА)

18 сентября

Синеволосую зовут Рикотта, с косами зовут Бри. Они меня не пугаются, говорят, вообще наплевать, кто как выглядит. Повара я еще не видел, но его зовут Рустам или Руслан. Или Рашид.

19 сентября

Ава подарила печатную машинку. Так удобнее вести дневник, если у тебя на одной руке семь пальцев, а на второй то три, то девять. Неудачные слова можно запечатывать XXXXX XXX

20 сентября

Я должен принимать заказы, выдавать заказы, наливать пиво, кормить Сторожевую Банду, стоять за кассой, убирать зал, заказывать продукты и бытовую химию и еще миллион разных вещей. Все равноправны, но девочки опытнее и поэтому я много занимаюсь «черной работой». Я не жалуюсь, просто с непривычки тяжело. Повара до сих пор не видел, понятия не имею, кто готовит бургеры.

21 сентября

Глаз на затылке, вообще, очень удобно. Смотрю в обе стороны разом. К остальному тоже почти привык.

22 сентября

Главные в бургерной Ава и Улисс. Еще есть какой-то шеф (они называют его Франкенштейн), но он главный по чему-то другому. Я его тоже еще не видел, но девочки сказали, что сотрудники бургерной ему не подчиняются.

25 сентября

Очень много правил. Некоторые невозможно понять. Почему нельзя пускать клиентов, которые просят разрешения их впустить? Почему нельзя пользоваться задней дверью? Никто ничего не объясняет.

27 сентября

Люди делятся на несколько категорий. Проспавшие. Проснувшиеся. Перемещенные. Прибывшие. Есть еще фантомы, но они вроде бы не люди. Еще девочки упоминали «этих», но объяснять отказались. Сказали, когда надо будет, сам все узнаю. Говорят, Мор-Мор

вообще ни к какой категории не относится.

30 сентября

Время очень условно, говорит Улисс. Я нихрена не понимаю, что это значит. Я вообще тут нихрена не понимаю.

2 октября

Наконец-то хоть кто-то из Сторожевой Банды обратил на меня внимание. Большой черный потерся о мою ногу перед кормлением. Но погладить себя все равно не разрешил.

4 октября

Набрался решимости подкатить к девочками. Рик и Бри были дружелюбны, но сказали, что им друг друга вполне хватает. Блин, так и знал, что я урод. А они врушки.

5 октября

У повара был выходной, пришлось готовить бургеры самому. Ава и Улисс хвалили. Теперь я полноценный бармен, но все равно я урод и расстроен.

8 октября

Если перейти через шоссе после полуночи и посмотреть на бургерную, то она выглядит как очень старое, заброшенное и полуразрушенное здание. Это Бри посоветовала посмотреть, хотя в это время выходить нельзя.

Стекла выбиты, дверь держится на одной петле, вывеска сломана, света нет, но внутри двигаются маленькие огоньки, как будто несколько человек ходят с фонариками. Все серое, словно засыпано пеплом и куча веревок, как большая паутина. Если перейти через дорогу обратно, все становится в порядке. В другое время такого эффекта нет. Что за фигня???

10 октября

Видел Франкенштейна. Он был очень зол, ругался на Аву и Улисса (не то «за самодеятельность», не то «за самонадеянность», не то за все сразу). Но они, кажется, не были расстроены. Попытался подслушать еще, но Бри на меня так посмотрела, что я свернул уши в другую сторону.

13 октября

XXXXXX XXXXX XXXXXXXX XX XXXXXXXX XXXXXXXX XXX XX

Больше я так не ошибусь.

14 октября

Сегодня в бургерной был наплыв посетителей. Сбились с ног. Но оказалось, что это «все свои». Рик называла их «археологами», а Бри «агентами». Все равно не понял, кто они и чем занимаются. Съели все бургеры, закрылись в «комнате для совещаний». Хотел подслушать, но меня застукала Бри и долго ворчала, что так нельзя и я «веду себя как свинья».

15 октября

Дали выходной. Весь день проспал, только два раза ходил кормить Сторожевую Банду. Большой черный опять потерял мою ногу.

16 октября

Месяц, как я здесь!!!

17 октября

Вообще, всем действительно плевать, как я выгляжу. Очень мило потрепался с посетительницей. Она сказала, что ее зовут Ольга, она едет в XXXX Представления не имею, как туда можно доехать через нас, но сделал вид, что верю. Я всегда делаю такой вид, когда ни хрена не понимаю. Ольга оставила отличные чаевые, но на мои намеки не повелась, хотя сказала, что я «очень милый». Я урод.

19 октября

Полдня звучала сирена. Бургерная не работала. Забрали Сторожевую Банду внутрь, коты вели себя очень смирно. Сидели с девочками в кухне, но поговорить не удалось, очень громко. И очень выматывает!

20 октября

Никто ничего не объясняет. НАДОЕЛО!!!

24 октября

Конец света был 12 августа 5840 года. Офигеть.

25 октября

Лучше бы не объясняли ничего. Я так с ума сойду. Или уже сошел.

1 ноября

ночью узенал почему нельзя впускать кто просит их впустит. ох блXXX XXXXX XXXXX лучш бы я этого и дальше не знал. рки до сих пор трясутся. всеравно лучше чем ранше

2 ноября

Большой черный разрешил себя погладить! Потом вцепился всеми когтями, так что у меня левая рука в зеленке. Но все равно круто!!!

ЗАПИСКА, ПРИКРЕПЛЕННАЯ К РАДИОПРИЕМНИКУ

Радио не выключать!!!

ЗАПИСКА, ВЫМЕТЕННАЯ ИЗ-ПОД ДАЛЬНОГО СТОЛА

Нашла обалденн. об-т. Встреч. в 9 ч. 07 мин. местного 24 март. 2018.
Координаты 56°49'28" с. ш. 60°36'31" в. д. Не проспите. М.-М.

ЗАПИСКА, ПРИКОЛОТАЯ К ОШЕЙНИКУ НОПСИ

Я все равно ее украду. Ха-ха-ха.

ТАБЛИЧКА НА ВХОДНОЙ ДВЕРИ

Бургерная «Конечная остановка»

Лучшие бургеры на Шоссе

Работаем круглосуточно

Технический перерыв с 00:00 до 03:00 (но если вы уже внутри, мы

обслужим вас как обычно)
Добро пожаловать!

P.S. Можно курить. Можно с животными. Можно спать. Лучше не драться.

* Фрагмент Гимна святого Патрика в переводе Г. Кружкова

[Потеряшка]

По утрам Аву лучше не трогать, это правило, которое новички запоминают раньше всех остальных. Гураму хватило одного раза (и после он уверял, что это было даже пострашнее инцидента с входной дверью). Поэтому, заслышав, как Ава спускается, он бросал все дела и бежал варить кофе. Девочки посмеивались над ним, но Гурам включал кофеварку, чувствуя, что делает что-то очень важное. Например, отменяет конец света.

Всклокоченная и босая Ава вываливалась из двери, ведущей со второго этажа, сграбастывала кружку, бурча что-то отдаленно напоминающее «спасибо», и со стоном оседала за последним столиком. Делала большой глоток, закуривала и замирала с закрытыми глазами минуты на две. Потом снова отпивала и затягивалась. Прежде чем Ава откроет глаза и начнет осознавать мир, могло пройти до десятка циклов. Гурам внимательно следил, чтобы к столику в это время никто не совался.

Но сегодня что-то пошло не так. Не успела Ава взять кружку, как из комнаты совещаний выглянул Улисс. Этот-то, понятное дело, уже давно выпил кофе, позавтракал, побрился, оделся и выглядел отвратительно бодрым.

— Мор-Мор, иди к нам.

— Ммпфхмм, — ответила Ава.

— Пойдем-пойдем, дело есть, — и понизив голос, добавил: —

Франкентшейн ждет.

Промычав еще что-то, что Гурам идентифицировал как довольно забористое ругательство, Ава скрылась за дверью совещательной. Гурам

немедленно перебрался поближе, делая вид, что протирает барную стойку, и настроил уши. Даже зная, что ему влетит от Бри, он все равно не мог отказать себе в удовольствии подслушивать любые разговоры, а особенно те, которые его уж совсем не касались. Себя он оправдывал тем, что никогда! И никому! Но надо же разобраться в новом мире. Целый месяц уже здесь живет, а вопросов до сих пор больше, чем ответов.

— Доброе утро, — Улисс подвинул Аве стул, на который она упала с риском сломать спинку. Кружка с грохотом опустилась на стол, сигареты из пижамного кармана доставались с проклятиями, зажигалка чиркала так, словно Ава хочет спалить бургерную и побыстрее.

— Н-ну? — спросила она.

— Привет, — Франкенштейн был неожиданно печален. — Потеряшка объявилась. Надо бы разобраться.

С Авы сон как рукой сняло.

— Ой, да лаааадно! — противным голосом завывала она. — Ой, а и кто же будет разбираться с нашим маленьким сокровищем, дайте угадаю? Будет ли это отряд лучших агентов? Не-е-ет. Это будут самодеятельные и самонадеянные котлетники!

Улисс ухмыльнулся в воротник: обидчивая, злопамятная Мор-Мор. А не надо было выволочки перед всей командой устраивать, дорогой Франки. Ешь теперь.

— Владельцы паршивой забегаловки, которые слишком о себе думают! Люди, которые дальше заднего двора и носа казать не должны! — она так долго могла.

— Хорош, — поморщился Франкенштейн. — Я погорячился.

— Он погорячился! Смотрите, какой горячий! Как наши котлетки прямо!

— Ну извини, — Франки вздохнул. — Ты же знаешь...

Ава набрала воздуха, чтобы продолжить голосить, но Улисс взял управление на себя. Маленькая месть хороша и правильна, вот только с Потеряшкой каждая минута может быть на счету.

— Давайте к делу, — мягко сказал Улисс. — Где?

Ава замолчала, булькнув кофе. Франкенштейн еще раз вздохнул.

— Извини, Мор, я правда погорячился, — Ава только рукой махнула. — Двадцатые. Она решила угробить нам двадцатые.

Двадцатыми Франкенштейн привычно называл третье

тысячелетие. Он протянул Улиссу бумажку: координаты, точка входа, дата — 2290 год.

— Ясно, — Улисс сложил бумажку в карман, кивнул Аве: пошли.

— Эй! Можно я хотя бы переоденусь? — не до конца утомонившаяся Ава подергала себя за рукав пижамы.

— Нет.

— Да черт, за кроссовками хотя бы дайте сходить. Я босиком должна мир спасать?

— Твои кроссовки под столом, — сказал Улисс. — Очень удачно, представляешь.

— Да черт! — Ава нырнула под стол и оттуда пробубнила: — И как это они здесь оказались? Ваша работа, Инспектор?

Она вылезла из-под стола, оглядела комнату и молчащих коллег, и заорала так, чтобы ее услышали в зале.

— Гура-ам! Эти звери не дают мне проснуться, сделай еще кофе. Пожа-а-алуйста!

— Да, мэм! — решив, что его застучали, Гурам испуганно отпрыгнул к кофеварке и ляпнул первое, что пришло в голову.

— «Да, мэм»? — рассеянно удивился Франкенштейн. — Он думает, что мы живем в американском кино?

— По-моему, мы все так думаем, — заметила Ава, шнуруя кроссовки.

Бер уже не считал себя новичком. Несколько удачных дел, Ромул хвалит, есть чем гордиться. Любая задача по плечу. А уж с таким напарником как Эхо, вообще, можно не переживать. Самая крутая из всех агентов. Повезло.

Еще, правда, эти пижоны. Один в костюме, другая в пижаме, профессионалы, сразу видно. Но они Бера мало волнуют. Его босс — Эхо, его задача — выполнять ее приказы. А эти пусть себе выпендриваются и нагоняют.

Все же не выдержал.

— Кто такая Потеряшка? — ехали уже второй час, говорить не о чем, а пейзаж за окном ничего кроме тоски не навевал: степь себе и степь. Как всегда, пока не доедешь до других времен.

— Это такая... такая... — Эхо задумалась.

— Такая херня, — Ава перехватила ответ. — Которая сначала

теряется, потом находится и портит нам жизнь.

— Такое существо, — Эхо нашла подходящее слово. — Которое... ну да, иногда появляется и устраивает конец света.

— Конец света был в 5480 году, — основы Бер вроде бы знал неплохо.

— Ну, это один из, — откликнулся Улисс.

— Их чего, несколько было?

— Пф, — сказала Ава.

Ты мне тоже не нравишься, подумал Бер.

— Конец света не означает, что мир остановился, — сказала Эхо. — Конец света это просто... конец света.

— Крайне неприятная штука, между прочим, — сказал Улисс. — Не советую.

— И что мы... вы с ней будете делать? — С концами света Бер дела еще не имел.

— Да ничего особенного, — ответил Улисс. — Споем колыбельную, придет мамочка и мы...

Ава перебила:

— Принесем тебя ей в жертву. А дальше все пойдет как по маслу.

— Ясно... — автоматически откликнулся Бер, а потом вскинулся, чуть не пробив потолок головой. — Че-го?

— Ну а как ты хотел? — серьезным тоном ответил Улисс. — Для охраны нам и Эхо хватило бы.

— Да, черт, да вы чего? — Бер в ужасе посмотрел на Эхо. Она с трудом сдерживала смех.

— Они дразнят тебя, расслабься.

— Вот еще, — хором сказали Ава и Улисс.

Ава добавила издевательским тоном:

— Конечно, нет!

И оба захохотали, признавая правоту Эхо. Суки. Не зря некоторые агенты их не любят, с такими-то шутками.

Бер надулся и замолчал, отвернувшись к окну. Все та же пустота до самого горизонта, но хотя бы не эти два издевательских затылка.

— Ладно тебе. Это же шутка, — Эхо слегка толкнула его коленом. — Тяжелая новичковская доля. Все через это проходили.

Бер не ответил. Был убежден, что эти двое так прицепились только к нему.

— Эй, — Эхо еще раз толкнула его. — Все помнишь, что делать?

Он помнил. Не подпускать никого, пока охотники не убьют

существо и не отменяют конец света. Звучит как полный бред, но он привык. Ну, вроде бы.

— А как оно выглядит? — обиды обидами, а знать все же надо.

— Как маленькая девочка. Маленькая такая девочка в голубом платье, которая все время плачет. Не ошибешься.

Беру стало неприятно.

— Вы собираетесь убить ребенка?

— Она не ребенок, — сказала Ава. — А хтонический пиздец. Эхо, у вас там инструктажи совсем отменили?

— Ах какая благодать, ни хрена нам не видать, — пропела Ава, выгрузившись из машины. На кладбище стоял густой туман, видно было только первый ряд крестов и памятников.

— Вот удивительно, 23-й век... 23-й же, да? А хоронят таким варварским способом, — Эхо была из проспавших и «старые времена» все еще иногда шокировали ее.

Бер, родившийся в 1954 году, пожал плечами, для него кладбище выглядело почти нормальным. Если не считать, что некоторые памятники были очень странной формы (надгробие в виде зайца его особенно поразило) или раскрашены в яркие цвета.

— Пойду прогуляюсь, — Ава вопросительно посмотрела на Улисса, тот кивнул.

Ава шла вдоль рядов могил, вглядываясь в плотный туман, прислушиваясь, даже приносясь. Потеряшка могла быть где угодно, много ли надо маленькой девочке, чтобы спрятаться. Если она выглядит как маленькая девочка. Так-то всякое бывает, взять, скажем, 2012-й...

Малышка нашлась возле двойной могилы. Маленькая такая девочка в голубом платье сидела между надгробиями и, конечно, плакала. Она всегда плачет. Мааа-ма, мааа-ма — как кукла. Ава присела рядом, погладила Потеряшку по голове и запела.

Возле машины встрепенулся Улисс.

— Нашла.

Он быстро пошел в туман.

— Как он понял? — спросил Бер. Эхо пожала плечами: свои методы.

— Ты помнишь, что делать?

— Помню, помню, — отмахнулся он. — Никого не подпускать. Если что, стрелять.

— Хорошо, — кивнула Эхо. — Сильно не увлекайся, патроны зря не трать. Живых людей не трогать. Снимать только дохляков.

— А когда они полезут?

— А вот уже и полезли! — Эхо вскинула ружье. — Главное, держи их подальше от ребят.

Улисс навытяжку встал за спиной у Потеряшки. Ава даже не взглянула, сидела рядом с девочкой, раскачивалась, пела колыбельную. Или то, что можно было за нее принять, если не разбирать слова.

Матушку будем ждать,
Кровушку будем пить.
Плачь, моя деточка, плачь,
Матушку будем ждать.

Мертвяки лезли из всех ближайших могил, взрыхляли землю, выламывали гробы и надгробия. Были они в основном несвежие, неопрятные и сильно встревоженные. Бер пожалел, что забыл спросить, лезут они на Потеряшкин плач или на пение Авы. Это еще разберись, кто тут главный ответственный за конец света.

Матушка скоро придет,
Кровушки детке нальет.
Плачь, моя деточка, плачь,
Матушка скоро придет.

Ава не видела мертвяков, она о них даже не задумывалась. Для этого есть Эхо и Бер. Для последнего жеста есть Улисс. Ее дело удержать Потеряшку на одном месте и докричаться до Матушки. Вокруг двойной могилы земля пошла трещинами, вздыбилась.

Матушка песню поет,
Деточка кровушку пьет.
Плачь, моя деточка, плачь,
Матушка песню поет.

— Ни хрена себе песенка, — сказал Бер, вслушавшись. — А... она там не одна, что ли?

— Что? — Эхо промазала по крупному мертвяку в синем костюме в

полоску. — Твою мать.

— Голоса, — объяснил Бер. — Поют на несколько голосов. Ты не слышишь?

— Не слышу, — Эхо перезарядилась и сняла сразу двоих. Очень дряхлых, но удивительно борзых.

Плачь, моя деточка, плачь,
Матушка скоро придет.

— А почему из могилы, на которой они сидят, никто не лезет? — спросил Бер.

— А я почем знаю?

Плачь, моя деточка, плачь,
Матушка скоро придет.

Улисс не чувствовал ног. Ава почти охрипла, но продолжала петь — уже на три голоса. Потеряшка плакала все громче, громче, тоскливее, пронзительней. Беру стало нехорошо и... страшно, да? Да, признался он себе, — страшно. Показалось, что всю оставшуюся жизнь он проведет здесь, на кладбище, слушая плач и пение и стреляя по ожившим мертвецам.

Только Эхо палила как заведенная, как железная. Вот бы к ней в напарники навсегда.

Плачь, моя деточка, плачь,
Матушка скоро придет.

Небо потемнело.

— Пришла! — крикнула Эхо. — Не смотри в небо!

Конечно же, он посмотрел.

Матушка стояла над кладбищем, закрывая половину неба, пряча за собой тусклое солнце. Огромная, страшная. Голову и плечи скрывал красный платок, с огненных крыльев сыпались искры, рты были раскрыты — и Бер смог разглядеть маленькие, острые и полупрозрачные зубы. Из белых глаз, глаз без радужки и зрачка текла кровь. Яркая, как гранатовый сок.

— Вот и мама пришла, — ласково сказал Улисс.

Вот и пиздец пришел, подумал Бер. Ему еще никогда в жизни не было так страшно. Он тяжело дышал, глаза слезились, но оторвать взгляда от Матушки он не мог. А она смотрела слепыми глазами прямо на него. В него. И он знал, что за все, что он сделал, Матушка его не простит. Его накажут, и накажут очень жестоко.

Матушка распахнула рты в молчаливом крике, потянула руки — и тянула их, костистые, белые, трясущиеся — долго и медленно, как в дурном сне. Бер понял, что сейчас Аве наступит каюк. Потом Улиссе. А потом очередь дойдет и до них с Эхо. И никакой конец света они не остановили. Потому что он уже произошел. Происходит... прямо сейчас.

Мама пришла.

Бер сорвался. Всхлипнул, вскочил и помчался, расталкивая мертвых, не разбирая дороги — подальше от этого ужаса. И бежал, пока не споткнулся, и не зарылся в мерзлую землю всем телом.

И уже не услышал, как Ава оборвала пение и прошептала «Давай!». Не увидел, как Улисс одним быстрым движением перерезал Потеряшке горло, и как она захлебнулась собственной кровью — пожалуй, слишком густой и темной.

Эхо стреляла.

Бер грыз землю, его трясло.

Улисс поднял Потеряшку на руки, протянул к небу. Матушка приняла ее.

— Прости нас, — сказал Улисс, не поднимая голову.

Матушка оскалилась.

— Прости нас, — прошептала Ава, глядя в землю.

Матушка завывала.

— Прости нас, прости нас, прости... — они шептали хором, и Эхо, следящая за мертвыми, тоже шептала. Даже Бер, умирающий от ужаса, говорил «простите меня», не понимая смысла этих слов.

Прости нас, молили мертвые, воздевая руки к небесам, прости нас, Матушка, прости нас, мы больше не будем, прости, мы станем хорошими детьми, тихими детьми, вежливыми детьми, мы ляжем спать в восемь, мы уберем игрушки, съедим всю манную кашу в мире, получим все пятерки на свете, мы не будем капризничать, мама, честное слово, мама, мама, прости нас, мама!

Матушка плакала кровавыми слезами, Матушка прижала к себе Потеряшку и растворила ее в себе. Матушка кричала всеми своими ртами. Кричала так, что было слышно на тысячи лет вперед и тысячи лет назад. Матушка не прощала, но и выбора у нее не было. Сыпались искры.

Где-то в конце времен хором завывала Сторожевая Банда.

А потом Матушка исчезла. Конец света случился, но никто не заметил.

На кладбище было тихо-тихо, хорошая спокойная тишина. Мертвяки лежали там, где их настало исчезновение Матушки. Обычные покойники, никуда не стремятся, ничего не хотят. Закопать бы их обратно, да некому.

Бер встал на ноги с тоскливым ощущением, что лучше бы он был мертвым. Потому что сейчас он был хуже, чем мертвый. Он был трус и предатель. И никому никогда он не объяснит, как страшно ему было, как невыносимо страшно.

Почти также, как сейчас невыносимо стыдно.

Он ненавидил Эхо, которая пришла к машине первой. Не мог посмотреть ей в лицо, мечтал, чтобы она обругала его, двинула в нос, а еще лучше закопала бы прямо тут. Можно живьем. Эхо ничего ему не сказала, складывала ружье в багажник, чем-то гремела. Эхо слишком устала, чтобы объяснять Беру, что он конченный засранец.

Бер молча глядел, как возвращаются Ава и Улисс: едва передвигая ноги, держа друг друга за руки, как парочка детсадовцев на прогулке. И пижама Авы, и костюм Улисса были измазаны землей, кровью и чем-то еще, очень отталкивающим на вид. Может, слезами.

— А у нас же есть вино, правда? — вяло спросила Ава, когда они дошли до машины и со второй попытки обосновались на заднем

сидении.

Эхо молча протянула им бутылку.

— Я облажался, — третий час езды в тишине довел Бера до полной невозможности ее терпеть. Улисс и Ава спали, воткнувшись друг в друга головами, Эхо изучала окрестности: дорога назад всегда короче, но сложнее, пропустишь указатель и привет, в жизни до бургерной не доберешься.

— Да ну? — спросила она.

— Я трус, — сказал Бер. Он чувствовал себя отвратительно и никак не мог подобрать слова, чтобы получше унижить себя. — Я... я...

— Ты испугался, — внезапно мягко ответила Эхо. — Это нормально. Встретить Матушку и не обосраться от ужаса, знаешь ли, не удавалось еще никому.

— Но они... — Бер махнул ладонью назад.

— Эй, они другие, они для этого, не знаю, вроде как рождены, что ли. Короче, это их работа.

— Все равно, — Бер сжал губы, словно пытался не расплакаться. — Ты тоже не пряталась.

Эхо пожала плечами. Делов-то. Уже никакой разницы: все, что было во времени, остается во времени; когда-нибудь Бер это поймет, а пока... да пусть помучается немного. Новичкам полезно.

— А я, блядь, обосрался, как... как... как пацан обосрался! — не унимался Бер.

— Обосравшихся приносят в жертву, — пробормотала вдруг с заднего сиденья Ава. — Дайте поспать уже.

Эхо едва сдержала смех.

Инцидент с посетителями (Сцена после титров)

— Так они ее убили?

— Горло вскрыли. Кровищи — во!

Гурам покачал головой и подлил Беру кофе. Понятное дело, Ава и Улисс занимаются чем-то очень-очень странным, он первый свидетель. Но перерезать кому-то горло? Тем более маленькой девочке. Ну нет.

— Ну нет, — сказал он. — Она же ребенок, они не могли.

— Она не ребенок. Она, этот... хронический пиздец! — Бер ссыпал в чашку почти половину сахарницы, после чего Гурам осторожно отодвинул ее подальше. Свои своими, а сахару на этих своих не напасешься.

— Монстр она, понятненько? Она плачет, а мертвяки лезут, а потом еще эта... мамашка пришла, — Бер дотянулся до сахарницы и уже собрался опустошить ее полностью, как на входной двери звякнул колокольчик.

— Добрый день, господа.

Трое вошедших выглядели нехорошо. Недобро. Две женщины в плюшевых спортивных костюмах и невысокий толстый мужик, словно из кино про гангстеров — шляпа, длинный плащ, черно-белые штиблеты. Томми-ган в руках.

— Кхм... Здравствуйте, возьмите меню, — сказал Гурам. Мало ли кого сюда заносит, оружие еще ничего не значит. — Официантка сейчас к вам подой...

Договорить ему не дали. Гангстер сунул томми-ган практически в лицо бармену.

Бер просыпал остатки сахара на столешницу и пожалел, что оставил ружье в багажнике пикапа. Но кто ж знал-то? Сроду здесь такой наглости себе никто не позволял.

— Э? — спросил Гурам.

— Ищем людей. Убили маленькую девочку. На кладбище. Вы что-то знаете? О них? — спросил толстый гангстер. Он говорил странно, отрывисто, с трудом выталкивая слова из горла.

Гураму стоило больших усилий не скосить передний глаз на Бера.

— Лучше бы вам говорить, ребята, — добавил гангстер, снимая шляпу и небрежно бросая ее на стойку.

Гурам удивился, что он может удивляться. До сих пор он тут считался самым странным существом. Но и мужик претендовал минимум на второе место. Белые волосы, белые брови, белые ресницы и ярко-лиловые радужки глаз впечатляли. Альбинос, вспомнил Гурам, это называется альбинос, ничего такого. Вот что он глазами вертит как псих, это да, это неприятно.

— А... а... мы ничего и не знаем, — сказал пришедший в себя Бер. Он все еще держал в руках сахарницу, раздумывая, получится ли ей врезать, хорошо бы наверняка. Легкая очень, надо кому-нибудь сказать, чтобы заменили.

— Вы знаете, — сказала гангстер, переводя оружие на Бера. Бер с

треском опустил сахарницу на стойку.

— Мы никого не тронем, если вы нам расскажете, где их искать.

Тревожная кнопка под барной стойкой слева, вспомнил Гурам. Дотянусь? Он начал приседать, медленно-медленно. На шоссе кто-то засигналил. Спортивные женщины придвинулись. Бер напрягся. Гангстер поднял томми-ган. Радио сообщило точное время. Звякнул колокольчик.

Раздались выстрелы.

Бер, кувыркнувшись, скатился со стула, отпрыгнул к холодильнику с напитками; стеклянной бутылкой от колы вполне можно хорошо поработать. Гурам осел на пол и дотянулся до кнопки. Бургерную залила аварийная трель.

Улисс опустил ружье и подошел к стойке. Перегнувшись, нащупал кнопку, остановить тревогу. Махнул Гураму: вылезай.

Гурам вылез. Бер перестал выламывать дверцу холодильника.

Улисс сказал:

— Дайте-ка штопор.

В бургерной не было никого кроме них троих. Никого. Ни женщин, ни гангстера. Трупов не было тоже.

Пахло порохом и еще чем-то неприятным. Но непонятно чем. По радио завели Элвиса.

— А-а? — спросил Гурам, снова ныряя под стойку за штопором.

Улисс пожал плечами, потянул на себя забытую шляпу.

— Не понравились они мне что-то, — он швырнул шляпу в сторону двери. — Увидите Аву, скажите, что я вино хорошее достал. Пусть зайдет.

[Сучка]

Он подобрал ее как щенка. Буквально. Увидел чумащую тощую девчонку, попрошайничающую у киоска с хот-догами, и забрал с собой. Дома отвел сначала в ванную (буркнув уже окосевшей от водки матери, чтоб не смела и пальцем тронуть), а потом на кухню. В тот день из еды у него были только картошка и совсем немного подсолнечного масла (он прятал его от матери за помойным ведром). Но девчонке хватило и этого. Она не умела есть вилкой, хватала жареные куски картошки пальцами и быстро запихивала в рот, урча, как голодный зверь. Он внимательно смотрел.

Потом задавал вопросы. Как звать? Катька. Сколько лет? Пять. Где живешь. Там, на Советской. Где мамка? Померла. А батя? Дома с дядьками. Плохо с ним, есть нечего.

— Будешь жить здесь, поняла? Слушаться меня и не вякать. Буду кормить.

Она осоловело кивнула, чуть не упав с табуретки. Он оттащил ее в свою постель, замотал в одеяло без пододеяльника. Нашел в шкафу старого плюшевого зайца, еще из тех времен, когда ему покупали игрушки и пели колыбельные. Сунул под бок, сказал строго: спи. Зря сказал, она уже отключилась.

К батюшке он потом ходил. Недели через две. Шухера не было, тот едва понял, чего этот десятилетний пацан от него хочет.

— Те че? Че те надо? — спрашивал, покачиваясь.

Собутыльники ржали.

— Че-че, девку он твою упер. Жани-и-их.

— Катя будет жить со мной, — повторял он раз за разом, пытаясь донести эту нехитрую мысль до мужика в засаленной желтой рубашке. — Я предупредил. Не надо ее искать.

— Водку прин-нес? — рубашка пытался сфокусироваться, принимая его за нового собутыльника.

— Катя будет жить со мной.

— Жани-и-их!

Ее и не искали. Она и подавно обратно не рвалась. Мать приняла Катьку равнодушно, есть и есть. Дом большой, похеру, вечно тут то кошки, то еще бог знает кто ошивается. Сидит тихо, на водку не претендует, и ладно.

Он учил ее всему, что знал сам. Чистить зубы, мыть полы, жарить картошку, воровать еду и сигареты в магазинах, драться насмерть. Учил убегать от ментов и охранников, а если попала, жалобно плакать и проситься к маме. В десяти случаях из десяти находились заполошные тетки, которые отбивали милую зареванную девочку, а отбив, теряли к ней интерес, и можно было смываться без последствий. Учил шмонать

подвыпивших пиджаков в электричках и отвлекать внимание приезжих лохов на вокзале. Учил смотреть под ноги и пролезать в узкие щели заборов, заранее проверив, нет ли за забором собаки или охранника. Попрошайничать запретил.

Он звал ее Сучкой. Беззлобно. Просто домашнее прозвище.

Когда у нее что-то не получалось, бил смертным боем. Она не плакала, только закрывала голову руками и пыталась свернуться в комок. Но не плакала и не пряталась. Если он был пьяным, его это бесило. Тогда он бил ее еще сильнее.

В школу записал ее сам, выдав за свою двоюродную сестру. Мать, убежденная двумя бутылками дешевой водки, подтвердила. За обещание третьей даже сходила на августовское родительское собрание. Надела самое приличное платье и мутно кивала класснухе, делая вид, что уж кто-кто, а она-то самая лучшая опекунша на свете.

За двойки тоже бил. Она старалась, переписывая примеры по пять, шесть, восемь раз. Учителя жалели ее, одноклассники пытались травить — до первой разбитой головы. Потом обходили стороной. Она научилась искусно воровать бутерброды, чипсы и мелочь из чужих портфелей; половину относил ему.

Когда ей исполнилось десять, он впервые поставил ее на колени. Расстегнул ширинку, зажал ее голову ладонями, сказал — учись, Сучка, пригодится.

Через пятнадцать минут, когда она, проблевавшись в тесном, грязном туалете, чистила зубы, у нее появился план. набросок плана. За следующие годы она как следует его отточила.

Она убила его за неделю до своего четырнадцатилетия. Все рассчитала. Он хорошо ее учил, да и сама не дура. Праздновали день рождения Витька-чумного. Отличный повод нажраться как следует.

Собрались как обычно — в недостроенной общаге на Строителей. Шесть этажей, много маленьких комнат, для всего места хватит — и костер запалить, и поссать есть где. А то и потрахаться, если девок

удастся затащить.

Сучка за девку не считалась. Сучка была Сучка, маленькая тень жожака. Попробуй тронь, сначала сама зубы тебе повыбивает, а потом он еще добавит, вообще костей не соберешь.

Пили много. Витек притаранил бабкин самогон, остальные кому что удалось спереть или достать. Через час, когда все уже были прилично теплые и счастливые, Сучка исчезла. А вернувшись через полчаса, принесла две бутылки водки из ближайшего супера.

— Ай, молодца, Сучечка, — сказал он, обводя друганов мутным взглядом. — Моя школа.

— Поговорить, а? — спросила она. И облизнула губы, пересохшие от волнения.

Он все понял правильно.

— Ну, п-пошли.

Он отхлебнул прямо из бутылки, и, задев стены, пошел за ней. Сучка не пила (он не разрешал, да и самой неохота было), шла уверенно, перепрыгивая через строительный мусор. Он ковылял сзади, чуть не падая и матерясь через каждые два метра.

Она увела его довольно далеко, в маленькую комнатку без окон, заваленную досками и кирпичами. Сюда редко кто добирался. Только зайди сюда, молила она, только не почувствуй подвоха.

Он не почувствовал. Она все рассчитала правильно. Она ударила его ножом восемь раз. Считала.

Снизу удобно бить, пах мягкий, нож входил легко. Он, кажется, даже не очень понял, что умер. Крови вот было много, но и это она тоже предусмотрела. Принесла заранее бутылку с водой и как следует отмылась прежде, чем вернуться. Пацаны даже не заметили. Она честно досидела с ними до полуночи. А нож закопала на пустыре.

Утром вернулась к отцу. Заняла свою старую комнату, вытолкав оттуда какую-то залетную отцовскую шалаву (та даже не сопротивлялась, мычала только). За два часа отмыла все до скрипа и стала ждать.

Ничего не произошло. Повезло и она действительно все хорошо рассчитала. Его даже хватились только месяц спустя, когда мать, в минуту случайной трезвости, поняла, что уже давно не видела сыночку, и понеслась в милицию. Про то, что в ее доме была еще и какая-то Катька, она даже не вспомнила.

Какое-то время Катька еще шугалась ментов на улице, но потом расслабилась и забила. Сама к пацанам больше не ходила, только если настаивали. После его пропажи их немного потрясла милиция, но ничего так и не вытрясла. Про Сучку никто из них почему-то и словом не обмолвился. Катька была им благодарна, но общаться все равно не хотела. Если получалось, обходила стороной.

Она знала, что делает неправильно, и все равно полезла в общагу. Он учил ее: никогда не возвращайся туда, где накосячила. Но Катька не выдержала. Сказала себе, что только глянет и сразу уйдет. Совесть ее не мучала, просто было любопытно. Как он там? Вдруг нашли?

Он лежал ровно на том месте, где она его оставила. Тогда она не догадалась закрыть ему глаза, и так он и остался глядеть в потолок стеклянным и немного удивленным взглядом. Штаны она ему тоже надевать не стала.

— Вернулась, Сучка. Молодец.

Голос шел сзади, она испуганно обернулась и тут же упала на спину. В голове взорвалось, потекли слезы. Живым он никогда не бил ее по лицу.

Он отлупил ее, как ни разу прежде. Бил кулаками по голове, пинал ногами в живот. Орал и плевался, а когда устал, вздернул ее за волосы и расстегнул ширинку. Она не сопротивлялась, знала, что так ей и надо. Заслужила, сучка.

Две недели, пока не сошли синяки, она провалялась дома. А потом вернулась в общагу. Сначала ходила туда раз в неделю, потом два раза. На синяки и ссадины уже не обращала внимания, крала у отца обезболивающие, а на рынке стянула пудру. Позже удалось договориться с ним, чтобы оставил лицо в покое. Она обещала быть послушной.

Несколько раз она пыталась соскочить, удержаться, даже не приближаться к общежитию, но тогда он приходил к ней во сне. Наяву он только бил ее. Во сне себя не ограничивал: ломал запястья, выбивал зубы, однажды прокусил ей щеку. Когда она просыпалась, переломов и ран не было, но боль оставалась. Катя научилась запивать таблетки водкой.

Пожаловаться кому-то ей даже в голову не пришло. Да и кто поверит?

Ава с сомнением смотрела на грязный прямоугольник недостроенной общаги. Выбитые стекла, исписанные стены, кучи мусора, концентрированный ад. Кажется, она даже крысу видела.

— Инспектор, нам точно нужен этот уникальный образец архитектуры?

Улисс пожал плечами. Понятное дело, не нужна, такая заброшка никому не может быть нужна. Но чутье охотника, приведшее его сюда, требовало зайти и посмотреть. На что именно посмотреть, не очень ясно, но ясно, что очень нужно.

— А ты послушай, — сказал он.

К слуху это действие не имело никакого отношения, скорее к какому-то из шестых чувств. Ава прикрыла глаза, слегка наклонила голову. Ей хватило нескольких секунд.

— Хм, — сказала она. — Хм. Интересно. Ладно. Хрен с ней, с этой архитектурой. Пошли.

Три этажа они пробежали, едва касаясь ступенек. На четвертом Улисс резко остановился, так что Ава впечаталась ему носом в спину.

— Где? — спросила, переводя дыхание.

Он крутнулся на месте и рванул по длинному коридору вглубь.

Дверь в маленькую комнату без окон была открыта. На полу, среди досок и кирпичей, сидела девчонка лет тринадцати. Из носа у нее текла кровь, одну руку она прижимала к груди, на вторую пыталась опереться и было видно, что это больно. Призрак невысокого жилистого парня стоял над ней, нехорошо ухмыляясь. В углу душно разлагался его труп.

— Ого, — сказала Ава.

— Угу, — сказал Улисс. — Эй, ты! Отойди-ка от нее.

— Что, Сучка, опять соскочить думала?

Катка постоянно об этом думала, но нет, больше не пыталась. И позавчера она собиралась, честно собиралась прийти, но к ней внезапно приперлась класснуха. Два месяца ей посрать было на Катку, а тут нате, явилась. Три часа залечивала, чтоб Катка в школу вернулась, помощь какую-то предлагала. Катка уже не знала, как извернуться, чтобы ее выгнать. А когда класснуха все же ушла, Катка рухнула на кровать, тупо выдохнуть минут пять, но неожиданно заснула. И все проспала. Теперь расплачивается. Сломанное прошлой ночью запястье ужасно болело.

Он бил ее уже минут десять. Не уставал, только распалялся. Она привычно прикрывалась, привычно пыталась свернуться калачиком, привычно ждала, когда все закончится и он возьмет ее за волосы.

— Эй, ты! Отойди-ка от нее, — сказал кто-то от двери. Катка повернулась. На пороге стояли мужик и баба, странные, но вроде не менты. У бабы волосы зеленого цвета, мужик весь такой умытый, пидор, что ли.

— Отойди, — повторил Улисс.

— А то че? — призрак оскалился.

— Ничо, — рявкнула Ава. — Отвали, тебе сказали.

— Не надо, — сказала вдруг девочка. — Я заслужила. Я его убила.

— Слышали? — загоготал призрак. — Сучка заслужила! Не хер мочить меня было.

— Иди ко мне, пожалуйста, — сказал Улисс, протягивая девочке руку. — Как тебя зовут?

— Катка.

— Катя, иди ко мне. Он тебе больше ничего не сделает.

Катька помотала головой: спасатели хреновы. Ну, пойду я с вами, а потом че? Вы свалите, а он вернется. Только хуже будет.

— Катя, я обещаю.

Тут до Катьки дошло. Они его видят, что ли? Он не раз говорил, что никто, кроме нее, никогда его не увидит. Показывал ей на пацанах, которые так и продолжали здесь собираться, и на залетном бомже, и на крысах, которые шли напролом, соображая, что что-то не так, только после хорошего пинка. Он ее личный, персональный кошмар. Никто никогда...

— Вы его видите?

Катька попыталась встать. Или он врал? Или они особенные? А почему он сам не удивляется? Врал все-таки. Думать было тяжело, сегодня он начал с трех крепких ударов по Катькиной голове, трещать будет еще долго.

— Мы его видим, — сказала женщина.

— Видят-видят, — вдруг подтвердил он, пиная поднимающуюся Катьку под колени. — Ох и видят они меня-а-а. В последний, сука, раз они меня видят.

— Это вряд ли, — сказал Улисс, медленно снимая рюкзак. — Катя, слушай меня. Мы разберемся. Он тебя больше не тронет.

Катька, не вставая, немного сдвинулась в сторону двери.

— Че, Сучка, веришь им? — он опять загоготал. — Не ссы, я тебя не брошу.

Улисс раскрыл рюкзак и пошарил в нем. Катька не верила, что эти двое смогут ее спасти. Но все-таки сдвинулась еще немного. Чуть-чуть, чтобы он не заметил.

— Катя, ты сейчас выйдешь отсюда. Выйдешь из здания, перейдешь на другую сторону улицы. Можешь смотреть, но не вздумай возвращаться. И все будет хорошо.

Улисс достал из рюкзака два ножа и быстрыми точными движениями метнул их в призрака. Катька броска даже не заметила,

увидела уже, как ножи входят ему в кроссовки. Глубоко, словно пробili не только ноги, но и бетон. Над шнурками слегка вибрировали рукоятки из темного дерева.

И он завыл. Перестал смеяться и завыл! Задергался. Катька смотрела, не отрываясь: он не мог сдвинуться с места. Ножи ему не давали.

— Уходи, Катя, — сказал Улисс. — Быстро.
— Су-у-ука!

Катя вскочила. Она поверила. Или очень-очень захотела поверить. Если они могут его удержать на месте, значит, смогут и убрать его совсем? Она побежала.

Она бежала по длинному коридору, слушая, как он воет в маленькой комнате без окон. Не успела Катька свернуть на лестничную площадку, как к вою добавилось пение. Пела женщина, что-то красивое, похожее... да ни на что не похожее! Катька сроду такого не слышала. Очень хотелось послушать, но она не рискнула. Полетела через две ступеньки вниз, почти что выбила дверь подъезда и перебежала через дорогу под возмущенные гудки автомобилей.

Катька смотрела и не верила своим глазам. Недостроенная общага становилась прозрачной. Шла волной. А потом ее словно начали сворачивать в рулон. Огромное шестиэтажное здание. Так не бывает, блядь! Так не бывает!

Если это правда, думала Катька, если только он больше не появится... Если он сдохнет совсем, я вернусь в школу. Пусть класснуха радуется. Вот синяки последние подлечу и вернусь. А еще... батю пить отучу! Всю водку выкину, сама больше не буду и его отучу. Сомнительное обещание, но в этот момент Катька в него твердо верила.

Общага свернулась, превратилась в гигантское полупрозрачное кольцо, а потом и вовсе исчезла. На ее месте остался пустырь. Самый обычный: трава, мусор и гнутая арматура неясного назначения. Катька вдохнула. Потом выдохнула. Повторила. Засмеялась.

— О, Сучка!

Катька шарахнулась в сторону, чуть не слетев на проезжую часть (снова кто-то недовольно посигналил). Оглянулась. За ее спиной дружелюбно лыбился Витек-чумной.

— Сорян, напугал.

Сердце билось как сумасшедшее.

— Слышь, Сучка, а че не заходишь-та? А пойдем выпьем, а? Братана помянем, вожачка нашего пропавшего.

Он приподнял куртку, за ремнем блеснула фляжка недорогого коньяка, который он спер полчаса назад в супере.

— Глянь, че, — он был горд собой. — Пойдем, слышь?

Катька стояла, едва дыша. Куда пойдем-то, придурок? Общаги нет же больше. Или есть? Или ей все померещилось? Она оглянулась. Пустырь. Трава. Мусор. Арматура.

— Куда пойдем-то? — спросила.

— Ну, это, в подвал, как обычно, — Витек даже икнул от удивления. — Где всегда, это, с пацанами.

Катька подошла к Витьку близко-близко. Посмотрела прямо в глаза. Вдохнула. Выдохнула. И сказала:

— Пошел нахуй.

[Вербовщик]

Больше всего на свете Стивен Зейгер по прозвищу Тихий Стив любил подслушивать, подсматривать и узнавать чужие тайны. Тихий Стив был вежлив и незаметен, у него было чутье, он умел втираться в доверие к любым живущим на свете существам и он знал главное правило успеха: кто владеет информацией, тот владеет миром. До владения миром еще было далековато, но кое-чего он определенно уже добился.

Время от времени он делился добычей с особыми людьми по особым поводам. Особые люди были благодарны. Или злы; но в обоих случаях способствовали повышению финансового благополучия Тихого Стива.

Основная работа Стивену Зейгеру такого удовольствия, увы, не

доставляла. Заниматься вербовкой в мелкой банде под покровительством одной из Пяти Семей — не самое достойное занятие для умного человека, считал Тихий Стив. Но отказываться пока не спешил. В основном, ради денег.

Почти все заработанное Тихий Стив тратил на краску для волос, девушек, которым он как правило совершенно не нравился, и взносы на лояльность барменам, охранникам и швейцарам. Недавний эмигрант, каких-то два года назад сошедший с монорельса без гроша в кармане, Тихий Стив совсем скоро будет обладать одной из крупнейших сетей осведомителей в Новом Новом Йорке.

Но сегодня Стив решил просто отдохнуть. Посидеть в уютном спикизи на 34-й улице. Немного выпить, может быть подцепить девчонку. Слушать только, если услышит что-то особенное. Совсем-совсем особенное.

Бар был тих и уютен, завсегдатаи подтянутся немного позже. Пока, кроме Тихого Стива, здесь был лишь один посетитель. Светловолосый мужчина сидел у стойки со стаканом виски и изучал таблички. Одна из них гласила: «Удивишь бармена — выпивка за наш счет». Когда-то именно Тихий Стив подсказал эту идею владельцу и с тех пор с удовольствием слушал многочисленные истории, полные хвастовства, вранья и некоторой увлекательной правды, которую он тщательно запоминал. Память у Тихого Стива была преотменная.

Стив расположился на любимом месте в углу стойки (отсюда отлично видно весь зал, включая входную дверь и двери в уборную), кивнул бармену и, дожидаясь пока тот нальет ему канадского виски, закурил, в полглаза рассматривая светловолосого.

Человек тот был как человек, ничем не примечательный. Даже хуже, чем ничем. Слишком обыкновенный. Лет пятидесяти, над худым и несколько уставшим лицом светлые волны волос. Одет недешево, но выглядит так, словно полчаса назад зашел в магазин и просто отвалил денег за первый же севший по фигуре костюм. Ни единой изюминки, ни пятен на лацканах, ни цепочки часов, ни шейного платка, ничего. Не за что зацепиться. Может быть кем угодно. Такой же человек-невидимка, как сам Стивен Зейгер.

— Вы когда-нибудь задумывались о путешествиях во времени? — спросил человек-невидимка. Тихий Стив хмыкнул: табличка работала идеально.

— Мистер Уэллс? — с легкой иронией, призванной скорее разговорить посетителя, чем обидеть его, спросил бармен. Сегодня выпивкой заведовал Паоло, большой мастер поддержать даже самый нелепый диалог.

— Нет-нет, что вы, — засмеялся невидимка. — Мистер Уэллс написал замечательный роман, но все же он, к сожалению, теоретик.

— А вы, получается, практик?

— О да.

Тихий Стив вздохнул и начал слушать.

— В нашем случае нет необходимости ни в какой специальной машине времени, — Невидимка поднял бокал и сделал большой глоток. — Сойдет и самая обыкновенная. Впрочем, при желании можно воспользоваться автобусом, велосипедом или пойти пешком. Если вы, конечно, не планируете забраться слишком далеко. Самое важное: знать, куда, а точнее когда вам нужно, выехать на Шоссе Времени и разобраться с указателями.

— Звучит довольно просто, — заметил Паоло. — Как находят это Шоссе?

— О, самостоятельно вы его вряд ли найдете. Для первого раза нужен проводник и... кое-что еще в вас самом. Но потом, дальше вы будете находить его безошибочно.

— И можно попасть в любое время? Например, отправиться лет этак на десять лет назад и отменить эту чертову Восемнадцатую поправку? — не то, чтобы Паоло был недоволен сложившимся положением вещей, но разговоры с упоминанием Сухого закона всегда идут активнее.

— Отправиться на десять лет назад вы, безусловно, сможете, но вот с отменой поправки, боюсь, придется крепко повозиться. И без гарантированного результата. В целом же, изменение прошлого — это не то, о чем стоит беспокоиться, отправляясь в путь.

— Тогда зачем же вообще путешествовать?

— В первую очередь, для удовольствия, конечно же. Разве вам не хотелось бы посмотреть своими глазами на то, как строилась Великая Китайская стена или как Колумб впервые сошел на берег этой благословенной страны. Познакомиться с тем же мистером Уэллсом или выпить чаю с Клеопатрой.

Паоло с сомнением покачал головой. Клеопатра и Колумб очевидно не входили в сферу его интересов. Идея с Восемнадцатой поправкой гораздо богаче. Ну, а если собственное прошлое изменить?

— И это тоже невозможно, увы. Законы времени устроены так удачно, что вам просто не удастся встретиться с самим собой. Не выйдет. Скажите, вам нравится ваша работа?

— Моя работа? — вот тут Паоло действительно удивился, так резко Невидимка сменил тему. — При чем тут моя работа-то?

— Я подумал, что возможно вам хотелось бы сменить поле деятельности. И, если это так, я мог бы предложить вам кое-что полюбопытнее, чем протирать стаканы в подпольном баре.

Паоло задрал брови. Тихий Стив затаил дыхание: что-то действительно интересное?

— Далеко-далеко отсюда, почти в самом конце времени один человек создает нечто поистине уникальное. Можно сказать, воссоздает мир заново. Строит город, подобного которому не было ни в одной эпохе.

— Строители, что ли, нужны? — довольно глупо спросил Паоло. Кто ж строителей из барменов набирает? Полны биржи настоящих, только

свистни.

— Ну что вы! — Невидимка даже замахал руками. — Этот город, как я уже заметил, совершенно уникален. Единственный в своем роде. К тому же, в конце времен строить решительно не из чего и нечем. В мире не осталось ни людей, ни растений, ни инструментов, ничего, что могло бы помочь в строительстве.

— Тогда как? — Паоло задал этот вопрос вслух, Тихий Стив про себя.

— Существуют некоторые, назовем их так, технологии, что-то между физикой и магией, которые позволяют выбрать любое чудо света, любое самое прекрасное здание и перенести его туда, куда необходимо. Но нужны люди, которые готовы этим заниматься. Оплата, жилье, все, что необходимо. Путешествия по Шоссе Времени и чаепитие с Клеопатрой прилагаются.

— Но, получается, вы воруете эти здания? Так, что ли?

— Нет-нет, ни в коем случае! — Невидимка снова махнул рукой. — Во времени всегда есть момент, когда любой вещи приходит конец. Дома разрушают, ломают, сносят, теряют, забрасывают. Уничтожают десятками способов. И если правильно рассчитать время, то можно изъять любое здание и никто ничего не заметит.

Невидимка замолчал. Над барной стойкой повисла тишина, словно Паоло не мог выбрать, какой вопрос задать следующим.

— А этот человек... — наконец решился он. — Он ваш босс?

— Он мой друг, — улыбнулся Невидимка. — Мне нравится помогать ему.

— Хорошо, но почему я?

— Если вы помните начало нашего разговора, то я упоминал о том, что для путешествий по Шоссе Времени нужно кое-что в вас самом. Некоторое родство с временем, назовем это так.

— Не понимаю, — Паоло уже и стаканы отставил и заворуженно смотрел на гостя, даже и не пытаюсь предугадать, что же еще более странное он сегодня услышит.

Тихий Стив, не веря ни единому слову, тоже был чертовски заинтригован. Такого он точно еще никогда не слышал.

— Как часто вы опаздываете? — спросил Невидимка. — Вовремя ли открываете и закрываете бар? Рассказала ли вам ваша мать, в каком часу вы родились? Посмотрите мне в глаза и скажите, сколько сейчас времени?

— Начало седьмого.

— Точнее, — потребовал Невидимка.

— 6 часов 13 минут.

— А теперь посмотрите на часы.

Тихий Стив успел посмотреть первым, буквально выдернул часы из кармана. 6 часов 13 минут. Паоло угадал. Или не угадал, а... Что? Почувствовал? А ведь действительно, вспомнил он, Паоло всегда точен. И дело не только в открытии бара. Рассказывая очередную полезную сплетню, Паоло обязательно добавлял, когда он ее услышал. Во сколько вошли клиенты, во сколько ушли, сколько времени проговорили. До минуты, и никаких оборотов вроде «сидели часа два-три».

Тихий Стив так увлекся обдумыванием природы Паоло и времени, что упустил момент, когда Невидимка начал собираться.

— Это моя визитная карточка, — Невидимка бросил на стойку прямоугольник полупрозрачного пластика. — Если надумаете, приходите по этому адресу, сошлитесь на Улисса. Там вам подскажут, что делать дальше.

Когда Невидимка, не заплативший ни цента за виски, исчез за дверью, ведущей наружу, Паоло хмыкнул и обратился к Стиву:

— Вот уж удивил, а? Я прямо поверил.

Тихий Стив не ответил. Несколько секунд он что-то мучительно обдумывал, а потом бросился к двери. Никакая фантастическая байка не может заканчиваться визиткой из пластика и реальным адресом. Значит, за этой историей есть что-то еще. Что-то особенное. Не вранье про Шоссе Времени, конечно, но что? Ему нужно было узнать.

— Простите, сэр, — он нагнал Невидимку возле магазинчика мужской одежды. Возможно, того самого, в котором тот покупал себе костюм. — Я случайно услышал как вы разговаривали с барменом...

— Да-да, — дружелюбно откликнулся Невидимка. — Чем могу помочь?

— Мне интересна ваша работа. Могли бы вы...

— Нет, — Невидимка ответил чуть резче, чем того требовали правила приличия. — Простите, но нет. Вы не подходите.

— Но почему? — Тихий Стив опешил, такого отказа он не ожидал. В его работе добровольцы ценились выше уговоренных. — Возможно, я не так хорошо, как Паоло чувствую время, но и не настолько же плохо. Почти не опаздываю. Гораздо меньше, чем многие.

— Но сейчас вы опоздали. Да и, честно признаться, вам такая работа совершенно не нужна. Зачем путешествия во времени тому, кто в них абсолютно не верит?

— Но...

— Не смею вас больше задерживать, — Невидимка приподнял шляпу и не спеша продолжил свой путь. Рассерженный Стив пнул попавшийся под ногу камень и бросился назад в бар. У Паоло осталась визитка, нужно ее как следует изучить.

Больше всего на свете Стивен Зейгер по прозвищу Тихий Стив ненавидел оставаться в неведении. Какая бы, пусть и самая дурацкая,

тайна не стояла за байкой человека-невидимки, он обязательно до нее докопается. Вот тогда и поглядим, кто для чего подходит.

[Последний человек]

Человек бежал. Человеку было страшно. Коридоры Станции — такие привычные, обжитые, понятные — казались чужими. Свет другой — тусклый и тяжелый. Цвет стен, угольный, матовый, когда-то успокаивал, теперь — тревожил. За спиной кто-то дышал, подвывал, всхрипывал. Человек не оборачивался.

Тени появились больше месяца назад, когда умерла мать, но братья еще были живы. Он не знал, что они такое. Станция пока защищала его, но спасти, наверное, не могла.

Она никого не спасла.

Тяжело дыша, человек остановился. Сплюнул. Сполз по стене. Скорчился на черном полу. Он слышал, как тени дышат, но что-то пока не давало им подобраться к нему близко. Не давало убить его.

Человек снял с рукава маленькую пластиковую тубу с таблетками. Красные — еда, желтые — витамины, синие — восполняют жидкость в организме. Лиловые таблетки — лекарства. Разные. Зависит от оттенка, их семь. Если выпить все лиловые сразу, можно умереть. Быстро, он видел, как это происходит.

Человек пока не хотел умирать. Он знал, что рано или поздно придется, но все равно не хотел. Все умерли, чем он от них отличается. Почему бы не сделать это самостоятельно. Семь оттенков лилового убьют его быстро. Многие так и делали.

Но человек не хотел умирать. Красная таблетка, желтая, синяя. Крохотный монитор на левой руке показывал, что организм в порядке. Можно жить еще долго. Но зачем жить последнему человеку на Земле?

Далеко в коридорах кто-то вздохнул.

Человек просидел у стены несколько часов. Не хотелось двигаться. Природа заставила. Человек встал, сделал несколько шагов и, спустив штаны, снова присел. Через три минуты Станция ликвидировала испражнения, растащив их на атомы, впитав в себя. На Станции всему найдется свое применение. Человек не смотрел; когда он умрет, с ним произойдет то же самое.

Кто-то скрипел, скрежетал и царапал черные стены.

Он привыкал к этим звукам, старался не думать о них, не замечать. Пока тени не добрались до него, это просто фон. Как гул вентиляции, как тонкий зуммер систем жизнеобеспечения. Просто фон. Легко игнорировать.

Человек изучал тубу. Таблетки красные, желтые, синие, лиловые. Если проглотить все лиловые сразу — умрешь. Даже если не хочешь.

Совсем рядом что-то зашипело. Хрипнуло. Человек вздрогнул, отвлекшись от таблеток.

— Ла-ла-ла, — произнес чей-то голос.

Человек подпрыгнул, уставился на крохотную рацию, которую привычно — хотя и бессмысленно — носил с собой. Черная коробочка, молчавшая уже несколько недель, ожила. Моргнула зеленым огоньком, снова зашипела. Откашлялась.

— Ла-ла-ла, ну и дела, — сказала. — Есть кто живой? Прием.

Человек схватил рацию, нажал на кнопку.

— Кто это?! — крикнул. — Кто здесь? Прием!

— О! — ответила рация. — Есть. Мне везет!

Человек бежал. Человек был почти счастлив. Он был не один! Время от времени человек останавливался, чтобы поговорить. Проверить, что голос не оставил его.

— Ты же сможешь меня найти? — спросил голос. — Мне, честно говоря, очень скучно тут сидеть.

— Я стараюсь! — ответил человек. — Я очень стараюсь. Если бы знать координаты, было бы проще.

— Прости, — вздохнул голос. Человеку он очень нравился: высокий и немного хриплый, распевный. — Прости. Если бы знать, как узнать эти координаты.

Человек соображал. Станция была очень большая: когда-то здесь жило множество людей. Чтобы найти обладателя голоса придется хорошо побегать. Человек обязательно должен был его найти.

Даже если придется идти туда, где дышат и стонут тени.

— Как тебя зовут? — спросил голос. Уже давно человек шел по коридорам. Наугад. На удачу. Голос говорил, что сидит в маленькой комнате без дверей, без мебели, без ничего. Это было непонятно. Комнат «без ничего» человек не знал. Зачем бы они были нужны?

Человек назвал свое имя. Когда он произнес его, вдали раздался вой. Тени как будто подобрались ближе. Человеку снова стало страшно.

— А меня зовут Мор-Мор, — сказал голос.

— Мор? Как смерть? — человек удивился, таких неприятных имен на Станции никому не давали.

— Еще чего! — фыркнул голос. — Это, может, смерть зовут как меня.

Человек засмеялся. Конечно, при чем тут смерть. Голос живой. И он живой. И он найдет голос. И... что будет дальше, он не думал. Просто радовался, пробираясь по черным коридорам. Свет, который еще несколько часов назад нервировал его, казался теперь праздничным и радостным.

— А ты кто? — спросил он. — Откуда взялся?

— Поохотиться пришла. А тут комната — раз — и дверь съела.

Человек удивился снова: на кого тут охотиться и почему голос говорит о себе в устаревших формулировках. Но тут же решил, что второй вопрос неважный. Если ему... ей нравится, значит, он тоже будет использовать этот род. Первый вопрос был интереснее.

— Поохотиться?

— Ну да, — хмыкнула Мор-Мор. — На призраков.

— Призраки? — он опять почувствовал напряжение. Или она морочит ему голову, или она сумасшедшая.

Или он сумасшедший и уже много часов разговаривает с молчащей рацией. Сам с собой. Это вообще-то невозможно, чтобы она здесь была, эта Мор-Мор. Все умерли. Он остался один.

— Откуда ты взялась? — снова спросил он резко. Резче, чем хотел. — Как ты сюда попала?

— Через дверь, которая потом тоже такая взяла и пропала, — ответила она. — Ты сердишься?

— Дверь можно открыть только изнутри, — он сердился. — Я не открывал.

— Значит, кто-то другой открыл.

— Это невозможно, — рявкнул он. — Все умерли.

Повисла пауза. Потом она мягко, очень тихо сказала:

— Прости. Я не знала, — и немного помолчав еще, добавила: — Но дверь была открыта, правда.

— Кто ты? — спросил человек. — Кто. Ты.

— Я Мор-Мор. Я пришла посмотреть на ваших призраков. Я,

правда, не знала, что ты тут... ты остался один. Я не хотела тебя пугать.

— Здесь нет призраков, — невпопад ответил он. Вдалеке кто-то утробно заворчал на несколько голосов. На краю зрения завозились тени. Он решил не обращать внимания.

— Есть. И ты знаешь об этом.

— Нет! — крикнул человек и замолчал.

Они молчали очень долго. Человек шел по коридорам и думал, что если он сошел с ума, то лиловые таблетки могли бы стать выходом. Но он не хотел умирать. Совсем не хотел. Поэтому он продолжал искать. На всякий случай.

— Прости, — ожила рация. — Прости, пожалуйста. Тут такое дело...

— Что случилось? — он откликнулся раньше, чем сообразил, что все еще сердится.

— Такое дело, — повторила она, словно немного сомневаясь в своих словах. — У меня пропали кроссовки.

— Что-о?

— Правда! Взяли и исчезли. Прямо на моих глазах. В смысле, на ногах. Растворились.

Он обдумал ее слова. Станция уничтожала неживую материю. Отходы, мусор, мертвые тела. Распыляла и перерабатывала в что-то, что можно использовать, либо просто прятала в себе. Но она никогда не делала этого с вещами, которыми пользовались люди. Пока рядом были люди.

— Эй, — позвала Мор-Мор. — Ты меня слышишь?

— Я думаю, — ответил он. — Думаю, она думает, что тебя нет.

— Кто — она?

— Станция.

Ему показалось, что в стене что-то движется. По правую руку вспух бугорок, плавно покачался из стороны в сторону и исчез. Он провел ладонью по этому месту. Стена как стена. Угольного цвета, мягкая, немного пружинит. Самую малость. Как всегда.

— Отлично, — сказала Мор-Мор. — Но я-то есть.

— Ты уверена?

Через полчаса она сообщила, что штаны тоже исчезли. Человек напряженно думал. Когда люди умирали в комнатах, Станция блокировала двери и уничтожала все внутри. Чтобы смерть не распространялась дальше. Это было логично, правильно и понятно. Когда внутри будет все стерильно, Станция откроет двери, чтобы там можно было жить снова.

Но Станция никогда не делала такого, если человек еще был жив.

— Тебя не существует, — наконец сказал он. — Или ты моя галлюцинация. Или ты умерла.

— Умерла и не заметила? — ему показалось, что она произнесла это с восхищением.

В стене снова что-то шевельнулось. По коридорам пронесся тяжелый стон. Человек продолжал думать.

— Ты можешь подать сигнал? — спросил он наконец. — Крикни. Постучи. Может, так проще будет тебя найти.

Тишина. Даже тени замолчали, словно тоже прислушивались. Станция большая, очень большая. Мор-Мор могла быть на другом ее конце, в километрах от него.

— Я буду петь, — сказала Мор-Мор. — Если ты поторопишься, может быть, у меня останется что-нибудь из одежды.

Красная, желтая, синяя. На лиловые таблетки человек не смотрел. Он шел по коридорам, вслушиваясь. Гул вентиляции, ворчание теней, шелест рации. Фоновые звуки и никакого пения.

— Знаешь, — сказала рация. — У меня остались одни трусы, но зато я, кажется, поняла, как меня найти.

Он встрепенулся.

— Но это плохой вариант, — добавила она. — Будет страшно.

Он был согласен.

— Я спою одну песню. Песню-приманку. И к тому месту, где я есть, соберутся призраки. Иди за ними.

В стене заворочалось. Вспухло, привлекая внимание, и потекло, поплыло под краской куда-то. Человек поежился, и отправился в ту же сторону. Он не был уверен, что это хорошая идея, но что еще оставалось делать?

Он шел туда, откуда бежал раньше. Навстречу ворчанию, шипению, вою и скрежету. Что-то в стене больше не пропадало, словно взяло на себя функцию проводника. Время от времени он включал рацию и слушал, как Мор-Мор поет.

— Невстреченных и дорогих
Мне слышен тихий зов.
И роза юных дней моих
Дрожит без лепестков*.

— Они точно придут? — спрашивал он, следуя за чем-то в стене.

— Почему нет?

Он почти не делал остановок. Что-то в стене набирало ход. Слышало ли оно песню или повиновалось каким-то иным своим желаниям, человек шел за ним, надеясь на лучшее.

Хотя назвать это лучшим было странно. Вывернув в коридор, ведущий к тому, что когда-то было большим залом для собраний, человек испуганно замер. Отпрянул. Вернулся за угол и долго всматривался в то, что происходит.

Мор-Мор была права: тени пришли к ней. Они бились, выли, царапали пол и стену, скрежетали и грызлись между собой. Более крупные откидывали мелких, рвали их. Мелкие кусали крупных за ноги, не жалея себя.

Человек смотрел, стараясь не дышать, не выдать себя. Он привычно называл их теньями, но теньями они не были. Ощутимые. Телесные. У некоторых не было голов. У других были лица — и в лицах он узнавал многих. Мать. Братьев. Соседей по отсеку. Старшин. Однокашников.

Они были похожи и не похожи. Не было у его матери таких острых зубов, похожих на обломки пилы. Ни один старшина при жизни не пытался взломать комнату, расцарапывая стену длинными когтями. Братья не пытались перегрызть друг другу горла, стоя на четвереньках, а соседи не умели держаться на вертикальных поверхностях.

— И голос мой — уже ничей:
Так снялся птичий стан.
Я слышу музыку речей,
Неведомых устам.

Сквозь рев и грызню теней человек едва слышал ее голос. Но слышал, а, значит, она была рядом. Станция затянула ее дверь, не оставив и шва. И даже если он как-то пробьется к ней, сможет ли он открыть комнату против воли Станции. Он нажал на кнопку рации.

— Я нашел тебя, — сказал он.

Она прервала пение. И тени замерли.

— Отлично, — сказала она. — Открывай.

— Я... не могу. То есть, я могу, я знаю, как, — пока он жив,

аварийные коды должны еще работать. — Но их там так много.

— Призраков?

— Они похожи на людей, которых я знал. Только другие.

Они помолчали. Тени снова начали возню, то, что Мор-Мор больше не пела, им не мешало. Стены вспухали во многих местах и, казалось, вот-вот должны были лопнуть, выпустив наружу того, кто в них прятался. Но этого пока не происходило.

Человек думал.

— Свет, — сказала рация. — Не будет света, не будет теней.

— Свет, — машинально повторил он. — Энергия.

Он видел однажды такое. Аварийное отключение привело к открытию всех дверей. И всех тайн живущих на Станции. Был большой переполох и многие поругались. Тогда еще живых было гораздо больше, чем мертвых.

Если отключить энергию, то дверь откроется. Человек попытался вспомнить, сколько времени прошло, прежде, чем Станция включила все назад. Три минуты? Две?

— Но призраки живут во тьме, — засомневался он. — Разве нет?

— Ну... — задумчиво сказала Мор-Мор, — Свет у нас уже есть и они вместе с ним. А если отключить? Звучит контринтуитивно, я понимаю.

Человек помотал головой. Это было сложно. И страшно. Повредить Станции он не боялся. Станция умеет себя защищать и восстанавливать. Может быть, Мор-Мор даже права и тени пропадут. Но что будет потом, когда свет снова загорится? И найдет ли он Мор-Мор в темноте.

Он нашел. Вспомнил старую сказку и проложил дорожку из таблеток. Красные, желтые, синие, в темноте цвета было не видно. Даже самих таблеток не видно, но если ползти на четвереньках, ощупывая пол

руками, вполне можно было сориентироваться.

Человек полз под монотонный голос Станции: «Аварийное отключение энергии. Сохраняйте спокойствие. Начато восстановление. Аварийное отключение энергии. Сохраняйте спокойствие...». Полз, собирая таблетки, надеялся, что не собьется.

«Аварийное отключение энергии. Сохраняйте спокойствие». Он вдруг понял, что это единственный звук, который он слышит. Возня, рычание и скрежет пропали. Мор-Мор оказалась права: нет света, нет теней. Даже если они и не тени.

Человек добрался до двери ровно в тот же момент, когда замигали лампочки и подача энергии восстановилась. Все еще на четвереньках он ввалился в комнату и наконец встретил Мор-Мор.

И тут же отвел взгляд: Станция уничтожила всю ее одежду. Он успел заметить, что она выше и крупнее всех, кто когда-либо жил на станции — метр шестьдесят ростом, не меньше. Успел удивиться тому, какая у нее странная кожа — розовая, и белая, и немного желтая, как таблетки с витаминами. Увидел, что ее предплечья и бедра были покрыты рисунками. А больше ничего не успел, вспомнив, что дверь сейчас закроется.

— Выходи! — крикнул человек, вскакивая на ноги и отпрыгивая назад в коридор.

Мор-Мор выбежала за ним. Через несколько секунд от двери не осталось даже щели, Станция стянула ее и продолжила очистку.

— Вот, я же говорила! Тени ушли! — весело сказала Мор-Мор. Ее собственный вид явно ничуть не смущал.

С горем пополам человек нашел ей одежду. Старый рабочий комбинезон. Рукава и штанины были ей коротки, ткань слишком плотно облегла тело. Но это было лучше, чем ничего. Он хотя бы мог на нее смотреть. У нее были лиловые волосы. Несколько оттенков, как лекарства.

— Ну что? — спросила Мор-Мор. Они уже далеко ушли от комнаты, и человек успел дать ей красных и синих таблеток (запоздало ужаснувшись тому, как же она просидела там столько времени — без пищи и воды).

— Что? — не понял он.

— Давай искать выход наружу?

Человек удивился. Выходы со Станции, конечно, существовали, но выходить за ее пределы было незачем. Там ничего нет.

— Как же ничего? — удивилась Мор-Мор. — Там солнце. Там Земля. Эээ... деревья растут. Река была неподалеку. Людей не встретила, но почему бы и им не быть?

Он потратил немало времени, чтобы объяснить ей: за пределы Станции соваться не нужно. Там — даже если и признать, что солнце еще светит, — только камни и радиация. Никакой жизни. Никто никогда туда не ходит. Это опасно и неразумно.

— Да есть там все, — сердилась Мор-Мор. — Это вы тут спрятались и ничего не знаете.

— Это самоубийство! — кричал он в ответ. И тут же приглушал голос: тени еще не нашли их, но уже давали о себе знать.

— Здесь-то зато жизнь, конечно! — она ничуть не боялась говорить громко. — Ты на себя посмотри: серый, тощий...

Человек обиженно умолкал и делал вид, что дальше разговаривать неинтересно. Серый и тощий — это нормально, все люди такие. Кроме нее.

— Хорошо, — сдалась Мор-Мор. — Я могу отвезти тебя туда, где все по-другому. Может, хуже, чем где-то еще, но лучше, чем в этом твоём бункере.

— Это Станция.

Человек шел за Мор-Мор, которая искала выход. Он не мешал ей, но и помогать не спешил. Иногда они делали привалы, он делился с ней красными, желтыми и синими таблетками. Он не хотел оставаться в одиночестве. Однажды человек увидел, как в стене снова что-то набухло и исчезло. Человек не сказал об этом.

— И там есть нормальная еда, понимаешь? — она продолжала уговаривать его. — Не таблетки эти твои разноцветные.

— Это нормальная еда, — спорил он. — Другой все равно нет.

— Захочешь — будет.

Мор-Мор рассказывала ему сказки про то, как она охотится на призраков, а еще про жизнь на Земле. Про зеленые деревья, про вымерших животных (в ее рассказах они были живые). Про воздух, ветер, дождь и снег. Про солнце и звезды. Ему нравилось слушать, но он не верил ни одному ее слову. Человек знал, что когда-то, тысячи лет назад, люди жили за пределами Станции, но сейчас такое и представить было нельзя. Там только камни и радиация. А если кто и выжил, то стал мутантом.

— Ты мутант? — спрашивал человек.

— С чего бы? — удивлялась Мор-Мор.

— Если ты жила за Станцией, то ты мутант.

Мор-Мор смеялась и напоминала, что еще недавно он решил, что она мертвая.

Тени шли за ними. Не подбирались близко, но он был уверен, что это дело времени. Человек думал, что будет, когда они найдут выход, и Мор-Мор уйдет. Он останется один.

Может быть, все-таки пойти с ней?

— Может, все же пойдешь со мной?

Выход со Станции обнаружился ближе, чем он рассчитывал. Человек не пытался запутать Мор-Мор, но надеялся, что без его помощи она будет искать двери еще долго. В замешательстве он смотрел, как она пытается вскрыть замок. Человек должен был ей помочь, но он не хотел этого делать.

Человек помог Мор-Мор открыть дверь. Станция сопротивлялась, пыталась стянуть дверь обратно, повторяла: «Предупреждение. Выход наружу может быть опасен для вашей жизни. Предупреждение...». Но человек ее победил.

От яркого света у него заболели глаза. Человек охнул и зажмурился. Мор-Мор ободряюще сжала его руку: потерпи, сейчас привыкнешь.

Человек осторожно открыл один глаз, прищурился, чтобы не было так ярко. На голубом небе кружилась белая вата, под ногами пружинила зеленая трава. Он видел деревья, большую воду, маленькое коричневое животное с высокими ушами. Животное дергало носом. Метрах в двадцати от Станции стоял автомобиль.

— Ну вот, — радостно сказала Мор-Мор. — Я же говорила, здесь здорово.

Человек моргнул и открыл второй глаз. Первый уже слезился, но он продолжал смотреть. Далеко к горизонту человек увидел дом. За ним еще один, и еще. Дома не были похожи на Станцию, они были похожи на картинки из учебных пособий по истории.

Мор-Мор не соврала. На Земле и правда было все, о чем она рассказывала.

Человек вытер глаза рукой. Посмотрел на небо, на траву, на деревья и животное. На дома. Там, наверное, жили люди. Или мутанты. Но жили же.

Человек всхлипнул и бросился назад, к Станции, которая все еще повторяла предупреждение. Забежав внутрь, человек стукнул по кнопке аварийного закрытия дверей. Он слышал, как Мор-Мор кричит ему

вслед, но не понимал ни слова.

Когда Станция стянула вход и перестала бубнить, человек вытащил тубу с таблетками, высыпал на ладонь семь оттенков лилового и проглотил их разом.

Тени приветствовали его громким воем.

* Фрагмент стихотворения Фрэнсиса Ледвиджа «В сентябре» в переводе Т. Стамовой

[Бультерьер]

— Мертвый бультерьер, — сказала Маришка.

— Дохлый, — поправил папа. — Про животных обычно говорят «дохлый».

Маришка послушно повторила: дохлый.

— Ну и вот, — сказал папа. — Вот, пожалуйста. Все, что мы не хотели знать о своих детях: дохлые бультерьеры, звуки из пустой квартиры, ночные кошмары. Скоро писаться начнет.

Маришка закатила глаза и фыркнула. Дядя Лис, которому папа жаловался на Маришкины рассказы, понимающе фыркнул ей в ответ.

— А что с квартирой? — спросил дядя Лис.

— Нет там никого, сосед умер месяца полтора назад, — ответил папа. — Виталич. Нормальный мужик был вроде, одинокий только. С собакой жил.

— С бультерьером?

— Да нет, мелочь у него какая-то была. Мохнатая и глаза выпученные.

— Куда делась?

— Да бог ее знает, — задумался папа. — Может, забрал кто. Родственники какие-нибудь.

Маришка вздохнула. Никто Боборышку не забирал. Сначала она убежала, а через две недели уже снова таякала в своей квартире, как и раньше, когда сосед был жив. Сам Виталь Виталич привычно шикал на

нее и уговаривал вести себя потише, потому что за стеной уже должна была спать Маришка. А потом они садились смотреть телевизор до самого утра.

— Ты боишься? — спросил дядя Лис Маришку.

Она помотала головой. Нет. То есть, да. Бультерьера. Он воет и сожрал всех кошек во дворе, даже случайно убежавшего Дымку тети Наташи. А Виталь Виталича с Боборышкой чего бояться? Хорошо даже, что они тут. Жалко только, дверь не открывают, Маришка стучалась несколько раз.

— Да днем-то их там и нет, — сказал дядя Лис. — Мы ночью сходим, еще постучим.

Папа посмотрел на него, как на безумного, но ничего не сказал. Сам напросился. Дядя Лис — большой специалист по призракам, он тебе, Маришик, быстро объяснит, что их не существует. Ну да, а кошки сами себя съели.

Большой специалист по призракам третий раз стукнул в старую дверь Виталь Виталича. Конечно, никто не открыл. Дверь, судя по пыльной ручке, никто не трогал с самых похорон.

— Я же говорил, — сказал папа и торжествующе посмотрел на Маришку. Маришка пожала плечами.

— Ладно, — сказал дядя Лис. — Сейчас посмотрим.

Он присел на корточки и двумя пальцами приподнял старый коврик у двери Виталича. Под ним, среди сухой грязи и слежавшейся собачьей шерсти, лежал ключ.

— Старая школа, — дядя Лис поднялся и аккуратно вставил ключ в замочную скважину.

Виталь Виталич нашелся на кухне. Сидел в темноте, гладил устроившуюся у него на коленях Боборышку. Боборышка тявкнула. Виталич тихонько шикнул на нее.

— Скучно там, — говорил Виталич. — А тут все свое. Диван. Телевизор. «Глухаря» снова показывают. Хор-роший сериал, все как в жизни. И девочка моя вернулась.

— А Боборышка дохлая? — спросила Маришка.

Папа сделал страшные глаза. Но Виталь Виталич не обиделся.

— А то ж, померла она, — сказал. — Не уследили родственнички, бросили. Вот он ее и сожрал.

Боборышка заворчала, Виталич стал наглаживать ее с удвоенной

силой.

— Кто сожрал? — спросил дядя Лис.

— Да этот, будтерьер поганый. Чтоб его.

— Вот, — сказала Маришка, посмотрев на папу. Папа почесал подбородок.

Бультерьер, по словам Виталича, принадлежал «одному там бандиту», который приезжал в гости к кому-то из соседей. Маришка и папа тогда еще не жили в доме даже. Пес был невоспитан, бросался на людей и драл чужих собак. За что они оба с хозяином и поплатились. Пса украли.

— Потравили, поди, — пояснил Виталич. — А то и пристрелили. А он возьми и вернись. Дохлый-то он только по ночам бродит, проблем меньше. Раньше днем покою не давал.

Во дворе громко и глухо завывала собака. Боборышка подняла шерсть на загривке. Папа безотчетно подтащил Маришку к себе, прикрыл локтем. Дядя Лис подошел к окну и долго всматривался в едва освещенный двор. Потом открыл раму и резким толчком кинул что-то вниз, Маришка не разглядела, только блеск. Снизу завизжало и затихло.

— Тело надо найти, — сказал Виталич. — Рядом оно где-то. Боборышка чует, знает. Уберете, так, может, и сам сбежит. Хозяин-то побегал-побегал, да и уехал. И ничего этого будтерьера, кроме тела, здесь и не держит. Я от квартиры далеко уйти не могу, а вы-то живые, вам-то, поди, проще.

— Я знаю, где он, — сказала Маришка и, покосившись на папу, добавила, — мальчишки говорили.

Папа закатил глаза, дядя Лис показал большой палец: завтра покажешь.

Смотреть на бультерьера Маришка не пошла. Видела она его, давно еще, когда только переехали. Ничего интересного. Лежит за заброшенным гаражом — лапы кверху, зубы скалит. Воняет, мухи кругом. Противно. Но вот ночью, когда окончательно ошалевший папа и совершенно невозмутимый дядя Лис пошли ловить пса-призрака, не удержалась. Накинула куртку прямо на пижаму с мультяшными зайцами, ноги в кроссовки сунула и выбралась из дома.

Бультерьер явился сразу после полуночи. Обежал двор, поднимая ногу возле каждого дерева, порылся в мусорке, обнюхал машину дяди

Лиса, а потом завыл. Где-то хлопнуло окно, кто-то рывкнул, тонким лаем откликнулась чья-то собака. Может, Боборышка. Маришка, спрятавшаяся возле мусорной камеры, сжалась. До сих пор она призрака не видела, боялась даже выглянуть в окно.

В принципе, от собственного мертвого тела бультерьер не сильно отличался. Такая же белая гладкая шерсть, такие же лапы колесом, только не застывшие, а вполне подвижные. Хвост торчком. Даже зубы похоже скалил. Только мух нет и глаза почти как живые. Маришка смотрела, не отрываясь.

Дядя Лис и папа стояли недалеко от подъезда и все видели так же хорошо, как Маришка. Дядя Лис что-то тихо сказал папе и пошел к псу. Маришка забеспокоилась. Понятно, что дядя Лис не кошка, но все равно же. Сквозь дверь соседнего подъезда вышел Виталь Виталич с Боборышкой на руках. Тоже не удержался.

Дядя Лис свистнул.

— Ну что, псина, зачем добрых людей пугаешь?

Пес завыл громче прежнего. Боборышка забилась, оскалилась. Маришка стала беспокоиться еще и за Боборышку. Вдруг сорвется и бультерьер ее снова съест. Ну и что, что она уже дохлая.

— Шла бы ты отсюда, а? — дядя Лис подходил к псу все ближе. Бультерьер перестал выть и, набычившись, зашелся злым лаем.

Маришке было так страшно, что она высунулась дальше, чем нужно было. И тут же попалась на глаза Виталичу. Тот сердито покачал головой, но она только отмахнулась.

— Ладно, — сказал дядя Лис. — Не хочешь сам уходить, я тебе помогу. Я, конечно, не Мор-Мор, но...

Маришка подумала, что он сошел с ума. Потому что дядя Лис начал читать стихи. Она ни слова не понимала и читал он их странно, рвано, то бормотал, то подвывал, то почти срывался на визг.

Бультерьер не унимался. Папа попятился. Виталич, одной ногой войдя обратно в дверь, сжимал Боборышку, рвущуюся в бой. Маришка подалась вперед.

Дядя Лис достал что-то из карманов. Ножи! Маришка отчетливо видела тонкие клинки и красные рукоятки, заканчивающиеся кольцами. Вот что он кидал вчера из окна!

Маришка сделала еще один шаг вперед.

Папа сделал еще один шаг назад.

Боборышка заверещала, слетела с рук Виталича и рванула к бультерьеру.

Маришка рванула за ней.
Бультерьер прыгнул.

— Ты нормальная?!! — кричал папа, качая Маришку в руках. — Ты цела?!!

— Ты цела? — шептал Виталь Виталич, качая в руках Боборышку.

Обе были целы. Маришка только чувствовала, как слегка начинают саднить колени, которыми она грохнулась на асфальт, хватая Боборышку (может быть, у Боборышки тоже что-нибудь саднило, но уже сильно потом Маришка сообразила, что вряд ли — она же дохла... мертвая).

Из-под папиного локтя Маришка смотрела, как исчезает бультерьер, рассеивается как туман. Видела, как, легко звякнув, падают на асфальт два ножа, до этого торчавшие у пса из груди — дядя Лис молодец, успел и всех спас. Слушала, как бормочет Виталич, а где-то далеко снова лает звонкая домашняя живая собака.

Один из ножей Маришка стянула у дяди Лиса прямо перед его отъездом. Вытащила из кармана куртки, пока они с папой на кухне «накатывали по последней». Ночью она клала нож под подушку, обхватывала ладонью рукоятку и спокойно засыпала под тихое бормотание телевизора Виталь Виталича из соседней квартиры.

[Что-то не так с детьми]

And you know your place and you don't touch my children
If the young man wants to see the sun go down

Flinty Kind of Woman
Dar Williams

И все же я до конца не понимаю, зачем ворошить эту историю. Несколько лет уже прошло, все прошло... Если вас так это интересует, могли бы у полиции и попросить протоколы, вы же свой. Ах, вы читали? Ну, конечно же. Внутренняя проверка? Ладно. Хорошо. С самого начала, я поняла.

...Наш поселок особенный, но таким он стал далеко не сразу. Даже и поселком — не сразу. Обычная умирающая деревня, каких много. Еще и в не самом удачном месте. До ближайшей трассы двадцать минут пешком, до ближайшего города — час на автобусе. Это если повезет. С одной стороны лес, с другой — болота. Райское место. Тупик. Чужому человеку здесь неоткуда взяться.

Из старожилов здесь практически никого не осталось. Кто-то умер, кто-то переехал сам, кого-то дети забрали. Дети же, в основном, и продавали дома и участки, практически за бесценок. Несколько предприимчивых друзей выкупили большую часть и привезли сюда нас — жен и детей. Построили новые дома, начали ухаживать за садами, провели газ и воду. Сюда по-прежнему нелегко добраться, если нет машины. Но у кого из нас ее нет? Разве у тех стариков, что еще остались. Так нам и помочь несложно, продукты, лекарства. Несложно.

Да и город подрос, до ближайшего торгового центра теперь всего-то минут двадцать езды. За сигаретами, конечно, в тапочках не выскочишь, но все остальное, как вы понимаете, перевешивает это маленькое неудобство.

Райское место. Чистый воздух, лес, несколько озер неподалеку, ежики, зайчики, тишина. Никаких чужаков, все свои. Одно большое соседство. Комьюнити, если понимаете.

Со временем поселок немного увеличился, конечно. Приезжали новые люди, покупали старые дома, строили свои. Или брали в аренду, как Дом культуры. Это Марковых второй дом. Обычный коттедж, просто название такое. Марковы однажды сдали его забавной троице музыкантов, которые прожили в нем чуть больше года, а потом стали передавать знание о поселке и доме из рук в руки. Там по очереди жили писатели, художники, помню, режиссеры еще какие-то были. Они все были взрослые, милые и изрядно нас забавляли; потом кто-то случайно назвал коттедж Домом культуры, да и так и прижилось.

В тот год там жила милая пара средних лет. Антропологи Ева и Юлий. Думаю, что никакая они были не пара, Юлий, кажется, и вовсе был геем. Но это неважно. Дети любили к ним ходить, какие-то маски,

какие-то амулеты, черепки, заклинания старинные, что-то такое. Юлий учил старших детей метать ножи. Конечно, сначала наши мужчины дали свое одобрение.

А Ева первая сказала, что с детьми что-то не так.

Чужих у нас здесь не бывает. Тот, кто хочет жить здесь, либо принимает правила игры, либо очень быстро выходит из нее. Возможно, даже без собственного желания. Но мы защищаем наш дом. Наш маленький патриархальный рай.

Август в том году был очень жаркий. Немыслимо жаркий. Яблоки, сливы и виноград нагревались на солнце, весь поселок пах как банка с вареньем. Это Ева так сказала, нам понравилось. В то лето мы жили в банке с вареньем, сладком и густом. Лениво обменивались рецептами шарлоток, гоняли детей к самым верхним веткам, постоянно что-то пекли и варили, а после собирались в чьем-нибудь саду, чтобы выпить холодного и передохнуть перед тем, как мужчины будут возвращаться со своих важных работ.

Возможно потому, что нам было жарко и сладко, мы и не заметили, что дети стали слишком тихими. Перестали носиться по поселку и горланить, перестали ходить в разрешенную часть леса и на озера, все чаще собирались у кого-нибудь дома и сидели, забившись в одну комнату — и старшие, и младшие вместе. Если кто-то заигрывался, кто-нибудь из старших вызывался его проводить — и быстро возвращался обратно.

Тогда в поселке жило семь семей с детьми, несколько родительских, две одиноких старухи из «прежних» и двое из Дома культуры. 27 взрослых, 18 детей — подростков и малышей примерно поровну. Идеально. Все смотрят за всеми. Люди со стороны почти не приезжали: несколько тягомотных вечеринок с партнерами и коллегами наших мужчин, аниматор на день рождения близнецов Петросян, скорая, кажется, еще была для одной из старух (все обошлось) и участковый, приписанный к поселку. Да, Леонид. Наш герой.

Он был хороший мужчина, заезжал даже чаще, чем того требовали инструкции. Мы все просто прекрасно к нему относились, поили чаем,

говорили, что у нас-то, у нас — ничего плохого не происходит. Леониду, помню, не понравился антрополог Юлий и его развлечения с ножами, но мы уверили, что ничего страшного не происходит. Мы сами были в этом уверены. Марков тщательно проверяет, кому сдавать Дом культуры.

Ева первая сказала, что с детьми что-то не так. Мы как раз пили холодный чай в саду у Марковой и подумывали, не перейти ли на шампанское. Пятница, можно себе позволить немного шалости. Восемь женщин — семь матерей — уставших после дня, проведенного в банке с вареньем. Когда Ева сказала про детей, мы отмахнулись. Что она, бездетная, могла понимать в детях? Мы были слишком расслаблены, слишком заняты жарой и сладостями. Слишком верили в то, что здесь — безопасно. Все смотрят за всеми, чужих нет.

А 28-го числа, ровно через неделю, пропала Анечка. Падчерица Марковой, звонкая, кудрявая, семилетняя Анечка — будущая первоклассница и любимица всего поселка. Позавтракала, сказала, что пошла гулять с близнецами Петросян, а уже через два часа Софья Аркадьевна, одна из «прежних» старух, поинтересовалась, почему же Анечка не дошла к ней, как обещала еще вчера. Что-то у них там было, про Буратино.

Близнецы Петросян поклялись, что и не собирались встречаться с Анечкой, мать засадила их за арифметику и они все утро мучительно складывали два плюс два и умножали получившееся на четыре. Маркова впала в панику и прибежала ко мне. Я позвала остальных, включая Еву. Старух решили не будоражить, мужчинам звонить не было времени. Они были далеко — в городе, они бы не успели приехать. А успев, наверняка наломали бы дров. Если бы не Леонид, мы бы и не стали им говорить.

Ева вытрясла детей. Выяснила, что они видели и почему перестали ходить по одному, забираться в лес и недостроенные дома. Они успешно бегали от него половину лета, и каждый из них, даже самые маленькие, знали, что будет, если проболтаться нам. У старших были страшные лица, кажется, они лучше нас понимали, где Анечка и что с ней может происходить.

Мы не могли поверить, что здесь... здесь, у нас... Мы не стали звонить мужчинам. У нас не было на это времени.

Мы вооружились. Думаю, со стороны это было даже немного забавно: похватали все, что под руку попало. Маркова чугунную сковородку, Лиля Петросян — лопату. Настасья вывела двух из своих псов, и шла на приличном расстоянии от остальных, потому что мы боялись ее доберманов даже несмотря на то, что нам нужна была их помощь. У меня была пневматическая винтовка, я люблю пострелять по мишени на заднем дворе. Никогда не думала, что смогу применить ее против человека. Но, слава богу, и не пришлось. Ева тоже пошла с нами, но я, признаться, не помню, что у нее было с собой. Возможно, ножи ее друга; я видела, она с ними тоже ловко управлялась.

Детей заперли в Настасьином доме. Под присмотром беременной Дили и оставшейся своры. Кое-кто из старших рвался с нами, пришлось рывкнуть не хуже добермана.

Два недостроенных дома на самой кромке леса, вот где они были. Дети раньше любили туда лазить, мы негласно разрешали, предварительно заставив мужчин проверить крепость балок и лестниц. Ничего страшного, у нас здесь безопасно. Всегда было безопасно.

Там мы их и нашли. Анечка плакала, так что сердце рвалось, платье испачкано, но он ничего не успел с ней сделать. Слава богу, ничего не успел, только напугал до полусмерти. Когда мы подошли к дому, он просто сидел там и смотрел. Наверное даже смеялся, какие мы нелепые с нашими сковородками и лопатами.

Что? Леонид... Да, конечно. Наш герой участковый. Просто чудо: оказался в нужное время в нужном месте. Даже и не знаю, зачем он в тот день приехал к нам в поселок и как нашел нас. Что-то спросить? Интуиция сработала? Хороший был человек, а вот и не спросишь теперь. Сразу как пошел этого бить...

Леонида так и не нашли. Полиция прочесала все. Следы борьбы, кровь, словно кого-то хорошенько проткнули ножом. Сам нож, интересный такой, с красной рукояткой. Кажется, оторванную пуговицу нашли, что-то такое. Я не помню. Я же говорила, что у нас тут болота?

Опасная вещь, даже дети знают. А Леонид мог и не знать. Он же здесь не жил, не очень хорошо ориентировался. Полиция все прочесала, но болота дело такое... Собаки очень быстро след потеряли. Вот и погиб наш герой.

Про того... ничего не знаю совсем. Увел его Леонид, да и пропали оба. словно и не было человека. Личность не установлена, сказала полиция. Мы, конечно, дали его словесный портрет, дети, кто постарше тоже. Никто его не знал. Никто его раньше не видел. Никаких вещей он не оставил. Как он к нам попал? Почему мы столько времени его не замечали? Нет, полиция, если что-то и узнала, то нам уже не сообщили.

Мужчины наши мудрили с охраной какое-то время, кнопки тревожные в каждый дом установили, даже старухам. Детям трекеры, нам — ключи от сейфов с оружием. Собаки теперь не только у Настасьи, мы вот тоже взяли алабая. А Маркова специально для Анечки лабрадора из Европы выписала, чтобы не отходил от нее. В школу она в тот год, конечно, не пошла, но это ничего, она умница, все уже нагнала как нужно. Потом, конечно, все успокоились. Никто даже не переехал. Хорошо у нас слишком, райское место.

Ну, вот старухи еще болтали, что теперь вокруг болота призраки должны бродить. Кто-то впечатлительный даже что-то слышал. Но мы-то, люди просвещенные, в такую ерунду не верим, правда?

Вот и вся история. Не знаю, зачем вам это было нужно. Прошло уже, нас сто раз опросили и записали. Все наше «оружие» у нас забрали, и Лилину лопату, и мое ружье, хотя я и выстрелила раза два всего и то в воздух. Вещественные доказательства, мол. Сковородку Маркова вот только потеряла где-то по дороге, не до сковородки уже было, а к собакам Настасьиным они даже и не рискнули подойти.

Дети? Да дети запутались просто, что вы! С Анечки вообще спроса никакого: испугалась маленькая и все перепутала, увидела Леонида, который нас спасать пришел, вот и твердила все «Дядя Лёня, дядя Лёня». А малыши за ней и повторили. Дядя Лёня... Леонид нас спас, что вы. Наш герой.

Дети просто запутались. Спросите Маркову, спросите Лилию,

спросите любую из нас. Ева с Юлием уже уехали, но наверняка вы сможете их найти и тоже спросить. Она расскажет вам то же самое. Слово в слово. Это же очень простая история: к нам в поселок пробрался какой-то псих, запугал наших детей, а когда мы пошли разбираться, вооруженные, господи прости, лопатами, нам на помощь пришел наш герой, участковый Леонид. И погиб где-то в болотах. Погиб, защищая наш покой. Нас больше никто не беспокоит. Здесь все всегда под присмотром. Здесь никогда не бывает чужих.

А теперь и вы уходите.

[Лола]

Лоле страшно. Лола мечется по комнатам и лестницам и не может найти выход. «Выхода нет» — так не пишут, никогда так не пишут. Всегда по-другому стараются. «Выход там», например.

Но там нет выхода. И тут нет. Нигде нет. Лола обежала все уже не меньше пяти раз. Комната с диваном, комната с камином, комната с портретами на стене (Лоле кажется, что они неодобрительно смотрят на нее), комната с буфетом, комната с огромным зайцем, нарисованным на стене, комната с книжными полками. И лестницы, лестницы, лестницы. Сколько же в этом доме лестниц, господи. Трухлявых, красивых, в коврах, с точеными изящными балясинами.

Лола мечется. Лола думает, дайте только выбраться отсюда, я его убью. И ее убью. Я их обоих убью. Выломаю балясину потяжелее и буду бить, пока кровью не захлебнутся. И тогда посмотрим, кто тут ссыкло, а кто настоящий охотник за привидениями.

Лола садится на пол в комнате с камином и плачет. Потом не плачет. В ее руке деревянная балясина.

— Отличный дом! — говорит Ава с восхищением. Они только что проплутали не меньше часа по огромному городу, полному пятицветных светофоров, плохо понятных улиц и шумной рекламы, и теперь стояли перед каменным пятиэтажным зданием из черного кирпича.

Дом похож на рыцарский замок и купеческие покои одновременно. Двери высокой аркой, два крыла в виде башен с остроконечными крышами, половина окон обычные, половина — самые настоящие бойницы, через которые можно отражать атаки варваров. Черный кирпич, черная черепица, черное дерево рам и дверей, темные окна, за которыми уже лет пятьсот не зажигали света.

— Бомба, — соглашается Улисс. — Даже Франкенштейну понравится. Наверное.

— Ага, конечно-конечно, — откликается Ава и тянет на себя тяжелую дверь.

В комнате с камином Лола снова плачет, обнимая балясину как куклу.

— Сколько ему лет, интересно?

— Погоди, — Улисс смотрит в записи. — Дом Вестенгаузена. Построен в... в 1913-м году.

— Ого. А сейчас 2370-й, — Ава даже не пытается подсчитать возраст находки. — Сильно.

— Раритет. Если мы его вытащим... Если только мы его вытащим!

— Что нам может помешать?

Не выпуская балясины из рук, Лола делает еще один круг по дому в поисках выхода. Без надежды, просто так, чтобы хоть что-то делать.

Ава и Улисс в полном восторге поднимаются по большой парадной лестнице. Жемчужина, шедевр, настоящее украшение коллекции. Пусть только вякнет кто-нибудь, что они фигней маются.

Лестница довольно ветхая, перила местами лучше не трогать вовсе. Но стены и потолок полны узоров, еще до конца не облезших, еще не осыпавшихся, спиральных, изломанных, цветочных, на каждом пролете — разных.

— Красиво, да?

— Ага.

— Я тут жить буду, вот что! Не, а что! Мысль! Притащу раскладушку

и буду от вас всех отдыхать.

— Очень устала, что ли?

Ава смеется.

Услышав голоса, Лола впервые за все это время улыбается. Улыбка кривая, но все-таки. Если это эти двое, то месть не за горами. Если кто-то другой, то, может быть, он знает, где дверь.

— Смотрите-ка, скелет.

— Отлично. Может, и призрак где-то бродит.

— Девочка. Молоденькая совсем. Как же тебя так, дружок? С лестницы упала?

Улисс пожимает плечами: девочки тоже умирают. Все умирают, о чем тут жалеть.

Лола выходит на площадку между вторым и третьим этажами, крепко сжимая балясину. Она уже укрепилась в мысли, что это — эти двое. Идите сюда, ну-ка.

— Смотрите-ка, — говорит Ава. В конце коридора третьего этажа, куда они только что вышли, стоит человек. Девушка, длинные ноги, восторженные кудри. Лица толком не разглядеть, но понятно, что совсем молоденькая.

— А вот и призрак, — радуется Улисс.

На дальнем конце коридора появляются люди. Насколько Лола может разобрать в темноте — мужчина и женщина. Попались, придурки. Большим пальцем она гладит теплое дерево балясины.

— Нет, всякое бывало в моей жизни, но получить по голове от призрака — впервые.

Возмущенная Ава лежит на диване в комнате с диваном. На лбу у нее разливается шишка, спасибо, сил у этой заполошной не так и много. Да и сама Ава не новичок, успела увернуться, так что балясина прошла по касательной. Кому другому и полчерепа ведь снести могла.

— Простите, — шепчет Лола в третий раз. — Я перепутала. Темно тут, понимаете? А я напугана!

— Мы понимаем, — успокаивающе говорит Улисс. — Мы тоже

немного обосрались.

— Нет! — Ава вне себя. — Я — не понимаю! Ты всех так встречаешь? Ты же призрак, ты, не знаю, цепями греметь должна, а не бейсбольной битой размахивать.

— Это балясина, — снова шепчет Лола.

Улисс громко и ненатурально чихает, заглушая рифмованный ответ Авы.

— И все-таки я не призрак, — Лола не хочет признавать очевидное.

— Ты — он, — свирепо говорит Ава. — Ты — мертвая, понимаешь?

Они перебрались в комнату с камином. Улисс разжег огонь и их тени плывут по стенам. Две тени. Третьей нет, как ни смотри, как ни рассаживайся.

— А вы какие? — Лола гладит балясину, того гляди, снова зарядит кому-нибудь в лоб.

— А мы живые.

— Они бросили меня, — Лола снова плачет. — Друзья, называются. Привели сюда... старый дом, старый дом! призраки! прикольно! А потом бросили.

— Слушай, — спрашивает вдруг Ава. — А в каком году это было?

— В смысле, в каком? — от неожиданности Лола перестает всхлипывать. — В этом.

— А этот?... — Ава вопросительно вскидывает брови. В темноте вряд ли видно, но интонация берет все на себя.

— 1990-й, — отвечает Лола, насторожившись. — А... а что?

— Сейчас 2370-й.

Лола глотает воздух, как рыба, выброшенная на берег. Улисс хмурится: может, не надо было так резко? Но это Ава, деликатности кот наплакал.

— Точно-точно я призрак? — спрашивает Лола.

— Точно.

Она уже успела наплакаться, пообниматься с балясиной, покричать, что такого не может быть, и смириться с мыслью о своем посмертном существовании после доброго десятка убедительных доказательств,

которые хорошо видно из окна. Она просто не замечала.

Но ей нужно еще одно, самое последнее.

— Где тогда мое тело? Я же здесь умерла, значит, где-то оно должно быть!

Лола смотрит на череп и полурассыпавшиеся кости. Смотрит долго, внимательно, потом довольно бестрепетно трогает собственные останки ногой.

— А я неплохо сохранилась, скажите?

Улисс и Ава хмыкают.

— Только вот знаете, что? — Лола садится на корточки. — По-моему, меня все-таки убили. Я не сама.

Ава и Улисс что-то неубедительно бормочут, но Лола переворачивает череп, показывая, как через весь затылок у него тянется длинная трещина, а ее разрывает вмятина с утопленными внутрь осколками.

— Удар тупым предметом, — резюмирует Лола, поднимаясь. — Вот же суки.

— Откуда знаешь? — спрашивает Ава.

— Детективы люблю.

Они сидят у камина, в котором горят два прекрасных, наверняка очень антикварных и очень ценных стула. Вечеринку, в целом, можно считать удавшейся, несмотря на то, что поводов веселиться, в общем-то, и нет. Улисс открыл вино. Ава травит байки. Не очень задорно, но для спонтанных поминок сойдет.

— Допустим, — говорит Лола. — Допустим, я призрак. А вы-то кто?

Привычная шутка про охотников за привидениями застревает у Авы в горле. Даже закашлялась.

— Любители старины, — Улисс умеет быть дипломатом.

— Дома грабите?

Вот же злая мертвая девочка.

— Нет. Забираем их целиком.

В камине стреляет стул.

— Один наш друг, — Улисс говорит медленно, аккуратно подбирая слова. — Один наш друг создает... собирает город. Последний город

Земли.

— Почему последний?

— Потому что других уже нет.

— Конец света, что ли, был? — Лола удивляется, что еще удивляется.

— Будет.

— То есть, вы из будущего?

— Вроде того.

Глаза у Лолы слегка стеклянные. Слишком много информации, думает Ава, для одного неопытного призрака. Не напугать бы совсем. Она подливает Лоле вина, жалея, что с собой всего одна бутылка.

— А сюда вы как попали? На машине времени?

— Просто на машине, — Улисс неопределенно машет ладонью. — Есть способы...

— Расскажите! — Лола вскакивает и возбужденно начинает нарезать по комнате круги. — Я могу? Мне надо... очень надо путешествовать во времени. Хотя бы один раз!

Ава и Улисс переглядываются. Призракам для перемещений во времени вообще ничего не нужно, ни машин, ни Шоссе Времени, ни указателей, ничего. Это в пространстве они сильно ограничены, а во времени — практически никак.

— Ты можешь, — наконец говорит Улисс. — Тебе это проще, чем нам. Только...

— Что — только? — вскидывается Лола.

— Ты можешь перемещаться во времени только в пределах этого дома. И вообще перемещаться. Ты здесь умерла, это твое место и ты не сможешь даже выйти отсюда

— Может, лучше с нами? — спрашивает Ава.

— С вами? В этот ваш последний город Земли? И что я там буду делать?

— Там ты сможешь выходить. Сможешь общаться.

— С кем это?

— С такими же как ты.

— Как я? С призраками? Вы туда всех призраков тащите?

— Не всех. Но да... тащим, — Ава хмыкает: забавный выбор слов.

Злая мертвая девочка недалеко от истины. Тащим. И, заметь, далеко не всегда спрашиваем их разрешения. Ты особенная.

Весь разговор Лола не останавливается, кругами бежит по комнате с камином. Она так увлечена, что даже не замечает, что уже не касается ногами пола. Не свалилась бы, думает Улисс. С другой стороны, что ей сделается-то теперь.

— Так что?

Лола напряженно думает, покачивая в руках балясину, которую она так и не выпустила из рук. Даже не спрашивая, она чувствует, что эти двое могли бы переместить дом и не интересуясь ее мнением. Но вот же, почему-то интересуются.

— А... а я могу все-таки попробовать разочек сама? Я вернусь, честно! — Лола не врет, уверенная, что они найдут ее в любом столетии и в любом году.

— Конечно, — улыбается Ава. — Мы никуда не торопимся.

— А... а как это делать?

— Ты должна знать сама.

— И вот откуда бы?

— Ну ты же знаешь, как летать?

Лола смотрит вниз и падает на пол с оглушительным визгом.

— Нет, не могу! Не могу! — после получасовых попыток переместиться хотя бы на секундочку хотя бы куда-нибудь Лола чуть не плачет. Улисс сочувственно молчит, Ава сильно жалеет, что вино закончилось.

— Погоди-ка, — Ава закрывает глаза и некоторое время сосредоточенно думает. Затем быстро встает, подходит к Лоле и что-то шепчет ей на ухо. — Запомнила?

— Запомнила! Тик-так, тик-так... — Лола радостно и довольно громко начинает повторять слова Авы, но та прижимает палец к губам: про себя. Лола еще раз кивает, шевелит губами и наконец растворяется в воздухе.

— Это вот что сейчас было? — спрашивает Улисс. — Ты тоже призрак? И скрывала это от меня?

— Это была считалка для поднятия боевого духа, — отвечает Ава. —

Придумала только что, чтобы ей было проще войти в нужное состояние. Кажется, это называется... не помню я, как это у вас называется, но, как видите, сработало.

— Просто считалка? — Улисс недоверчиво хохочет.

— Ну ей-то я сказала, что это заклинание. Вот что вы смеетесь?

Сработало же!

Через двадцать минут Лола возвращается. Глаза горят, кудри растрепались еще сильнее, футболка треснула по шву подмышкой. Балясина, которую Лола держит в руке, неприятно влажная и темная, поблескивает в свете догорающих кресел.

— Круто! — кричит она. — Это очень круто! У меня получилось, хотя я и промахнулась.

— Промахнулась?

— Да! — кажется, промах не очень расстроил Лолу; она взлетает. — Я хотела в одно время, а попала в другое. Но ничего! Я потренируюсь!

Лола отбрасывает балясину в угол и пикирует сверху на Аву. От таких обнимашек и отъехать можно, думает та, но все же дружески похлопывает Лолу по спине; как и балясина вся одежда призрака полна влажных и темных пятен.

— Ты где так замызгалась? — спрашивает Улисс.

— А! — машет рукой Лола, снова поднимаясь в воздух. — Там два утырка девчонку мучали, пришлось ей помочь немного. Чего-то много крови в людях, а? Грязненько. А как думаете, они теперь тоже призраки?

— Не исключено, — задумчиво говорит Ава. — Не исключено.

Лола танцует под потолком, почти что самый счастливый призрак на свете. Совсем-совсем скоро она еще найдет этих двоих, вот только потренируется немного, и тогда ее счастье станет абсолютно полным.

— Отличный дом, — говорит Ава, разглядывая пятиэтажную махину из черного кирпича.

— Бомба, — соглашается Улисс. — Жалко, что она не согласилась.

— Ну, можем попробовать лет через триста. Если захотим... Вообще, вам не кажется, что мы только что породили монстра? Собственными руками.

— Ну уж монстра. Призрак как призрак, в меру симпатичный, в меру мстительный.

— Ага, привидение с балясиной.

Улисс смотрит на дом, дом смотрит на него черными окнами.
Бомба...

— Инспектор! — Ава уже убежала к машине. — Я тут недалеко вроде магазин видела. Заедем? Не помните, в этом веке вино еще продают?

Тик-так (Сцена после титров)

Улисс удивленно смотрел в окно автомобиля: вместо привычной стоянки возле бургерной, бесконечной степи и Последнего Города, тонущего в вечном тумане на горизонте, вокруг был лес. Тяжелый, густой, с едва пробивающимся сквозь кроны деревьев солнечным светом и высокой травой. Красиво, конечно, но вроде бы они сюда не собирались. Во всяком случае до того момента, как Улисс передал управление пикапом Аве и задремал, ни о каких лесах не шло и речи.

На капоте с отсутствующим видом сидела Ава, в одной руке сигарета, в другой — вино. Она поприветствовала вылезшего Улисса вялым взмахом бутылки.

— Это мы где? — спросил Улисс.

— Это вот чтоб я знала.

— Заблудились?

— Угу, — Ава сделала большой глоток и передала бутылку напарнику. — Миленько, да?

Улисс разглядывал лес. Он не был большим знатоком ботаники, но время чувствовал хорошо. В этом лесу никогда не было людей. Здесь не было медведей, или зайцев, или еще какой-то привычной живности. Если они сюда и заглянут, то через пару-тройку миллионов лет.

— Я не понимаю! — расстроено заговорила Ава. — Простите меня, Инспектор, но я правда не понимаю, как это произошло! Шоссе как шоссе, указатели как указатели, мы уже почти дома были! А потом внезапно вот. Я сто тысяч раз ездила, сроду так не ошибалась. Я не могла так ошибиться.

— Разберемся, — не совсем уверенно ответил Улисс. Так ошибиться было действительно непросто. Что там — невозможно. Новичков Шоссе Времени иногда запутывало, дразнило и швыряло в разные точки. Некоторым месяцами приходилось выбираться к полному

неудовольствию Франкенштейна. Но чтобы опытнейшую Аву? Немыслимо. Но чтобы на несколько миллиардов лет назад? Невозможно.

— И Шоссе пропало... — совсем уж убитым голосом добавила Ава.

Это было полностью за пределами понимания. Шоссе Времени, единственная константа мира, пропало? Ужас этой ситуации не сравнится ни с одним концом света. А Улисс повидал их немало.

— Ой. Слышите? — Ава спрыгнула с капота, заозиралась. Улисс прервал размышления о том, как и почему Шоссе так подшутило над ними, и напряг слух.

Мужской голос, веселый и расслабленный, словно его обладатель находился в душе, а не в запредельном доисторическом лесу пел короткую песенку. Детскую такую. Всего четыре строчки, по кругу.

— Тик-так, тик-так,

Решено, все будет так.

Время подчиняется,

Дорога начинается.

— Бред какой-то, — прошептал Улисс.

Ава медленно вытянула сигареты из кармана и попыталась прикурить. Руки слушались с трудом, сигарета загорелась не с того конца. Отплевываясь и шипя Ава потушила ее и сунула обратно в пачку.

— А вы знаете, что он поет? — спросила она. — Это считалка для Лолы. Чтобы Лоле было проще путешествовать во времени.

— Ты же ее... — Улисс осекся.

— Да, Инспектор, я придумала ее сама. Часов этак пять назад всего. Они переглянулись. Голос приближался.

— Тик-так, тик-так...

[Некрополь]

Шоссе уже было никакое не Шоссе, скорее Проселочная дорога времени или Грунтовка времени, но оно все еще существовало и куда-то вело сквозь заросли папоротников. Куда? Сориентироваться не выходило.

— Ничего не чувствую, — сказала Ава. — Мы едем вперед или назад? Вы понимаете?

Улисс неопределенно пожал плечами. Впервые он не мог сказать наверняка — в будущее они едут или в прошлое. И от какой точки, если на то пошло. Лес вокруг становился все реже, растения все ниже и причудливее, горки и камни по обочине все выше; возможно, они двигались в сторону начала, а не конца, но в дочеловеческих временах Улисс никогда не бывал, не разбирался, а значит, и уверенности быть не могло. Ехали.

— Просвет, — сказала Ава с пассажирского сидения. Шоссе уходило в развилку между двумя огромными валунами.

— Ничего себе, — сказал Улисс. Они проехали валуны и встали. До самого горизонта во все три стороны (а оглянувшись, они поняли, что и во все четыре — леса за спиной больше не было) — только надгробия и камни, камни и надгробия. Кресты и плиты, обелиски и стелы, памятники, пирамиды, склепы, саркофаги, курганы, каирны, голограммы, урны... Плачущие ангелы, звезды на вершинах, вычурные сооружения, выбитые имена и даты, сотни тысяч дат. Ава присмотрелась: никакого порядка, рядом могли быть век двадцатый, сороковой, семидесятый и что-то очень древнее, недатированное, неподписанное.

Единственное, что объединяло все кладбище — красно-коричневый цвет и красно-коричневая пыль. Ни одного цветка, листочка, ни одной веточки. Ни черта не понятно.

Заглушив мотор (бензина осталось совсем мало), Улисс спрыгнул на Шоссе, тоже покрытое красно-коричневой пылью. Ава вышла за ним.

— Для времени, в котором нет людей, очень интересное местечко, — сказал Улисс.

— Да, ничего себе кладбище, — согласилась Ава, вдумчиво разглядывая кресты и курганы. — Цвет странный, да? Что-то он мне напоминает... А так мы все-таки назад уехали? Но откуда здесь вот это все?

Первое правило путешественников во времени — не сходить с

Шоссе, пока не разберешься с обстановкой. Кто его когда выполнял? Улисс сделал шаг к ближайшей могиле.

— Стойте! — Ава дернула его за рукав. — Погодите.

— Что такое?

— Я все поняла! Про цвет. Не сходите с Шоссе, там воздуха нет. В смысле, кислорода. Не появился еще.

Улисс присвистнул.

— Ничего себе гребеня, да? — спросила Ава. — Нехорошо тут. Надо разворачиваться.

— Если только задом сдавать, — Улисс с сомнением смотрел на пикап, развернуть который на узком Шоссе, не выехав за его пределы и не разломав пару-тройку ближайших надгробий, было очевидно невозможно.

— Значит, сдавать, — Ава сомневаться не любила.

— А выяснить, что это за место такое?

— А как? Сколько нового мы узнаем в безвоздушном пространстве?

— А что именно вы хотели бы узнать?

Ава подпрыгнула и крутанулась вокруг своей оси, Улисс поперхнулся. За их спинами стоял человек, завернутый в хламиды все того же, уже поднадоевшего красно-коричневого цвета. Волосы, лицо и руки незнакомца были едва ли на полтона светлее. Человек был очень высок, даже Улисс, который никогда не жаловался на рост, приходилось поднимать голову, чтобы посмотреть незнакомцу в глаза. Очень светлые, почти прозрачные глаза.

— Здр... кхм... здравствуйте, — осторожно сказал Улисс. — Вы здесь живете?

— Ну, не только здесь, — дружелюбно откликнулся красно-коричневый. — Но это определенно мое любимое место во все времена. Меня называют Мёбиус, чем могу помочь?

— Что здесь происходит вообще? — Ава сразу перешла к делу. — Это вы тут все устроили? Это что это вы тут устроили такое?

— Безусловно, я, — Мёбиус улыбнулся. — Рад видеть, что мой Некрополь вам понравился.

— Да не осо... — Улисс толкнул Аву в бок, она прикусила язык.

— Очень любопытное место, — дипломатично сказал Улисс. — Не думал, что в начале времен были люди и кладбища.

— О, разумеется, здесь никого еще не было и не может быть, — ответил Мёбиус. — Тем и прекрасно это время, что здесь никто не смог бы мне помешать. Впрочем, скоро все изменится, каких-то пара-тройка миллиардов лет и материки сдвинутся, все будет испорчено. Таков закон природы. Но я не сдаюсь. Теперь мой Некрополь растет к началу времен, и, вероятно, я все успею.

— Кто же здесь похоронен?

— Многие! Живые и мертвые, люди, звери и птицы... Все, кто попался в мои ловушки, все, кого привели мне мои друзья, — на секунду Мёбиус замялся, потом несколько огорченно добавил: — Но, к сожалению, пока еще не все.

— Не все? — Ава и Улисс озадаченно переглянулись. Пафоса было много, ясность не наступала.

— Представьте себе, сколько людей родилось и умерло от начала их существования и до последнего конца света! Миллиарды и миллиарды, сотни миллиардов! И все они должны быть здесь, живые и мертвые, быть рядом со мной. Лежать здесь.

Похоже было, что Мёбиус заводился сам от себя. Он начал махать руками — рукава хламиды бились и хлопали, словно крылья у птицы на взлете; глаза сверкали, голос становился все громче.

— Дурдом, — шепотом сказал Улисс. Ава кивнула. Они непроизвольно начали отодвигаться от Мёбиуса и проблема была только в том, что отодвигались они и от машины. Это могло быть нехорошо. Мёбиус наступал, брызгая слюной.

— Мой Некрополь — лучшее, что будет когда-либо сотворено на этой планете. Место покоя, место счастья, место силы. Вы поймете! Вы поймете и согласитесь со мной!

История вырисовывалась психопатическая. Улисс почесал правую ногу, проверяя на месте ли нож. Ава лихорадочно перебирала в голове слова, способные притормозить наступление Мёбиуса; слова не находились.

— То есть, вы хотите похоронить здесь всех, кто живет на Земле? — Улисс говорил тоном, которым говорят с идиотами, истериками и дикими собаками.

— Да! — Мёбиус внезапно остановился, прекратил вращать руками и даже снова заулыбался. — Прекрасная идея, правда?

Не особо, снова решила Ава, но рот раскрывать не стала.

— Но зачем?

— Потому что могу! — он захохотал. — Вам понравится.

Аву перекосило. Она не удержалась.

— Вот говно-то! — сказала чуть громче, чем следовало.

Мёбиус нахмурился. Улисс снова почесал ногу.

— Вам понравится, — повторил Мёбиус. И голос его теперь был не истеричен, и не весел, а спокоен и тих, совершенно нормален. — И так как вы гости — а у меня уже давно не было здесь гостей — я дам вам выбор: вы будете похоронены заживо или сначала умрете. Первый вариант спокойнее, но во втором впечатлений больше. Рекомендую.

— Вы говорили про друзей, — не то, чтобы Улисс рассчитывал уйти без боя, но время потянуть было бы неплохо. — Что это за друзья-то такие?

Мёбиус усмехнулся.

— Время тянете? Нет никаких друзей, были да вышли все, лежат в уютных могилах, ждут своего часа. Но их помощь все еще бесценна, бесценна.

— Тоже заживо похоронили? — мрачно спросила Ава, злая на себя за то, что не сдержалась.

— А как же! Говорю же, интересные впечатления. Не отказывайтесь. Кстати, могу положить вас один гроб, многие семьи такое выбирают. Коротать вечность вдвоем веселее, я не против. Или ваша традиция в гробах не нуждается? Тогда еще проще. Вам как — стоя, лежа? Курган, памятник, стелу?

— Он издевается? — прошептала Ава.

Мёбиус издевался:

— К сожалению, цвет не удастся выбрать. В эту эпоху модны все оттенки кирпичного, все остальное не прижилось как-то.

Улисс покачал головой:

— Спасибо, но мы наверное все же откажемся.

— Ну что вы, — еще шире заулыбался Мёбиус. — Отказаться нельзя. Вы меня расстроите.

— Но мы все-таки попробуем.

— Вы. Меня. Расстроите, — Мёбиус стоял на своем.

Улисс зачесался. Ава начала бормотать, без особого расчета на успех, просто первое, что пришло в голову.

— Тик-так, тик-так...

Мёбиус захохотал. Улисс замер. Ава осеклась, но тут же продолжила: «Решено, все будет так». Что, правда, «решено» — неведомо. Возможно, здесь они с Улиссом вообще ничего не решают.

— Тик-так? — смеялся Мёбиус. — Это что, заклинание? Была у меня тут одна такая, сначала тик-такала, потом плакала...

— Лола? — у Авы перехватило горло.

— Да откуда ж мне знать, как ее звали? Но могу и рядом закопать... если вспомню, где она.

— То есть, здесь и призраки есть? — Улисс напряженно думал, как применить новое знание.

— Есть, есть, чего ж не быть. Чем же они хуже остальных?

Мёбиус прищелкнул пальцами и со всех сторон раздался вой и хохот. Прищелкнул второй раз — голоса болезненно захлебнулись.

— Конечно, есть, конечно!

Мёбиус все еще хохотал, Ава снова забубнила считалку. Улисс решил, что тянуть дальше нет никакого смысла, и бросил нож.

Одной рукой Мёбиус схватился за горло. Вторую — раскрытую — выбросил вперед. Улисса вышвырнуло за пределы Шоссе. Он упал спиной на надгробие, начал кашлять, начал задыхаться. Ава вскрикнула и бросилась за Улиссом. Задержать дыхание она не успела.

— Да давайте же! — она пыталась вытащить Улисса, старалась не кричать, старалась сохранить хоть немного воздуха. Главное, вернуть Улисса на Шоссе, главное, чтобы он начал дышать. С этим ублюдком разберемся позже, главное, вытащить, вытащить, успеть...

Последнее, что запомнила Ава — тяжесть Улисса. Боль в легких. Смех Мёбиуса. Полметра до Шоссе. Вспышка белого света.

Тик-так.

Тик

Так

Первое, что увидела Ава: горящий пикап посреди шоссе. Самого обычного шоссе, с маленькой буквы. Просто дорога, расстояние, из

точки А в точку Б. Над машиной крутились, заливая ее пеной, пожарные дроны. Рядом с Авой возился диагностический бот, крохотное, моргающее оранжевыми глазками композитное существо на тонких ножках, очаровательное и бесполезное. Ава пихнула его рукой и попыталась встать. Второй рукой она все еще обнимала Улисса. Он не дышал; времени больше не было.

— Инспектор! — легкие жгло огнем, но Ава, вспоминая на ходу приемы первой помощи, начала делать Улиссу искусственное дыхание. Никакой уверенности, что это поможет, никакой, господи, разве это может помочь? Но она била и била ему в грудную клетку. — Да дыши же ты! Господи!

Спустя долгие минуты, которые Ава пропустила через себя все до одной, Улисс задышал. Шмыгнув носом, она отсела. Восторженно запищал бот. Улисс открыл глаза.

— Ёб вашу мать, Инспектор, — сказала Ава. — Живой.

— Больно, — сказал Улисс и сипло закашлялся.

— Ну да, — сказала Ава. — Я вам, это, кажется, ребро сломала. Во всяком случае хруст стоял знатный... Простите.

Рядом с ними, адски завывая, остановилась машина скорой. Диагностический бот удовлетворенно запищал и моргнув зелеными глазками, отключился. Что будет дальше — не его забота.

2020 - 2021 г.

